

Встречи с Учителем

Annotation

Воспоминания о Встречах с Учителем

- [Содержание](#)
 - [Встречи с Учителем. Елена Ерзина](#)
 - [Рассказы очевидцев](#)
 - [Встреча с Учителем. Алексей Захаров](#)
 - [Неканонизированная история жизни Учителя](#)
 - [Воспоминания Павла Казновского](#)
 - [Учитель — свет жизни. Солнце наше](#)
 - [Мои встречи с Учителем. Александр Морозов](#)
 - [Сие творится в воспоминание о Нём](#)
 - [Выступление в д.к. "Каучук". Игорь Хвощевский](#)
 - [Рассказывает Владимир Черкасов](#)
 - [Откровенный рассказ о самой важной встрече в моей жизни](#)
-

Содержание

[Встречи с Учителем](#), Елена Ерзина

[Рассказы очевидцев](#)

[Встреча с Учителем](#), Алексей Захаров

[Неканонизированная история жизни Учителя](#), Алексей Захаров

[Воспоминания Павла Казновского](#)

[Учитель — свет жизни. Солнце наше](#), Дина Кондрашина

[Мои встречи с Учителем](#), Александр Морозов

[Сие творится в воспоминание о Нём](#), Александр Сопроненков

[Выступление в д.к. "Каучук"](#), Игорь Хвощевский

[Рассказывает Владимир Черкасов](#)

[Откровенный рассказ о самой важной встрече в моей жизни](#)

Встречи с Учителем. Елена Ерзина

Однажды моя подруга сказала мне: «Ты напиши о своих встречах с Учителем, о себе. Напиши свою историю. Найдутся люди похожие на тебя по своему характеру и мировосприятию, созвучные по душе, и через твоё видение, через твою историю им откроется понимание Учителя и его учения». Я подумала: «наверное, она права». Решила написать о том, что помню, поделиться с людьми тем, что ценно и дорого для меня.

Мне посчастливилось трижды приезжать к Учителю на хутор Верхний Кондрючий в то время, когда Он проживал в доме у Валентины Леонтьевны Сухаревской, его последовательницы и верной помощницы. Каждый приезд длился по три дня, всего девять дней. Я так и назову свой рассказ: «Девять дней, которые потрясли мир». Мой мир изменился, он стал другим, в него вошёл воплощённый живой Бог.

Как я дожила до такой жизни?

В 1981 году мне было 25 лет. К этому времени я закончила химико-технологический институт, поработала несколько лет по специальности в химической лаборатории научно-исследовательского института. Со здоровьем начались проблемы. За последний год работы в НИИ у меня было в общей сложности 8 месяцев больничного листа. То есть, я болела, потом выходила на работу и через несколько дней опять была вынуждена брать больничный. Иммуниетет был ослаблен приёмом антибиотиков и нервным перенапряжением от различных житейских неурядиц. Фибрильная температура, боязнь сквозняков, боязнь промочить ноги... Я куталась зимой и летом, даже спала в тёплой пижаме, носках и платке! С пищеварением было тоже всё плохо. Всё это вроде бы не смертельно, но жизнь была не в радость. Так как выросла я в пассивно атеистической семье, каких в советское время было большинство, задумываться о причинно-следственной связи мне пришлось самой. Стали появляться знакомые, которые что-то советовали, приглашали посетить те места и занятия, которыми

были увлечены сами. В руки попадала литература, не то чтобы запрещённая в то время, но которой просто в стране не издавалось: книги, привезённые из-за границы, что-то в перепечатках. Мне даже подарили Библию, изданную в Финляндии. Так я почитала о буддизме и других индуистских религиях, о Конфуции и других философиях востока. Читала труды западных христианских проповедников, труды и житие православных святых. Немного позанималась в группе йоги, посетила молебный дом баптистов, старообрядческую церковь. По совету одной очень образованной в науке и в делах теософии знакомой я стала посещать православную церковь, где настоятель и все батюшки были celibатами. Там я исповедовалась по всей строгости, соблюдала правила и добросовестно выдержала «Великий пост». В Пасхальную ночь я отстояла весь молебен и крестный ход.

Вся эта давно случившаяся библейская история, как бы перенеслась в день сегодняшний, или я ощутила себя там, в толпе. Когда происходили эти события. Теперь я понимаю, что стоило добросовестно первый раз в жизни выдержать пост, а это делание дела, и искренне молиться, чтобы Бог услышал и открыл душевное видение, показал правду. А тогда стояла я непонятно где, непонятно в каком времени, скорее 2 тысячи лет тому назад, чем здесь и сейчас, остро ощущая весь трагизм случившегося, и думала: «Ведь несколько дней назад Он был ещё жив, исцелял, проповедовал и учил», и слёзы медленно текли по моим щекам. «Неужели нельзя было не убивать?... Неужели нельзя по-другому? ... А сильно ли изменились люди с тех пор, и в какую сторону?» И словно переместившись из прошлого, я оглядела стены церкви, всю эту великолепную позолоту, расписные своды, резные подсвечники и плафоны, богатое убранство икон и расшитую золотом одежду священников. Мне показалось, как это не уместно и не вяжется с тем образом Христа, который здесь же, в церкви изображён в простой одежде, без всяких излишеств. Мне захотелось выйти на воздух, побыть одной, чтобы мысли и чувства свободно успокоились во мне. Я медленно пошла через парк, остановилась у большого дерева, подняла глаза к небу. «Где Он, Бог? Он, наверное, там, в вышине, может быть, и здесь — рядом... Он, наверное, во всём?».

Впоследствии я ещё не раз возвращалась к размышлениям: «Как, для чего и по чьему хитрому замыслу всем этим помпезным великолепием обросла та далёкая история, когда Бог, желая помочь людям выйти из тех заблуждений, путём которых они пошли, предав и забыв своё Божественное предназначение, воплотился среди них, чтобы быть доступным и понятным, чтобы подать им пример и повести за собой. Из Евангелий мы знаем, что Он был прост, не стремился к богатству, исцелял, так как самым дорогим считал здоровье тела и души, учил добру, прощению и любви. Со временем придут ответы и понимание. А пока в парке я осталась одна... и Бог, который везде и во всём, что окружает меня. Но чего Он ждёт от меня, какого служения, каких поступков, как говорить с Ним, а главное — как услышать Его?... А самоедство твердит своё: «Ты просто какой-то ни к чему не приделанный человек, бессистемный, подвешенный в пространстве, не понимающий и непонятый». Ну что же? Надо жить дальше.

Не найдя ответа и поддержки в религии для улучшения своего здоровья, решила, что хотя бы, нужно расстаться с химией. Случайно я узнала, что на одном крупном предприятии свободно место инструктора по клубной работе, в обязанности которого входило, организовывать и проводить различные соревнования и туристические слёты, а так же обеспечивать участие команд этого предприятия в соревнованиях и слётах районного и городского значения. Нужно было подготавливать спортивное снаряжение: что-то покупать, что-то брать в пункте проката, заказывать автобусы для выезда на места соревнований и слетов, получать разрешения для проведения массовых мероприятий, обеспечивать меры безопасности, как участников, так и окружающей среды от участников и тому подобное. В общем, много всякой беготни за зарплату значительно меньшую той, что я получала, будучи младшим научным сотрудником в НИИ. Кроме того, я ничего в этом не понимала и сама была человеком далёким от спорта. Но с химией надо было расставаться. Мне сказали: «На месте всё поймёшь и можешь консультироваться в райкоме комсомола. Там есть отдел по спортивно-массовой работе с молодёжью». И я решилась на это. По ходу дела осваивала новую специальность, новую терминологию. Читала всякие положения о соревнованиях, слётах и

т. п. Весна, лето, осень — самый активный период в этой работе. Подвижность и разнообразие пошли мне на пользу. Я почти не болела. Уже кончалась осень, дело шло к зиме, я опять начала кутаться, боясь простуды. В это время моё внимание привлёк один парень примерно моих лет. Он встречался мне иногда, то в проходной, то на территории, так как работал в одном из отделов нашего предприятия. Он ходил на работу в лёгкой курточке и в сандалиях на босу ногу. Наконец выпал снег и стало морозно, а он появлялся всё в том же виде, в сандалиях на босу ногу. Как-то я спросила его, как он достиг такой закалённости — наверное, есть какой-то метод? Он ответил, что есть. «А можно узнать об этом подробнее», спросила я. Он посмотрел на меня внимательно и сказал: «Можно». Но Времени для обстоятельного разговора всё не находилось, если бы не случай, который предоставил нам и место и время для этого. Приближались майские праздники, во время которых наше предприятие не работало несколько дней. В администрации кто-то составлял списки и график круглосуточного дежурства, на праздничные дни. За дежурство предоставлялись отгулы, дело это было «полудобровольное». Мне сказали, что я второго мая меняю предыдущего дежурного в 9 часов утра и дежурю до 9 часов вечера. Дежурным была отведена комната для проведения совещаний в административном корпусе. Я согласилась. Первого мая была на даче, успела взрыхлить грядки, посеять редиску и всякую зелень. Второго мая я запыхавшись, с небольшим опозданием, явилась на дежурство и с удивлением узнала, что меняю Мишу — того самого парня который всю зиму ходил в сандалиях на босу ногу.

— Привет, извини за опоздание. Я с электрички.

— Да ладно, я ни куда не спешу, — Миша сидел за председательским столом, обложившись книгами и, что-то писал. Он учился в заочном институте.

— Можно попить чайку. Вон там электрочайник и посуда, — сказал он. У меня с собой было печенье и бутерброды. Когда Миша закончил писать, присоединившись к чаепитию, я задала ему вопрос о методе закалки, про который он обещал рассказать. Миша достал из сумки журнал «Огонёк» № 8 ФЕВРАЛЬ 1982 г. и открыл его на статье

под названием «Эксперимент длиною в полвека». Дал мне: «Почитай». Я вспомнила, что эту статью мне показывал один мой знакомый — Слава. Я её уже читала, но это не произвело на меня впечатления. Сам Слава ничего к этому не мог добавить, кроме того, что его знакомые уже занимаются по этой системе и есть результаты. Я ещё раз прочитала статью про Порфирия Корнеевича Иванова и стала задавать вопросы. Как разговор с Мишей перешёл на теософскую тему я не помню, но говоря про Христа, я сказала: «А он говорил, что скоро придёт». «Да», — ответил Миша, внимательно посмотрел на меня и после некоторой паузы добавил: «Так Он уже пришёл». Я замерла. Я сидела тихо, затаив дыхание прислушивалась к пространству, обводила пространство комнаты глазами, как будто искала волшебную дверь, в которую можно войти. Да, она открылась передо мной, и я могу войти, и меня там ждут! В самой глубине сердца, души или сознания — в самой глубине себя я уже знала об этом. Что-то пронзительной, тонкой струной протянулось из сердца к нему: «Он пришёл!». Что-то позвало, и я уже знала, что буду идти по этой тонкой струне, где бы она ни проходила. Он пришёл! Мне не нужны никакие доказательства, я это просто знаю. Так длилось пару минут. Наш разговор продолжился. Миша рассказывал об Учителе, к которому он впервые приехал несколько лет назад. Я задавала вопросы, накопившиеся у меня в результате моих теософских исканий. И Миша отвечал, ссылаясь на Учителя, так как и сам когда-то задавал Учителю подобные вопросы. Интересно то, что многие ответы подтверждали мои собственные догадки и мысли. Например, я спросила о перевоплощении души — происходит ли это и как? Ведь в индуизме и христианстве к этому совершенно противоположный подход. Миша ответил, что Учитель сказал: «Перевоплощение есть, но оно не нужно. Оно возникло в результате многократности умирания, которое люди получили, утратив бессмертие, так как пошли не по пути развития себя в природе, а пошли по пути потребления природы». Удивительно, но мне тогда, это было сразу понятно. Я и сейчас не знаю, как должно было быть правильно по Божьему умыслу. Но, что человечество идёт по ошибочному, губительному для себя и Земли пути, мне было ясно тогда, как и сейчас — спустя 32 года. Мы же все вместе зашли не туда и очень далеко. Как тогда, так и сейчас понимание того, что я не знаю, каков был умысел творца, когда Он создавал человека, и не знаю

точного способа, как теперь нужно выходить из сложившегося положения, не огорчает меня. Я знаю, что Творец есть любовь и прощение. Он хочет спасти человечество. Затем и воплощается Бог среди людей, чтобы самому проделать первые шаги по пути спасения и позвать за собою людей. Он сделал это (50 лет практики Учителя Порфирия Иванова). Но для продолжения и развития дела нужны люди, которые доверяют Ему и исполняют, те правила, которые Учитель оставил нам, это правила ДЕТКИ. Когда таких людей будет нужное количество, тогда Он снова придёт, чтобы быть впереди и вести дальше. Учитель говорил: «Я уйду, мне моё тело надо будет обновить, но я скоро приду...». Впоследствии, во время общения с самим Учителем, Валентиной Леонтьевной и другими последователями, которые были с Учителем много лет, я больше узнавала о Его жизни, высказываниях и предсказаниях. Об этом я буду писать ниже. Ну, а пока я продолжу своё повествование.

Второе мая 1982 года, на улице прекрасная погода. Я и Миша сидим в комнате для совещаний руководства предприятия, нас ничто не отвлекает, дежурство идёт спокойно. Мы пьём чай и ведём удивительную беседу об Учителе, о воплощённом живом Боге. Я задаю вопросы. Миша отвечает, во многом ссылаясь на беседы с Учителем. Ответы легко принимаются, и кое-что в голове становится на свои места. Миша сказал, что в июне, после сессии он берёт отпуск и поедет к Учителю. Я отпуск взять не могу, но у меня есть отгулы. Я сказала, что тоже хочу поехать. Пока мы предварительно об этом договорились.

В начале июня мне было нужно обеспечить участие команды нашего предприятия в районных соревнованиях по спортивному ориентированию. После чего, сдав отчёт о проведённом мероприятии, я собиралась взять отгулы, чтобы вместе с Мишей поехать к Учителю (Порфирию Корнеевичу Иванову). Для участия в соревнованиях нужно было брать некоторое снаряжение в пункте проката, в том числе большую штабную палатку. Соревнования прошли хорошо. Наша команда заняла второе место. По окончании соревнований райкомом комсомола был предоставлен автобус, для вывоза общественного снаряжения, судейской бригады и инструкторов. В город мы на этом

автобусе приехали уже поздно вечером, поэтому было решено, всё снаряжение выгрузить и сложить в райком в инструкторской комнате, а в течение следующей недели инструктора разных предприятий заберут своё снаряжение. Во вторник я приехала в райком, чтобы забрать штабную палатку. В инструкторской, в углу комнаты, на полу всё ещё лежала гора рюкзаков и другого снаряжения. Забрали свои вещи только две организации. Я стала перекладывать это снаряжение. Всю кучу перебрала несколько раз, но палатки не было. Спросила у работников спортивного отдела, какие организации забрали своё снаряжение, может быть кто-то взял мою палатку по ошибке. Мне дали телефоны и адреса. Два дня я дозванивалась до инструкторов. По телефону меня заверили, что штабной палатки они не брали. Я снова посетила райком комсомола, снова перебрала всё, что ещё лежало в углу комнаты. Я потеряла всякую надежду найти палатку, мне стало очень грустно. Чтобы взять отгулы, нужно сдать отчёт о проведённом мероприятии, к нему приложить все чеки и накладные из пункта проката со штампом «возвращено». В случае потери прокатного снаряжения, за него нужно было платить в пятикратном размере. На это не хватило бы всей моей зарплаты. Не сдав отчёт, я не смогу взять отгулы, а значит, не смогу поехать с Мишей на хутор к Учителю. Я нашла Мишу и рассказала ему об этом. Некоторое время он стоял задумавшись, потом сказал: «Напиши письмо Учителю, — и продиктовал адрес — Проси помочь». Я говорю: «Но ведь письмо туда будет идти не меньше двух недель, а ты через 10 дней уезжаешь».

— Понимаешь, существует такой эффект «Неотправленного письма». В общем, ты напиши и отправь. Учитель поможет.

Я пришла домой и задумалась: «Как писать, как обратиться?». Воспитание, толстые слои обиденности и социума плотно обволакивают нас. Понимаю, что Бог, но как обратиться? Учитель? Правдивость моя говорит: «Но ведь, я ничему у Него ещё не училась». Потом, просить о помощи старого седого человека, который получает маленькую пенсию: «Что, он мне вышлет денег, или приедет сюда искать эту палатку? Как мне обратиться с такой непонятной просьбой?» В общем, опыта в обращении к Учителю у меня ещё не

было. (Пишу об этом так подробно, потому что нас учили обращаться к Богу... или вообще не учили...)

Я решила обратиться так: «Уважаемый Порфирий Корнеевич...», — далее я коротко изложила случившееся и в конце написала: «Помогите мне, пожалуйста». Положила это письмо в конверт, написала адрес и опустила в почтовый ящик. Весь отчет у меня был уже написан, только нужно было разобраться с палаткой. На следующий день я снова поехала в райком комсомола. Думала: «Может быть, они забыли, может быть, ещё какая-нибудь организация забирала снаряжение раньше, чем я?». Люди бывают невнимательны, если что-то не касается их лично. Вхожу в инструкторскую, здороваюсь, спрашиваю, а сама подхожу к сильно уменьшившейся кучке снаряжения. Там лежат три рюкзака, а под ними, на полу большой мешок из темно-зелёного брезента. Вот она, штабная палатка! Спрашиваю: «Что, кто-то вернул?». Как можно было её не видеть, я же всё перебрала?! Работники отдела пожимали плечами. Один из них сказал, что сейчас на своей машине едет по делам и может меня подбросить до пункта проката. Я с огромной радостью схватила этот тяжеленный мешок и пошла за ним. Через два часа была в бухгалтерии нашего предприятия и сдавала отлично оформленный финансовый отчёт. Потом — бегом в отдел кадров, писать заявление на отгулы. Потом пошла в отдел, в котором работал Миша. Вошла и плюхнулась на стул, стоящий около двери.

— Миша, ты уже купил билеты?

— Нет, буду брать завтра.

— Купи мне тоже!

— Что, нашла? Я же говорил: «Учитель поможет»!

Поезд отправлялся с Павелецкого вокзала в 16:50, была пятница. Мы встретились на платформе у поезда. С Мишей была какая-то небольшого роста женщина, которая, тоже в первый раз ехала к Учителю. Билеты были у Миши. Мы вошли в плацкартный вагон,

нашли свои места, поставили вещи, уселись и познакомились. Женщину звали Гера.

Мне было известно, только одно — что я еду к Богу и что нужно закаляться. Приучить сначала ноги к холодной воде, а потом обливаться полностью — больше ничего я не знала. Гера об Учителе и системе тоже знала не много и задавала вопросы, Миша отвечал. Я слушала, и из их беседы я поняла, что есть определённая система закалки и тренировки, предложенная Учителем, которая состоит из нескольких правил, она называется «ДЕТКА». Одним из правил является воздержание от пищи (еды и питья) в субботу 42 часа, т. е. с ужина в пятницу в 18 часов до 12 часов дня в воскресенье.

В вагоне стали разносить чай. Мы достали еду, которую каждый взял с собой. Миша сказал, что сейчас он поест, и весь следующий день не будет есть и пить. Надо, так надо. Мною это было принято безоговорочно. Весь следующий день мы были в дороге. Среди дня в субботу мы прибыли на узловую станцию «Лихая», там нужно было сделать пересадку на дизель, который отправлялся через 3 часа. Погода была жаркая: безоблачное небо и палящее солнце. Мы пытались найти хотя бы небольшую тень. Очень хотелось пить. Так, в трудных дорожных условиях проходила моя первая голодная суббота. И было ощущение не то чтобы подвига, но причастности к большому нужному делу. На дизеле мы доехали до станции Должанская. Солнце уже село, но было ещё светло. От станции, наверное, была какая-то дорога, но Миша предложил идти полем — так будет короче. Только что прошёл дождь. Мокрое ароматное разнотравье перемежалось полосами вспаханного чернозёма. Мы разулись и шли за Мишей напропалую, временами еле вытаскивая ноги из жирного, масленичного чернозёма, а временами по пояс в мокрой, от дождя, траве. Ойкали, айкали и смеялись — уж очень необычными были ощущения для городских жителей. Уже темнело, впереди показались крыши домов. «Ну, вот и хутор» сказал Миша.

Считается, что первая встреча бывает определяющей, знаковой, а первое впечатление бывает самым верным. «Какой же будет моя первая встреча с Учителем, Победителем Природы, Богом Земли?» —

тогда я не задавалась таким вопросом. В душе я уже знала, что это Он, было доверие и понимание, что всё произойдёт так, как должно быть.

Вошли в хутор, шли по прямой длинной улице, до самого большого каменного дома. Зелёные ворота и калитка. Вошли на двор, было уже темно. В большом доме было тихо, там уже спали, а из маленького домика, который называли кухней, вышла пожилая, но очень крепкая и красивая женщина. «Здравствуйте Валентина Леонтьевна», сказал Миша. Валентина Леонтьевна окинула нас зорким взглядом и пригласила войти в кухню. У неё в это время была большая стирка, корыто, тазы, куча вещей посреди кухни. Увидев, что мы испачканы в чернозёме Валентина Леонтьевна велела отдать ей в стирку наши грязные вещи, а мне сказала «Скидавай штаны». И я сразу сняла свои вельветовые джинсы, осталась в одних трусах и футболке, а джинсы попали в стирку. Валентина Леонтьевна сказала «идите, обливайтесь, а спать будете в Настином домике — там ещё есть места».

Я дома обливала только ноги, вся целиком ещё не обливалась. Это тоже надо было сделать первый раз. Вдоль всей усадьбы тянулась дорожка, участок был наклонный и спускался в балку. Слева от дорожки стояла сколоченная из досок кабинка без крыши для обливания. Миша набрал несколько вёдер воды из глубокого колодца. Вода была очень холодная. Я взяла одно ведро и пошла в обливалку, там, на гвоздике висел большой ковшик. Миша объяснил: «Лей по плечам, на грудь, на спину, а потом и на голову. Первый раз в жизни... очень холодной водой... ощущения не передаваемые! Выполнив это, я стояла совершенно обалдевшая, но чувствовала себя героем.

Настин домик находился за большим домом. Он был низенький — терраска и две смежные комнатки. Там расположились на ночлег несколько человек, но была свободна одна кровать, на ней мы и устроились с Герой вдвоём. Миша лёг в соседней комнате на маленьком диванчике. Утром довольно рано в домик пришла седа, уже старая женщина, её звали Анна Петровна. Она что-то громко спрашивала у Миши, потом вошла в нашу комнату.

— Ишь какие, приехали без открепительных! Вставайте быстро, — почти кричала она, — Учитель вас примет, собирайтесь и уезжайте. Мы вскочили, ни чего не понимая, быстро оделись и вышли из домика. Анна Петровна продолжала ругаться.

— Мало у Учителя неприятностей было. Ещё этого не хватало!

У Миши вид был озадаченный, но нам он объяснил: «Сегодня воскресенье. В стране назначены выборы в верховный совет и повсеместно ведётся голосование. А мы уехали и не взяли открепительные талоны. Могут прийти из сельсовета или милиции и у Учителя будут неприятности, за то, что Он принимает у себя и тем поощряет, таких несознательных людей, которые игнорируют, уклоняются от всесоюзных выборов и т. п.» В Москве я уже давно не ходила на выборы, и никто не обращал на это внимания. К этому моменту я ещё очень мало знала о жизни Учителя, обо всех притеснениях и обвинениях в его адрес со стороны властей, науки, медицины и церкви. А Мише, который об этом знал практически всё, было не по себе, так как он не учёл всех этих обстоятельств с выборами сам и не предупредил нас.

Нас позвали в кухню — это низенький домик из двух комнат, маленькая прихожая, а потом две ступеньки вниз. В первой комнате была печка — плита, две кровати и прямоугольный стол. За столом сидели Валентина Леонтьевна, Анна Петровна и ещё две женщины, а за ними у самой дальней стены стоял Учитель. Белые, седые волосы до плеч и белая борода, а тело загорелое, смуглое, в чёрных длинных трусах. Женщины наперебой выговаривали нам, что мы приехали во время выборов без открепительных талонов и из-за этого у Учителя могут быть неприятности. Учитель молчал и смотрел на нас. Наконец Валентина Леонтьевна вынесла решение, чтобы мы пошли в сельсовет и попросили разрешения проголосовать без открепительных. Если разрешат выполнить свой долг перед родиной, тогда можно будет остаться. Учитель тихо и просяще сказал: «Защитите вы меня, старика», — это первое что я услышала от Учителя. Мы вышли за ворота на улицу. Миша и Гера решили, что будет лучше, если говорить с работниками сельсовета буду я, а они будут молчать. Тут я подумала:

«Надо же, я приехала к Богу. Бог может всё, и Он просит Его защитить! Что я могу по сравнению с Ним? Значит надо его попросить!», — и сделала, как показывал Миша — потянула сверху воздух, проглотила его и помыслила: «Учитель помоги мне сделать всё так, чтобы защитить Тебя». Мы пришли в избирательный пункт. Там было несколько мужчин занятых делами. Я вошла и сказала: «Здравствуйте, помогите нам, пожалуйста, мы приехали из Москвы и очень хотим проголосовать, но забыли взять свои открепительные талоны. Разрешите нам проголосовать без них. Мужчины посоветовались и решили позвонить в райцентр. Из райцентра разрешили. Нас записали, выдали нам бумажки, и мы торжественно опустили их в урну для голосования, поблагодарили и отправились обратно спокойные и довольные. Когда вернулись, нам с Герой сказали: «Готовьтесь приниматься». Учитель принимал человека руками, а потом обливал водой. Затем Учитель вручал текст «Детка», подписывал и дарил своё фото, говорил, что его нужно беречь, как око и объяснял, как нужно здороваться с людьми везде и всюду. После приёма я решила спросить про свою жизнь. Стала говорить, что родители часто ссорятся и заплакала... Учитель протянул мне руку, так чтобы я взялась за неё, и сказал очень добрым голосом: «Деточка, ты живёшь в таких условиях. Проси меня». Что я почувствовала в эту минуту трудно объяснить. «Проси меня» — в этом прозвучала такая надёжность, крепость, сила и безграничная доброта, которая и есть Любовь. Я вышла на крыльцо. Солнышко сияло тихо, сквозь лёгкие облачка, и также тихо по щекам текли слёзы. О чём были эти слёзы? О чём-то вечном далёком и близком... Я наконец-то нашлась. Не нашла, а нашлась. Как маленький ребёнок, потерявший в толпе своих родителей, не знает куда идти и что ему делать, идёт в толпе среди чужих людей, охваченный тревогой, и вдруг его нашли, отец или мать! Подняли и прижали к себе надёжные сильные руки, и он снова смотрит в родные, любящие и понимающие глаза. В эту минуту я чувствовала, что именно это произошло со мной. Я нашлась, я дома и это — Отец, бесконечный и безначальный, который был всегда. Так я стояла тихо смотрела на солнышко и облачка с умиротворением и лёгкой усталостью путника, наконец пришедшего туда, куда он шёл. Как вдруг, небольшого роста полная женщина, кажется, её звали Вера из Донецка, остановилась около меня, посмотрела на мои босые ноги и

заойкала: «Ой, какая большая нога, ой какая большая!». Она с мужем гостила здесь и помогала в ремонте дома. Я словно упала с облака, на которое глядела. Послушав некоторое время её причитания, я сказала: «Ну, так, что теперь мне стреляться, что ли?». И от этого она заойкала ещё больше.

— Ругаться не хорошо, бранные слова говорить нельзя!

Я так и не поняла, что ей было от меня нужно, но состояние душевного полёта было нарушено, и я поняла, что нахожусь на земле. Было около 11 часов утра, на кухне готовили обед, чтобы всех кормить в 12 часов после субботнего голодания. Миша позвал меня и Геру пойти в балку — это низина или овраг, которым заканчивался огород. Там был ещё один колодец с родниковой водой. Тишина, сочная трава, кустарники и деревья на той стороне балки, щебет каких-то птичек. Миша что-то рассказывал, и Гера тоже, я больше слушала. Было удивительно хорошо, только во рту немного горьковато и сухо, так заканчивалось моё первое голодание (42 часа без еды и воды). С огорода кто-то крикнул: «Идите сюда, вас Учитель зовёт!». Мы почти вприпрыжку побежали по земляным ступеням вверх. Около дома стоял Учитель, в руках у него была банка с квасом и стакан. Он подозвал нас, чтобы напоить всех троих квасом. Учитель налил квас в стакан и дал Мише, потом была моя очередь. Я взяла из рук Учителя холодный запотевший стакан, полный домашнего кваса и жадно, большими глотками пила. Торопилась не только потому, что очень хотела пить, а ещё и потому, что Учитель был в ожидании, чтобы напоить следующего человека, и был так внимателен, как будто мы делаем что-то очень важное. После первого в своей жизни 42 часового терпения без пищи и воды, на украинской жаре, этот стакан холодного кваса из рук Учителя запомнился мне на всю жизнь! Следующей была Гера, она пила медленно, как-то церемонно, и Учитель поторопил её: «Ну! Давай скорей!». Оказывается, Он может быть строгим, подумала я. Ещё некоторое время мы побродили по саду, и вскоре всех позвали есть. В кухне за большим столом уместились не все, несколько человек посадили в соседней комнате. Всем поставили глубокие эмалированные миски, в них налили горячего украинского борща. При моей привычке питаться такая порция мне показалась огромной.

Потом раздавали второе и тоже по полной миске. Я хотела было отказаться, но Валентина Леонтьевна строго сказала: «Ешь! Здесь все должны быть сыты!». Сам Учитель ел не много, но сидел со всеми за общим столом, иногда с кем-нибудь разговаривал. Вдруг Он задумчиво произнёс: «Да, мы живём индивидуально, индивидуально одеваемся, индивидуально мыслим и индивидуально умираем». Слушала я внимательно, и сразу подумала, что надо будет рассмотреть в себе этого «индивидуалиста». Вот так, в первый раз я сидела с Богом за одним столом.

Как правило, вновь прибывшие люди изъявляли желание чем-нибудь помочь. После обеда я тоже подошла к Валентине Леонтьевне с этим вопросом. «Чем я могу помочь?». Она в таких случаях внимательно смотрела на человека и часто говорила: «Ты сначала себе помоги. Ишь, помощников тут понаехало!». Работы нам не нашлось никакой и мы с Герой и Мишей спустились в балку к нижнему колодцу. Уселись под деревом и продолжили утреннюю беседу. Я читала текст «Детки» — это 12 правил, которые нужно исполнять, чтобы быть здоровым. Спрашивала у Миши, правильно ли я понимаю, как это выполнять. Он нам объяснял, приводил примеры из собственного опыта. Казалось бы, 12 правил, на первый взгляд простых и понятных, но объяснения опытного человека очень полезны и даже необходимы.

Вдруг в саду послышалось пение. Пели гимн. Я услышала это впервые, ещё не зная про гимн ничего. Миша сказал: «Пошли». Пели Учитель и несколько человек, которые собирались уезжать на машине. Другие, кто слышал, оставляли свои дела, подходили и присоединялись к пению. Примерно на середине гимна вокруг Учителя собрались все обитатели дома. Кто что-то держал в руках — всё оставили, пели, ровно выпрямившись с высоко поднятой головой и опущенными руками. Потом немного помолчали, и Учитель стал прощаться с отъезжающими... Так впервые я услышала гимн. Это производило впечатление рассвета, словно над горизонтом встаёт солнце — всё выше и выше, и постепенно заливает своими лучами всё вокруг. Учитель пел, и желание остальных присоединиться к нему

было настолько естественным, что создавало ощущение силы, гармонии и свободы!

Наступил вечер моего первого дня в гостях у Бога. В Настином домике собрались те, кто там ложился спать. Оказалось, что в соседней комнате, там же где Миша, размещалась и Вера Ивановна с мужем. К Учителю она приезжает уже много лет. Она рассказывала свою историю, а я задумчиво сказала: «Какие у Учителя голубые глаза!». Вера Ивановна возразила: «У Учителя глаза карие». — «Нет голубые», — сказала я. У самой-то Веры Ивановны глаза были карие. «А я много лет считала, что карие», — и Вера Ивановна очень озадаченно добавила: «Завтра утром посмотрю внимательно».

Я не помню всех подробностей следующего дня. Мы, конечно, бродили по саду, спускались в балку, беседовали. Потом Мише нашлась какая-то работа, а мы с Герой просто наблюдали за тем, что делали живущие в этом доме люди: утром выгнали двух коров с телятами; надоенное молоко разлили по небольшим крыночкам и поставили на печку делать ряженку, которую каждое утро носили продавать на базар; приготовили обед на всех своих и приезжих. Настя трудилась в огороде. В общем, мы видели обычный наполненный трудом день людей, которые живут за счёт своего приусадебного хозяйства и маленькой пенсии.

В один момент, когда Учитель проходил по дорожке сада, Гера решила подойти к Учителю и поговорить о сложных отношениях с сыном. Я стояла чуть в стороне. Сначала Учитель что-то отвечал на её вопрос, а потом вдруг сказал: «А то вот некоторые мне пишут: «Уважаемый Порфирий Корнеевич...» — а где же вы раньше были?». Гера не поняла о чем идёт речь, а я сразу узнала начало своего письма о пропавшей палатке, которое я отправила Учителю за несколько дней до отъезда на хутор. Ещё не прошло и недели — может быть это письмо было ещё в пути, и мы опередили его. А Учитель уже говорил это мне, с некоторой досадой, но как будто и не мне, а так, вообще... Потом, оставшись в саду одна, я спрашивала себя: «А где же я раньше была?». И мысленно разговаривала с Учителем, как бы оправдываясь, пыталась объяснить, почему я приехала только сейчас, а не раньше,

может быть, много раньше? Я отвечала себе и Ему на этот вопрос: «Я училась в институте, потом работала, в общем, была чем-то очень занята... прости меня Учитель... так получилось... я же не знала... вот как только узнала — так сразу и приехала».

Наступил вечер второго дня моего пребывания в гостях у Бога. В Настином домике мы снова собрались на ночлег. Среди прочих разговоров, Вера Ивановна сообщила, что специально посмотрела Учителю в глаза и увидела, что они действительно голубые.

Утро третьего дня, как и двух предыдущих, началось с обливания, которое становилось для меня уже привычным. С тех пор я обливаюсь холодной водой уже 32 года. Валентина Леонтьевна решила послать нас с Мишей на сбор чабреца, чтобы засушить его на зиму для чая. Надо сказать, что она поила всех своим чаем из трав, аромат и вкус которых был приятнее, чем у покупных чаёв самых лучших марок! Мы вышли за хутор в степь. Миша показал мне, как выглядит эта травка. За час мы набрали большой пакет чабреца. По возвращении Миша решил, что нужно спросить Учителя о предстоящем горном походе на Кавказ, в который мы собирались пойти с группой туристов нашего предприятия. Разговор состоялся в кухне. Учитель стоял у стола, тут же была и Валентина Леонтьевна, а мы с Мишей стояли напротив, возле входной двери. Говорил Миша, я только слушала. В этот приезд у меня вообще не было вопросов, я только наблюдала и слушала, как будто пропитывалась тем, что видела, слышала и вдыхала в себя вместе с воздухом. Миша спросил: «Учитель, можно ли нам пойти с группой туристов в горный поход на Кавказ, везде ли будет достаточно воды, чтобы обливаться или купаться?».

— В поход?...Горный?...Ведь это трудно... — как-то жалеючи сказал Учитель, и я почувствовала себя маленьким ребёнком. После небольшой паузы, как бы просмотрев весь наш поход, Учитель добавил: «Просите меня — будет всё хорошо, и вода будет и всё что нужно». Мы радостные вышли из кухни. Я снова ощутила, что меня окружает что-то надёжное, доброе и тёплое, — это Отеческая любовь Учителя.

Вечером, за ужином сидели все плотно за столом, еда была, как всегда, вкусной и обильной, но отказываться, или недоедать было нельзя. По окончании ужина Валентина Леонтьевна сказала нам с Герой: «Завтра вы уезжаете, встать надо рано, чтобы успеть на дизель. Миша вас проводит». Потом она спросила меня: «Ну что, понравилось тебе у нас?». Я ответила: «Да, очень!». «Что же тебе понравилось?». Я вдохнула полную грудь воздуха, задержала дыхание, чтобы найти слова верно определяющие, что обрела я здесь за эти три дня в гостях у Бога. Сколько потребовалось бы мне сказать прекрасных и восторженных слов на выдохе этого воздуха — я не знаю. И в этой паузе Валентина Леонтьевна вдруг с некоторой задиристостью сказала: «Наверное, борщ!». От неожиданности я выдохнула весь воздух с выражением удивления на лице, так и не найдя нужных слов. Учитель, внимательно наблюдавший эту сцену, пришёл мне на помощь, и очень добро сказал всего одно слово: «Душе-е-евно». Я благодарно закивала головой: «Да, да душевно!». Так закончился мой третий день в гостях у Бога.

На следующий день встали рано, облились, оделись. Учитель и Валентина Леонтьевна провожали нас, желая доброй дороги. На дворе, уже возле самых ворот, остановились, спели гимн, обнялись и поцеловались с Учителем и Валентиной Леонтьевной. Затем мы вышли за ворота и пошли быстрым шагом — нужно было успеть на дизель. Учитель смотрел нам в след. Я чувствовала его взгляд — он не держал, не заставлял оглянуться, этот взгляд. Он сопровождал, он вел вперёд. Дорога по хутору прямая и длинная. Я ни разу не оглянулась, но знала, что Учитель смотрит вслед. Этот взгляд, словно ветер который наполняет паруса. Я знала, что теперь я иду правильным курсом. Нечего оглядываться, нечего прощаться! «Плыви!» — говорил мне его взгляд.

— Какие могут быть сомнения, какие вопросы? Мне нужно так многому научиться: держать сухой голод в субботу, потом добавить среду, потом понедельник. Обливаться холодной водой и ходить босиком не только летом в жару, которая была все эти дни на хуторе, но и осенью, а потом зимой. Здороваться везде и всюду с людьми и стараться исполнять все 12 правил «Детки». УЧИТЬСЯ!

Потом Миша рассказал мне, что Учитель провожал так некоторых людей. И его тоже провожал, долго глядя в след, но не велел оглядываться, а говорил: «Иди, иди!».

Мы вышли из хутора, подошли к железнодорожным путям и пошли по шпалам до платформы. Утро было раннее. От земли поднимался туман, сочное разнотравье в густой росе. Рассветные лучи солнца и удивительная тишина... Мы словно выходили из волшебной сказки. Всё это способствовало задумчивому настроению, состоянию слияния с природой, которое сохранялось во время всей дороги домой и в последующие дни.

Теперь в череду привычных дел добавилось исполнение пунктов «Детки». Утром выходила босиком на газон, дышала и просила здоровья, потом поднималась в квартиру и обливалась холодной водой под душем. Выходя из подъезда, думала: «Что я должна ещё исполнить из «Детки»? Здраваться!» — и с радостью здоровалась с встречными людьми на улице, в транспорте, в магазине. При этом думала: «Вот — получилось, вот — исполнила». Я рассказала про Учителя маме и она стала делать всё то же, что и я. Через две недели с хутора вернулся Миша и рассказал о том, что там происходило за это время. Он познакомил меня с некоторыми людьми, которые занимались по системе Учителя. Они при встречах беседовали о закалке, об Учителе... Я жадно впитывала информацию, из которой узнала многое о жизни Учителя: о его исканиях путей здоровой жизни, о том, как он испытывал на себе все суровые качества природы, как исцелял тяжело больных людей и даже воскресил умершего; как во время войны с ним обошлись фашисты, и какие гонения он претерпел от представителей советской власти, официальной медицины и церкви. Недели через три Миша сообщил мне, что Учитель приехал в Москву и остановился на квартире у Анны Петровны. В воскресенье Учитель собирает народ, будет всех кормить, беседовать, отвечать на вопросы. Я поехала с Мишей на встречу с Учителем, взяла с собой и маму. Анна Петровна жила в однокомнатной квартире на первом этаже. Когда мы подошли к дому, около подъезда на лавочках и в скверике перед домом собралось уже много народа. Квартира была очень маленькая. Люди становились

в очередь, чтобы подойти к Учителю. У многих были вопросы — они задавали свои вопросы, Учитель им отвечал. Некоторые просто хотели обнять и поцеловать Учителя. Так поступила и я, потому, что у меня не было никакого конкретного вопроса. Я понимала, что надо исполнять, а не рассуждать. Исполнять «Детку» — это же просто! Просто, но не легко. Этому нужно учиться. Двери в квартире и в подъезде были открыты. Люди входили и выходили, в сквере на лавочке беседовали между собой. Тут я услышала такой разговор: одна очень пожилая седая женщина разговаривала с мужчиной лет тридцати пяти.

Она впервые встретилась с Учителем, а он занимался по системе уже несколько лет. Женщина рассказывала о своей беседе с Учителем, которая состоялась несколько минут назад.

— «Мне уже много лет, детей у меня нет, но я работаю с молодёжью, я преподаватель. Хочу спросить: какова судьба Земли?». Учитель ответил: «Плохо, людей останется очень мало».

Не каждый мог бы задать такой вопрос Учителю, а главное — получить столь прямой ответ.

Вскоре стали приглашать людей к столу, партиями. Кто-то рассказал, что Валентина Леонтьевна, Анна Петровна и вместе с ними Учитель всю ночь готовили борщ и другие угощения. Некоторые уходили быстро, некоторые оставались... Пришла и наша очередь. В комнате были накрыты два длинных стола, видимо, из досок. Люди сидели близко друг к другу. Учитель стоял у стены, разговаривал, отвечал на вопросы, шутил и внимательно наблюдал за всеми. Меня спросил с кем я пришла. Я сказала, что с мамой. Спросил, делает ли мама систему закалки? Мама сказала, что стала обливаться и держит субботу. «Золотая у тебя мама», — сказал Учитель.

Через день мы провожали Учителя на Павелецком вокзале. Учитель шёл босиком по асфальту платформы, в чёрных шортах. Провожających было довольно много. Обнимались, целовались... некоторые бежали за поездом до конца платформы. Учитель смотрел в окно. Я тоже шла за поездом, несколько прибавляя шаг, но бежать не

хотелось, наоборот — хотелось сохранить состояние покоя и значительности этих минут. На середине платформы я остановилась и провожала Учителя взором, а душа хотела быть с ним везде и всегда.

Настало время ехать на Кавказ. Я шла в горы впервые, всё было ново и интересно. На протяжении всего маршрута обливалась и купалась в ледяной воде горных рек и озёр, держала субботы без еды и питья. Когда было особенно трудно, просила Учителя: «Помоги!» — и всё шло хорошо. Маршрут заканчивался в городе Сухуми. Прибыв в город, многие отправились на вокзал за билетами на Москву. Некоторые хотели уехать через день-два, некоторые собирались остаться у моря подольше. Я могла остаться у моря дня три, не больше, но билетов на ближайшие дни в кассе не было. Встав в очередь, в которой люди ждали билетов по брони или по возврату, я подумала: «Учитель помоги, очень хочется побыть на море — поплавать, позагорать, а не дежурить возле кассы в ожидании случайного билета». Через две-три минуты в кассовый зал вошли мужчина и женщина, видимо супруги. Женщина сразу направилась ко мне и сказала: «У нас есть лишний билет до Москвы, на поезд, который уходит из Сухуми через три дня. Я конечно купила у них билет, поблагодарила. Они сказали, что поедут в этом же купе, только сядут в поезд не на вокзале, а на следующей станции. Мы попрощались до встречи через три дня. Дальнейшие события разворачивались так: я счастливая от мысли, что у меня есть билет и можно спокойно провести три дня у моря, вышла из здания вокзала; я и ещё несколько человек направились на другую сторону вокзальной площади и зашли в магазин промышленных товаров. В незнакомом городе всегда интересно посмотреть, что продают в магазинах. На мне был одет туристический комбинезон типа «Кенгуру» с большим карманом на животе, туда я и положила кошелёк, в котором лежал билет и оставшиеся деньги. В магазине я стала рассматривать всякую мелочь, которая лежала на витрине под стеклом. Мне понравились красивые заколки для волос. Я попросила продавщицу показать мне несколько штук, выбрала и решила купить. Сунула руку в обширный карман «Кенгуру»... но кошелек там не было! Я не поверила сама себе, снова сунула руку в карман, похлопала себя по животу, но в кармане было пусто. Кошелёк с деньгами и билетом исчез. Не буду

описывать моего настроения в этот момент. Туристы, которые были со мной, начали наперебой советовать что делать: «телеграфировать домой, чтобы выслали денег», — «обратится в милицию при вокзале», — и что-то ещё. Собрали мне немного денег.

Я мысленно обратилась к Учителю: «Учитель помоги! Что же мне делать?». Вспомнила историю с палаткой. Сначала пошла на вокзальную почту, написала письмо Учителю, отправила его; а потом пошла в привокзальное отделение милиции, где рассказала о случившемся дежурному милиционеру. Потом присоединилась к нашей группе туристов. Мы побродили по городу и поехали на трамвае в сторону моря. Ночевать решили прямо на городском пляже под навесом, оплатив пляжные лежаки. Я залезла в свой спальник и быстро уснула — усталость и свежий морской воздух сделали своё дело. Весь следующий день — пляж, море, солнце, купание, стирка и просушка вещей. Через день некоторые из наших поехали в город на рынок и на вокзал. Я решила присоединиться. Мне посоветовали зайти в милицию и рассказать историю с пропажей билета несколько иначе: как будто, билет украли на территории вокзала, а не в магазине — тогда меня должны будут посадить в поезд без билета. Когда я зашла в милицию и начала свой рассказ, дежурный милиционер сказал: «Вот вам ваш билет. Нам его подкинули». Я сначала очень удивилась, а потом подумала: «Ведь об этом я и просила Учителя в письме — чтобы мне вернули пропавший билет. Вот мне его и вернули». В дальнейшем выяснилось, почему же, именно так произошло. Почему по первой устной просьбе к Учителю, мне единственной из всей очереди буквально вручили этот билет, потом у меня его украли, а по второй просьбе, уже письменной мне его вернули.

Прожив ещё полтора дня на пляже, я собрала вещи и на последнем трамвае поехала на вокзал. Так как поезд отправлялся в 5 часов утра, ночевать надо было на вокзале. Там я имела возможность наблюдать ночную жизнь Сухумского вокзала, но это отдельный рассказ.

Наконец очутившись в поезде на верхней полке, я залезла в свой спальник и крепко уснула. На какой-то из следующих станций в купе

вошли супруги, которые продали мне лишний билет. Наступил день. Проснулась я, проснулись мои попутчики, между нами завязалась доброжелательная беседа. Я узнала, что с ними должна была ехать их дочь, но она решила остаться и ещё погостить у бабушки. А всего у них 3 дочери: одна старшая и двойняшки помладше. Отношение ко мне этой женщины, многодетной мамы, у которой столько дочерей, вызывало у меня некоторое удивление. На протяжении всего совместного пути она проявляла ко мне повышенное внимание и заботу, почти влюблённость. Она старалась чем-то меня угостить, чем-то развлечь. На остановках поезда посылала мужа купить для меня мороженое и выпечку! Я была удивлена и очень тронута таким вниманием. Ближе к вечеру, когда я снова задремала лёжа на верхней полке, вдруг раздался страшный грохот, где-то под полом вагона. Поезд шёл на большой скорости и вдруг всё содрогнулось! Мысль в голове была мгновенной: «Ой! Учитель, сесть в поезд это хорошо, но надо ещё и доехать! Помоги!». Грохот прокатился дальше и через несколько секунд поезд остановился. В коридоре слышались беспокойные голоса. Скоро выяснилось, что под днищем второго вагона, что-то отвалилось и на большой скорости переломало оборудование под днищами этого и четырёх последующих вагонов. Проводники говорили: «Хорошо, что поезд не сошёл с рельс!». Потом наш поезд очень медленно доехал до какой-то станции, где его ремонтировали несколько часов. Мы совершенно выбились из графика и дальше ехали с большими остановками. В Москву поезд прибыл глубокой ночью вместо 17 часов вечера. Метро не работало, денег на такси у меня не было. Моим попутчикам нужно было ехать город Дедовск. Но женщина сказала: «Берём такси. Сначала довезём Леночку до её дома, а потом едем в Дедовск». Во дворе моего дома я тепло распрощалась с этими людьми. Больше мы никогда не виделись.

Впоследствии, вспоминая эту дорожную историю, я поняла, что у этой женщины была интуиция — особый дар предчувствия. Она выбрала меня из всей очереди и именно мне продала лишний билет. Потом, во время всего совместного пути она проявляла ко мне внимание, любовь и заботу в такой степени, как будто у неё роднее и дороже меня нет ни кого на свете. Я внутренне не переставала этому удивляться, но видимо во всём этом поезде не было, кроме меня, ни

одного человека, который бы в опасную минуту мысленно воскликнул: «Ой! Учитель! Сесть в поезд это хорошо, но надо, ещё и доехать! Помоги!». И мы всё-таки доехали. Я и сейчас благодарю тебя Учитель за помощь. Так закончилась моя командировка на Кавказ. Мне нужно было сдать отчет и получить командировочные, после чего можно было брать свой очередной отпуск, что я и сделала.

Друзья пригласили меня поехать с ними на машине в Крым. Я давно мечтала о такой поездке. Собраны вещи, в дорогу приготовлена вкусная еда. Рано утром друзья на машине заедут за мной, и мы едем в Крым почти на весь сентябрь! Это мечта, это волшебная сказка! Но судьба... вернее, Бог решил всё иначе. Ночью у мамы случился приступ (спазм сосудов в ноге, там где тромб), это случалось и раньше, но очень редко. И вот случилось в эту ночь. Я согревала руками её ногу, потом осторожно растирала, до тех пор, пока спазм не отпустил полностью. Мне было очень жаль, но решение было принято: «В Крым я не еду. Маминым здоровьем нужно заниматься всерьёз. Я еду на вокзал за билетами на Луганск — к Учителю на хутор. Ведь Учитель маму ещё не принимал, а для её здоровья это очень нужно. Пятого сентября мы с мамой были на хуторе. Это был мой второй приезд к Учителю, который тоже длился три дня.

В эти дни погода была жаркая. Народа в доме было человек двадцать, не считая, тех которые приезжали на приём к Учителю и уезжали в тот же день. Учитель был весь коричневый от загара и только волосы и борода белые — не как седина, а белые, как снег! Маму Учитель принял, подписал и подарил ей свою фотографию. Нас разместили опять в маленьком Настином домике. На этот раз и мне, и маме разрешили активно включиться в хозяйственные дела. А дел было много, кроме того, что всех присутствующих надо было кормить, была пора заготовки овощей на зиму. Мне было поручено тереть на крупной тёрке морковь. Я сидела в саду под деревом за отдельным столиком, на котором стоял большой таз, рядом — ведро с начищенной морковью, которую нужно было тереть прямо в этот таз. Валентина Леонтьевна и ещё несколько женщин трудились на кухне. Возле кухни кто-то мыл овощи, кто-то чистил, кто-то резал. В общем, работа кипела! Было приятно участвовать в этом дружном и полезном

процессе. Учитель был с нами, помогал своим участием, что-то держал, что-то подавал. Он подошел ко мне, наклонился, оперся одной рукой на столик, доставал из ведра по одной морковине и подавал мне, терпеливо ожидая пока я сотру предыдущую. Что это было? Теперь я понимаю, сколько в этом было любви, внимания и пристального изучения того, что мы делаем и как делаем самые обычные дела. Притом, что Учитель видел всего человека, всю его душу, Он проверял иногда в мелочах. И это было для Него важно. Он как никто знал, что мелочи говорят о многом. Учитель пришёл позвать и повести людей на великие изменения, на слияние и единение со всей природой, а в человеке Он умел видеть малую подробность, любую реакцию, движение мысли.

Вечером, когда все собрались на ужин. Учитель спросил меня: «Расскажи, как ты ездила в горы? Расскажи, как я тебе помогал». Я рассказала про поход, про билет, про поезд. Учитель сказал: «Ну, хорошо, везде и всегда будь со мной и проси меня». Так прошёл мой четвёртый день в гостях у Бога.

На следующий день Валентина Леонтьевна затеяла большую стирку. Тут многим нашлась работа. На улице возле кухни включили большую стиральную машину. Бельё, выстиранное в машине, нужно было полоскать вручную. Это поручили мне. Опять определили мне место — отдельно от всех в саду под деревом, видимо, чтобы мне лучше думалось в одиночестве. Обставили меня корытами и тазами с водой и бельём... Всё бельё нужно было полоскать в двух водах, а Учителевы трусы нужно было полоскать в трёх водах. По прошествии времени, когда я стала уже уставать, ко мне подошел Учитель и поинтересовался: «Ну, как мои трусы?». Почему-то, до сих пор, при воспоминании об этом мне становится смешно. Потому что именно в тот момент я подумала: «Сколько же у Учителя трусов?». Я Его всё время видела в черных, а тут попадались: голубые, розовые, в горошек, в полоску и в разных цветочках. В вопросе Учителя чувствовался юмор. А я не знала, что Ему ответить, и сказала: «Хорошо!». Потом мне кто-то рассказал, что за многие годы люди, которым Учитель помогал и возвращал здоровье, желали его отблагодарить, но денег Учитель не брал и личных вещей у Него,

кроме трусов не было. Поэтому, Ему надарили большое количество разных трусов, которые Он одевал, а через некоторое время — раздавал. Мужчины одевали их как трусы, а женщины перешивали на юбки и сарафаны. В этих моих воспоминаниях нет никакой космической значимости и философской глубины. Но в этом есть забавная, весёлая человеческая теплота, простота и правда многих лет жизни Учителя.

Ради простых людей, сердечного их радушия Учитель и шёл в Природу. Чтобы подарить людям все силы и возможности Природы, научить их не бояться ничего, научить жить в Природе с миром, любовью и доверием ко всем качествам Её, хорошим и плохим. Трудно преодолевать холод, терпеть голод, но радостны победы над своими слабостями, а Природа всегда награждает Победителя. «Люди — самая трудная часть природы», — говорил Учитель.

Бог думает каждый раз: в каком образе предстать перед людьми на сей раз, чтобы они Его приняли с доверием и пошли за Ним туда, куда он может их повести? Чтобы каждый узнал в Боге себя, свои черты и хорошие и плохие. Мне рассказывали, что Учитель иногда менял свой рост, общаясь с некоторыми людьми, видимо, чтобы быть для них как-то ближе и понятнее. А Вера Ивановна, с которой я встречалась в свой первый приезд, почти 20 лет видела, что глаза у Учителя не голубые, а карие — такие же, как у неё самой.

Среди дня стирка благополучно завершилась, это была среда. К этому времени я к субботнему воздержанию от еды и питья (42 часа) прибавила ещё 24 часа — среду до 18-ти часов вечера. А так как Учитель, Валентина Леонтьевна и многие находящиеся в этом доме уже держали голод 108 часов в неделю, в том числе полную среду (42 часа), мне захотелось присоединиться к ним. В саду я встретила Учителя и решила спросить у него разрешения поголодать до четверга. Учитель сказал: «Ладно», — потом сказал: «Поцелуй меня». Я видела, как Валентина Леонтьевна целовала Учителя не в щёчку, а прямо в губы. Вдруг на бороду изо рта у Учителя выскочило немного слюны. Я заметила это, но поняла, что и это не случайно, нужно обязательно поцеловать и взять иммунитет, которым Он хочет со мной поделиться.

От Учителя пахло молоком и необыкновенной свежестью. Как и раньше, у меня не было никаких вопросов к Учителю, чтобы расспрашивать, рассуждать и умничать. Было спокойно и надёжно: надо исполнять «Детку», повышать уровень своей закалки, а всё, что будет нужно, придёт время — узнаю. Ведь всё яснее ясного: человечество живёт на Земле неправильно, это нужно менять. Вот и начинай меняться сам! Для этого Учитель и дал систему, которую проверил на себе и на людях за 50 лет своей работы в Природе.

Я спустилась в балку, вскоре пришла и моя мама. Мы разговаривали. Бродили по траве. Солнце уже клонилось к закату, из сада кто-то прокричал, что нас зовёт Валентина Леонтьевна. Мы поспешили к дому. За столом, который стоял во дворе около кухни, сидело несколько человек. Валентина Леонтьевна кормила их ужином. «Садитесь! Где же вы ходите?» — сказала она. «А мне Учитель разрешил сегодня не ужинать», — сказала я. Тут подошел сам Учитель, я обратилась к Нему. «Нечего. Надо поесть — и так не гладкая», — сказал Учитель. Я начала возражать, мне было обидно, как маленькому ребёнку, которому не разрешают делать взрослые дела. Но Учитель сказал: «Здесь-то всякий может, а вот ты домой приедешь — там если сможешь, то и делай». Я поняла, что я ещё очень маленькая, надо покушать. Что же касается увеличения нагрузки по закалке, то нужно внимательно прислушиваться к своему организму, правильно оценивать свои возможности и принимать все решения ответственно. Поужинала с аппетитом, и укрепились в мысли: «Хотя это и не просто, но нужно догонять тех, кто впереди». А многие, кто занимался уже давно, к этому времени держали 108 часов воздержания без еды и воды в неделю (суббота 42 часа, среда 42 часа и понедельник 24 часа). Так прошёл мой пятый день в гостях у Бога.

Из всего следующего дня мне запомнился один эпизод. Среди дня я пошла в балку, помогать ворошить сено. Во время этого занятия, я наступила босой ногой на что-то острое и напоролась ногу до крови. Конечно, по привычке, решила, что нужно пойти промыть рану, если найдётся йод — помазать и заклеить пластырем или забинтовать. Я поднялась по лесенке в сад, мне на встречу шёл Учитель (теперь я знаю, что и это не случайно). Я глазами показала Учителю на ногу, и

молча, вопросительно посмотрела Ему в глаза. Учитель, тоже молча, одними глазами, дал мне понять: «Ничего, не обращай внимания». Я кивнула в ответ, повернулась и пошла ворошить сено. Всё опять было понятно и надёжно. Вечером, когда позвали ужинать, я вспомнила про рану, а она уже затянулась. Так, понемногу, я училась доверять Природе. Вечером зашёл Пётр Матлаев — местный хуторской житель, невысокого роста крепкий мужчина с кудрявыми волосами, пристальными хитроватыми глазами и весёлой улыбкой. Он уже много лет занимался по системе Учителя, но, несмотря на жаркую погоду, ходил в рубашке, брюках и пиджаке — как положено. Валентина Леонтьевна предложила ему борща, он отказался, но присел к столу поговорить с народом. Пётр много бывал с Учителем в разных местах, и его рассказы заслуживают отдельного внимания (см. приложение). Так прошёл мой шестой день в гостях у Бога. Учитель оставлял нас ещё погостить, но мама спешила вернуться домой по каким-то делам. Я не смогла уговорить её остаться, и очень расстроилась. На следующий день рано утром мы уезжали в Москву. Учитель проснулся, но ещё не встал. Валентина Леонтьевна провела нас к Учителю в комнату, я подошла к Нему. Учитель протянул мне руку. Я присела на корточки перед кроватью, обняла и поцеловала Учителя, а на глаза навернулись слёзы — уезжать очень не хотелось, чувствовала, что рано. Учитель понял меня и сказал: «Всё будет хорошо, проси меня». Эти простые слова, которые люди часто говорят друг другу, но сказанные Учителем, как будто обняли меня, а я обняла их и прижала к себе, к самому сердцу: «Всё будет хорошо». С этим и поехали. Мама чувствовала себя гораздо лучше, всё ей очень понравилось. Мы делились впечатлениями. Мама сказала: «Я смотрела на Учителя, как Он ходит по саду и думала: «Какие 85 лет..., здесь века, тысячелетия..., такая мощь!»».

Да, в этот год Учитель уже принадлежал вечности, но ещё был с нами, как таковой. В Москве жизнь шла своим чередом — дела работа... В ноябре, где-то числа после десятого, меня послали в командировку, на курсы повышения квалификации в Киев, на целый месяц. Это был подарок! Целый месяц в Киеве на всём готовом. Гостиница, трёхразовое питание, до обеда — занятия на курсах, а вторая половина дня — совершенно свободна. Прогулки по старому

городу, крутизна изогнутых брусчатых улочек. Шоколадные каштаны, уже без листьев, на ярко зелёной траве газонов. Киев — красивейший из городов! Вид на Днепр с высокого берега старого города... Хочется взмахнуть крыльями и лететь... Я успела: посетить музей изобразительных искусств, музей Тараса Шевченко, исторический музей, Киевский драматический театр, Киевскую филармонию и побывать на концерте камерной музыки в храме Свято Андреевского монастыря. В этом храме на хорах сохранилась роспись сделанная самим Врубелем — «Сошествие Духа Святого на учеников и Марию». Только для того чтобы увидеть эту фреску стоит поехать в Киев. Под потолком на стене не в иконописной, а в живописной манере, изображены 12 учеников Христа и Мария. На каждого из них сошел святой дух в виде луча света. И видно, что каждый по-своему воспринимает это и каждый находится в совершенно необычном состоянии. Их лица выражают глубокое психологическое потрясение различной окраски... Потом я узнала, что Учитель так и объяснял это явление Валентине Леонтьевне.

Перед поездкой в Киев я не готовилась специально к встрече с этим городом — было некогда. Командировку объявили неожиданно, и нужно было собраться за три дня. Конечно, я кое-что помнила из истории и литературы, всё-таки, Киев — древняя столица Руси. Но при прогулке по старому городу и по берегам Днепра в некоторых местах у меня возникали ощущения, что когда-то, очень давно я уже была здесь, и не просто была, а жила здесь, принимала участие в каких-то событиях имеющих историческое, переломное значение. На территории Софийского собора я присоединилась к экскурсии. Экскурсовод рассказывала о различных исторических событиях, в том числе о крещении Руси. Там всё это живо, почти ощутимо, вокруг чувствовалась какая-то тревожная мощная сила. Я поняла, что я это знаю, потому, что когда-то сама пережила это. Я точно была там. Потом, когда я одна стоя на высоком берегу Днепра и любуясь этой могучей рекой, закованной в белый песок, переставала разглядывать блестящие всплески воды и другие подробности пейзажа, как бы погружаясь в себя, в память, ощущала, почти видела: по берегам, сплошь стоящие дыбы, ветер развеивает оборванные одежды, кружатся вороны. Да, так нам привили христианство, но зато наступил

монотеизм. И началось это в Киеве. Заканчиваю про Киев. К этому времени и позже я ходила босиком в любое время года, стояла и дышала на асфальте и на газонах разных городов нашей страны и даже за границей. И только в Киеве, около гостиницы, когда я стояла босая в сторонке, не привлекая к себе никакого внимания, ко мне подошёл милиционер и силой пытался забрать меня в милицию или вызвать психовоз. Я стала мысленно просить Учителя о помощи и еле убежала в гостиницу, где меня уже знали, как нормального человека.

Вернулась в Москву я в начале декабря. Мама без меня заболела, у неё было плохое общее состояние, но к врачам она уже не ходила, а написала письмо Учителю, где объясняла, что с ней и просила помощи. Через три недели пришёл ответ. Учитель писал: «Нина, будет возможность — приезжай». Во-первых, мы не пробыли на хуторе нужного времени, так как мама сама поспешила уехать, а Учитель хотел нас ещё оставить, насколько — не знаю. Во-вторых, меня не было дома целый месяц, я никогда не уезжала так надолго. Может быть, маме не хватало моей энергии. Когда я приехала, ей стало лучше. Новый год мы встречали дома, а на встречу старого нового года меня пригласили в небольшую компанию, которая собиралась на квартире у одной из последовательниц Учителя. Там были все «Учительские» — это моё название последователей. В разговоре я рассказала о маме и о письме Учителя. Бывалые люди сказали: «Что же вы ждёте? Учитель приглашает. Нужно срочно ехать!». Утром из гостей я сразу поехала на вокзал за билетами. Вернувшись домой, я сказала маме: «Собирайся, завтра мы едем к Учителю».

16 января 1983 года мы с мамой снова приехали на хутор Верхний Кондрючий. К дому подошли когда смеркалось. Вошли на двор — в кухне горел свет — постучали и вошли в кухню. За столом сидела Валентина Леонтьевна, две женщины, постоянно живущие в доме, и две женщины, приехавшие к Учителю на приём. Пили чай. Нас строго спросили: «Почему вы приехали без разрешения?». Я сказала, что почти месяц назад Учитель написал маме письмо, чтобы она приезжала, когда будет возможность. «Ну, хорошо, это маме, а ты что приехала?» — спросила Валентина Леонтьевна. «Больше никто не ехал, а как же я отпущу маму одну, она же плохо себя чувствует».

Объяснение было принято. Мы разделись и присоединились к чаепитию, завязался неспешный разговор. Валентина Леонтьевна спрашивала больше маму: где мы живём, как, с кем, о житейских бытовых вещах. Я спросила: «Где Учитель?». Сказали, что он в доме, отдыхает. Женщины говорили ещё о чем-то, помню, мама сказала, что она хотела бы, чтобы я встретила хорошего человека для жизни. Понимая, что это больной вопрос для многих мам, я спокойно слушала их беседу и пила чай, сидя спиной к входной двери. Вдруг дверь открылась, и Учитель почти вбежал в кухню, но ещё за порогом он произнёс звонким молодым голосом: «Леночка приехала!». Я с удивлением оглянулась — не послышалось ли мне это? Ведь, Учитель ещё не вошёл, а я сидела спиной. Раньше Он путал моё имя, а сейчас обрадовался, как будто очень ждал! Никаких вопросов, о том, зачем я приехала, мне Учитель не задавал — ни раньше, ни в этот приезд. Я встала, чтобы обнять и поцеловать Учителя. Мгновенно изменившись, Учитель прошёл к столу, что-то спросил у Валентины Леонтьевны, а потом снова вернулся к двери и встал за моей спиной. Валентина Леонтьевна стала пересказывать Учителю разговор с моей мамой. Она сказала: «Вот, мама хочет, чтобы дочка вышла замуж». На что, Учитель ответил: «Ей хорошо жить надоело...». Валентина Леонтьевна продолжала: «Мама хочет, чтобы ей встретился хороший человек!», и со свойственным ей артистизмом добавила: «Ой! Учитель, скажи мне — где он, хороший человек? И я побегу туда!». Я, с интересом слушая эти рассуждения, вдруг вздрогнула и застыла не дыша, потому что Учитель крепко схватил меня за плечо и сказал: «Вот он!». После некоторого безмолвия разговор о чем-то продолжился. А я ещё некоторое время сидела неподвижно. Учитель держал меня за плечо. Потом Учитель сказал: «Пойду, похожу по снежку», — вышел и пошёл в сад. Нас разместили в доме в самой большой комнате. Так прошёл мой 7 день в гостях у Бога.

На следующий день встали не рано, облились в саду. Валентина Леонтьевна позвала маму в кухню на приём. Учитель принял маму, после чего Валентина Леонтьевна делала ей массаж. Учитель стоял рядом и внимательно наблюдал. Я почему-то попросила Учителя принять меня тоже. А Он сказал: «Да не надо тебе. Пойдём, я оболью

тебя. Набирай воды». Я радостно побежала к колодцу, который около дома, а он — очень глубокий. Опустила ведро, выкручиваю — полведра, опять опустила — снова полведра. А Учитель кричит: «Что ты там так долго?». Я отвечаю Ему: «Учитель, достаю, достаю, а всё — полведра!» — «Тебе хватит и полведра».

Я принесла полведра воды, встала перед Учителем. Он поднял ведро, и, вот, я вижу: из ведра прозрачный как хрусталь язык воды летит медленно в воздухе. Я смотрю на него, как будто время остановилось, смотрю и молчу. А Учитель говорит за меня: «Учитель дай мне моё здоровье. Проси!». Я как будто очнулась и заголосила: «Учитель дай мне моё здоровье!» (раза 3). А дело в том, что когда Учитель принимал меня летом, то обливала меня Валентина Леонтьевна. Она это делала совсем по-другому, резко — вода как хлестанёт, мало не покажется, а ты конечно просишь Учителя о здоровье. А тут, я стою перед Учителем, думаю: «Он сам знает, что мне нужно здоровье». А, оказывается, нужно говорить, обязательно вслух произносить эту просьбу. Это обливание, эти полведра воды я не забуду никогда! Стоит мне вспомнить об этом, и я вижу — передо мной стоит Учитель, а вода летит мне на голову, как не из ведра, а как с неба. Не помню точную последовательность событий этого дня. Время в доме Учителя имело особое свойство — день казался длиною в год, а то и в годы. Это происходило в силу открытости, которая увеличивалась в поле Учителя и поэтому наполняемость из пространства возрастала, или в силу ещё каких-то причин. Мало было иметь в виду, что ничего не бывает случайно, здесь нужно было понимать, что всё, что происходит — происходит специально для тебя, и особенно — самые незаметные, малые подробности. Я точно знаю, что Учитель внимательно наблюдал, какая будет реакция, какая мысль возникнет у человека, какое понимание. Так устанавливался молчаливый диалог с Учителем, который возник у меня с первой встречи. Почти всё время случалось так, что на вопрос Учителя за меня отвечал кто-то, а мне оставалось согласиться. Когда я подумывала задать какой-то вопрос Учителю, его задавал кто-то, мне оставалось только внимательно слушать ответ. И даже, неоднократно, когда мне кто-то задавал вопрос — за меня отвечал сам Учитель. Так происходило озвучивание, молча возникшего взаимопонимания. И

вообще, я чувствовала, что Учитель меня как-то берёт. Он как будто не хотел, чтобы мне было трудно или обидно. Почему? Может быть, я была очень маленькая, или очень ранимая, или очень обиженная. Ведь Учитель сказал: «Ко мне придёт человек больной и обиженный». Не обидчивый, а обиженный — такой, которого обидели. Сколько бы ни говорили, что всё, что мы сами делаем, получаем обратно — и это так — но бывают и обидчики. На земле не без этого, и надо найти в себе силы простить.

Учитель говорил: «Я больного люблю, душу его знаю хорошо». Только Он видел всю душу человека, каждого оберегал, как маленький, нежный росточек нового дела, ведь вся машина старого, наработанного и привычного, «предкового», как говорил Учитель, может раздавить, сломать.

Но вернусь к повествованию о событиях, которые помню в этом дне. Кроме молчаливого взаимопонимания у меня на этот раз были конкретные практические вопросы. Работала я уже не на основной территории предприятия, а в филиале, помещение которого по проекту городской застройки шло под снос. Другого помещения для работы предприятие выделить не могло. Чтобы не попасть под сокращение, а главное — чтобы желающие заниматься спортом и туризмом могли иметь такую возможность, необходимо было получить, вернее, выхлопотать, ещё вернее — выбить такое помещение у администрации района. Кто имел дело с нашими администрациями, тот знает, как у них что-то получить... Я уже начала этим заниматься, но получила отказ. Со второй попытки дали такие адреса, где и смотреть было нечего. Вот об этом я решила посоветоваться — сначала с Валентиной Леонтьевной, пока мы вместе что-то делали на кухне. Но тут в кухню пришёл Учитель. Валентина Леонтьевна быстро изложила мой вопрос и спросила: «Учитель и что же ей делать?». Учитель поинтересовался: много ли народу у меня занимается. Я назвала примерное число. Учитель сказал: «Ты собери их, расскажи им обо мне, что нужно заниматься закалкой, а потом собери с них по сколько-то денег и подай нуждающемуся человеку и будет вам помещение. Я сказала: «Учитель, я уже рассказывала». — «Ну и что они?» — «Не хотят». — «Ну, если не хотят...» — И голос Учителя, как бы, упал. В нём послышалась

душевная боль, разочарование и одиночество. Это я и сейчас ясно слышу, когда вспоминаю наш разговор.

Туристы горники — им нужны разряды, звания мастеров спорта, покорение вершин: Эльбрус, Эверест. Молодые, сильные, очень увлечённые, уверенные в себе. Покорение новых вершин сегодня, завтра... а что там дальше с человечеством вообще — за этими вершинами не видно. Да и с высоты этих вершин — тоже не видно. Ведь видно было одному только Иванову, что мы давно идём не туда и шансов у нас с продвижением в эту сторону всё меньше и меньше.

Он ждал, очень ждал этих сильных, молодых, которым всё по плечу, способных быть увлечёнными! Но дело Иванова — идти к БЕССМЕРТИЮ, победить смерть, как таковую, а не разговорчики о жизни после смерти — для многих не приглянулось, не увлекло. Заметьте, мы все увлечены, чем-нибудь, многие из увлечений полезные и достойные. Но некоторые услышали, поверили, захотели. А многие не захотели и не хотят.

— Ну если не хотят...

А Бог ни кого не заставляет, Он только просит.

— Ну если не хотят... — Звучит у меня в голове голос Учителя.

Это люди идут на попираание воли друг друга по любому поводу, хитростью, обманом, насилием. А Бог не посягает на волю и свободу человека. Ему нужна наша добрая воля, наше желание.

Вечером этого дня, после чая, все сидели в кухне, разговаривали. Валентина Леонтьевна прилегла на кровать, что стояла у стола и задремала. Учитель не находился в помещении подолгу, больше был на воздухе, ходил по снегу. Потом кто-то сказал: «пошли в дом, смотреть телевизор», — постепенно из кухни ушли все, а Валентина Леонтьевна продолжала дремать. Мне казалось, что я ушла последняя. Хорошо ли я закрыла дверь, не обратила внимания. В общем, когда через некоторое время мы вернулись в кухню, ситуация была следующая:

Валентина Леонтьевна кряхтела и жаловалась на боли в спине, еле встала с кровати — её протянуло сквозняком.

— Что же за люди? Ходят двери не закрывают, — причитала она. Женщины давали свои советы, натереть, потереть... Учитель сказал: «Валя, давай я тебя приму». Валентина Леонтьевна отказалась. Женщины уговаривали, а Валентина Леонтьевна сказала: «Учителю нужен человек мягкий, а от меня он очень болеет». Я стояла, прижавшись к стене в ужасе, что, наверное, это всё из-за меня, готовая отвечать за свою оплошность. Но чем я могу это исправить? И тут Учитель говорит: «Валя, это я не закрыл». Правда ли это, или Учитель решил меня выручить — я так и не знаю, но у меня как-то отлегло от сердца. Валентина Леонтьевна решила, что обольётся холодной водой. Я набрала воды из колодца. Она облилась, и ей полегчало. Весь вечер в душе я была просто переполнена благодарностью к Учителю, что он опять меня выручил, так я думаю и сейчас. Вечером все смотрели телевизор, шёл фильм с Баталовым и Быстрицкой в главных ролях. На экране Баталов нервничал и много курил. Учитель посмотрел некоторое время, сказал: «Это психоз», — и ушёл в другую комнату. Так закончился мой 8-ой день в гостях у Бога.

На следующее утро у меня был ещё один практический вопрос к Учителю. Почти полтора года назад я взялась на общественных началах за проведение газа в своём дачном посёлке, сделала уже много по оформлению документов. Думала, что кто-то из участников продолжит эту работу, но желающих не оказалось, а мне уже стало трудно тащить всё на себе — хоть бросай. Об этом я и решила спросить Учителя. Разговор опять начала с Валентиной Леонтьевной, потом подошёл Учитель. Валя излагает дело и спрашивает: «Учитель, и как же ей быть?». Учитель подумал и говорит: «Я не знаю, ведь это же ты затеяла, а не я. Трудно... Если это людям нужно... — тут он сжал кулаки, потряс ими в воздухе, — нужно идти и делать». Я, помню, вздохнула — делать нечего, согласилась. Так мне и пришлось это дело делать, сжав кулаки. А потом в жизни ещё много раз приходилось делать, сжав кулаки, то, что людям нужно. И за это я очень благодарна Учителю. Сжимала кулаки, просила Учителя и делала. А что делала, пригодилось и мне самой и людям.

Среди дня, кажется из Ростова, приехал пожилой мужчина с сыном, которого лечили и залечили в психиатрической больнице. Учитель принимал парня, потом, попросил меня записать для них текст Гимна. Я устроилась в углу за печкой, а Учитель беседовал с этими мужчинами, около входной двери. Пока я писала гимн, Учитель несколько раз подсказывал мне где нужно написать текст два раза, там где у меня, действительно, слова были написаны только один раз, как будто Он глядел в мой листок. Во время беседы Учитель несколько раз приглашал их: «У меня будет день рождения 20 февраля. Приезжайте обязательно на мой день рождения». Парень сказал: «Я подарю Вам сборник стихов Вознесенского». Видимо для него это была любимая и очень дорогая книга». Учитель ответил задумчиво: «Да, я тоже пишу». Вскоре они уехали. Из этого разговора я узнала, что Учитель хочет собрать народ на свой день рождения, который будет, почти ровно через месяц. Утром следующего дня мы должны были уезжать. Я подумала: «А почему Учитель не приглашает меня приехать на день рождения?». И решила сама спросить Его, можно ли мне тоже приехать. Хотя была почти уверена, что Он скажет: «Конечно приезжай». Но правильно сделала что спросила. Учитель ответил, что не обязательно ездить так часто и тратить лишние деньги на поездку, говорил как-то уклончиво, чтобы я не придавала этому большого значения, хотя и не запрещал, не желая меня обидеть. Мне это было не понятно, но я подумала, что экономить на поездке не буду и обязательно приеду. Позже мне стало понятно, почему Он так говорил. И за это я тоже благодарна Учителю и это отдельный рассказ, о том, что произошло потом со мной, и что происходило на дне рождения, и для чего это было нужно Учителю.

Вечером все собрались в комнате Учителя, Он лежал на кровати. Римма Григорьевна массировала Учителю больную ногу. Мы о чём-то разговаривали. Правая нога у Учителя была отёкшая и гораздо толще левой. Я знала, что нога стала такой после того, как в психиатрической больнице ему ставили в ногу капельницу с каким-то сильно действующим вредным препаратом, практически смертоносным. Так как Учитель умел мыслью управлять всеми процессами в своём теле, Он не допустил распространения этого яда по крови и остановил всё

это в ногу, за счёт чего и остался жив. Ещё в прошлые приезды я видела, как кто-нибудь из последователей массировал и растирал Учителю больную ногу. Учитель сам просил об этом, доверяя некоторым людям, подолгу гостившим в его доме, делать это регулярно, утром и вечером. В данное время таким человеком была Римма Григорьевна, которая и занималась этим, а мы сидели в комнате и о чём-то беседовали. Но вдруг Учитель позвал меня и попросил помассировать его ногу. Я наблюдала, как это делала Римма Григорьевна. Она уступила мне место на стуле, который стоял возле кровати Учителя. Я села и прикоснулась руками к больной ноге. Прикосновение, ощущение и мгновенная мысль: «Что я могу сделать? Какой массаж? Ведь пальцами невозможно хоть сколько-нибудь продавить эту холодную, чугунную твёрдость. По ощущениям казалось, что я трогаю чугунное основание фонарного столба, здесь собраны все болезни человечества, всё зло, сколько эта нога могла в себя вместить. Дальше идёт мысль: «Как же Учителю тяжело с этим. Наверное, Он уже хочет уйти. А как же мы? Мы ещё такие маленькие, нет, но просить его остаться — это жестоко. Нет, — я гоню от себя эти мысли — нужно сосредоточиться на массаже, нужно по возможности помочь, облегчить...». Через некоторое время все в доме легли спать. Так закончился мой девятый день в гостях у Бога.

На следующий день встали рано — нужно было успеть на дизель. Нас провожали Валентина Леонтьевна и Учитель. Когда мы с мамой совсем собрались и оделись, Учитель вышел в большую комнату, стали прощаться, и Учитель снова попросил потереть ему ногу, уже стоя. Я опустилась на колени и стала растирать ногу. В это время Учитель спросил меня, часто ли я думаю о нём. И опять мне не пришлось отвечать — мама ответила за меня: «Учитель, она всё время думает о Вас, всё время!». Мне осталось только кивнуть головой. А Учитель сказал: «Лена, всегда и везде будь со мной, проси меня». Мы вышли из дома и отправились на дизель, было ещё темно, Учитель смотрел нам вслед. В Лихой нужно было ждать поезда на Москву около трёх часов. На душе было тревожно, к глазам подступали слёзы — из глубины, как будто из самого сердца. Было предчувствие чего-то неотвратимого настолько, что нужно было что-то делать. В зале вокзала была почта, я купила конверт с маркой и тут же решила писать письмо Учителю. «О

чём писать? — сама не понимаю — То ли: «Учитель не уходи!», но почему об этом? Да нет же! Через месяц приеду на день рождения, видимо, придет много гостей — это будет интересно...». Но слёзы и тревога... Я написала Учителю, что мне тревожно и написала: «Учитель, спаси меня!». Опустила письмо в ящик. Вскоре подошёл поезд, и мы поехали в Москву.

По приезде домой позвонила знакомым, которые занимались по системе. На следующий день к нам зашли трое друзей — на чаепитие, и узнать, какие новости на хуторе. В разговоре коснулись вопроса, как просить за здоровье и как просить за мир. Один из последователей, который занимался гораздо дольше нас, сказал, что за мир пока не просит — просит только за здоровье, а чтобы просить за мир, нужно настроиться, чтобы просьба была искренней, от сердца — тогда она будет действенной. Я сказала, что тоже за мир ещё ни разу не просила. На что моя мама сказала: «Вы молодёжь, войны не видели. А я войну пережила, я каждый день прошу за мир».

На следующее утро, перед тем, как облиться, я как обычно, в лёгком халатике и босиком пошла на улицу — походить по снегу и подышать. Обычно я делала это в маленьком скверике, недалеко от подъезда. Зима была с оттепелями, и снег был покрыт ледяной коркой. На голубом небе — белые облачка, и тихо светило солнышко. Один раз я вдохнула воздух с высоты и попросила за здоровье. Потом посмотрела вокруг и подумала: «Как спокоен этот мирный двор — деревья, прохожие, и мамочки с колясками! И всё я это люблю... Надо настроиться и попросить за мир». Я глубоко вдохнула воздух с высоты, попросила Учителя за мир: «Учитель дай нам мира». И мне показалось, что искренне, что у меня получилось! Надо же, как здорово! А ноги стали подмерзать. Но мне хотелось это сделать ещё раз — как бы закрепить, или лучше прочувствовать, как это у меня получается. И я с мыслью о мире снова сделала глубокий вдох... Впервые в жизни я потеряла сознание, упала плашмя на обледенелый снег.

Я увидела, что нахожусь на хуторе, в той комнате, где мы прощались с Учителем, слышу голоса и хлопоты вокруг меня... Потом

мне показалось, что я лежу в заснеженной степи и метёт пурга... Потом я очнулась, быстро встала и пошла к подъезду. Набрала код входной двери, вызвала лифт, нажала нужный этаж, позвонила в дверь... Открыла мама. Я сразу спросила: «Кто меня привёл?»... снова отключилась, потом опять спросила маму: «Я сама пришла?». Быстро разделась и встала под холодный душ. Под душем я опять спрашивала, кто меня привёл. Из носа текла кровь. Мама испугалась: «Ты слышишь меня? Я тебе пятый раз говорю: ты сама пришла». Я легла на диван, меня знобило, попросила бумагу и ручку, написала Учителю о случившемся. Маме я объяснила, что попросила за мир... и у меня получилось. Вызвали врача — сотрясение мозга, больничный, лежать неделю.

Вечером, когда стемнело, я попросила маму пойти со мной в скверик и вынести мне ведро воды, чтобы облиться на снегу.

Прошло около двух недель. Врачи предписывали больше лежать. Голова не болела, но очень кружилась. Кто-то из последователей получил письмо от Учителя, в котором он приглашает народ на свой день рождения, а остальных обзвонили по телефону. Мне тоже позвонили. Я сказала, что поеду, надеясь поправиться к этому времени, и попросила купить мне билет.

Время шло, но голова кружилась не переставая. В результате вместо меня на хутор поехала моя мама. А я на большой красивой открытке написала поздравление. К тексту поздравления мне всё время хотелось добавить просьбу: «Учитель, дорогой, не уходи, будь с нами!». Но вспоминалась больная нога, и пережитые мной ощущения рождали другую мысль: «Просить Учителя остаться — это эгоистично и даже жестоко».

Мама по возвращении рассказала мне в подробностях, что происходило на хуторе. По прошествии значительного времени я поняла, что Учитель использовал свой день рождения для того, чтобы приехавшие люди совместно попросили о мире. Он знал, что скоро уйдёт, и это обязательно нужно было сделать. А всевозможные развлечения и «экстрасенсорные эффекты», которые там устраивали

некоторые из приехавших, не всем пошли на пользу. И хорошо, что я при этом не присутствовала. А за мир я попросила и так очень старательно...

За 33 года с Учителем я накопила свой опыт, а также услышала и запомнила рассказы очевидцев и последователей Учителя. Особого внимания и доверия заслуживают рассказы, услышанные в то время, когда Учитель был с нами как таковой. К сожалению, история говорит о том, что с течением времени в любое учение вплетается отсебятина и различные искажения. Это сейчас происходит вокруг учения и истории жизни Иванова. Но есть последователи, усилиями которых бережно собраны воспоминания очевидцев. Читая эти воспоминания, испытываешь необыкновенную радость и счастье. Да, Учитель был среди нас именно такой!

Учитель оставил нам более трёхсот тетрадей, в которых он отразил свои мысли, своё знание природы. Их нужно читать. Их нужно уметь читать! Это — погружение в самого Учителя, в его видение и ощущение Мира, оно подобно погружению в источник чистой, исцеляющей воды.

Рассказы очевидцев

Учитель стоял у окна. Ульяна Федоровна упрекала Его:

— Яша — это же твой сын!

На что Учитель ответил, указывая на юношу за окном:

— Вон тот, который идет по дороге, если примет мою идею он Мой сын!

* * *

Учитель — Ире Масленниковой:

— Ира! А теперь не за здоровье уже просить...

* * *

При встрече молодых людей с Учителем один из ребят стал хвалиться в своей преданности и верности:

— Учитель! Да я за тебя в огонь и в воду! Мне с тобой ничего не страшно, все не по чем!

Послушал Учитель его и предложил:

— А пойдя на двор, там — колодец, прыгни в него. Юноша пошел. Долго его не было. Возвращается и говорит:

— Учитель, там глубоко...

— Ну и молодец. — спокойно ответил Учитель.

В аналогичной ситуации другому молодому человеку Учитель предложил:

— Там на огороде Ульяна Федоровна морковь продергивает. Поди и посади сколько-то обратной стороной. Парень пришел к морковной грядке и начал сажать морковь вверх корнеплодом. Ульяна Федоровна, "обрадованная" неожиданной помощью, громко спросила:

— И что это ты тут делаешь? Кто же так сажает!

Когда он ей объяснил, что так просил сделать Учитель, Ульяна Федоровна сказала:

— Дурак ты и твой Учитель!

* * *

Учитель — Лене Кивериной:

— А меня поддерживают женщины вообще и попарно. Их дружба с Ириной Масленниковой была для многих примером взаимопонимания, любви, доверия. Они друг друга двигали в своем направлении вперед, вдвоем лучше развивались. В жизни было все — и ссоры, и недопонимания, но в паре они были — сила.

* * *

Лена рассказала Учителю о своей непростой женской судьбе — семья не сложилась, были предательства мужчин...

Учитель с необыкновенной теплотой и любовью сказал ей:

— Лена, ну ты же любила...

* * *

Петро пришел к Учителю и стал жаловаться на своего начальника — обижает людей, вредничает, стало невозможно работать.

Учитель долго слушал. А потом предложил:

— А давай его убьем!

Вразумился Петро — наше частое нетерпение друг друга и неприятие условий. Природа во всем сама разберется.

* * *

Осенью картошка уродила на славу. Во время воскресного обеда в Сулине Валентина и Петро сказали:

— Учитель, мы привезем несколько мешков.

Учитель строго ответил, что не нужно этого делать.

Глубокой осенью, когда с основными сельскохозяйственными работами управились, Петро погрузил мешки с картошкой в коляску

мотоцикла, и вдвоем с Валентиной они отправились в Красный Сулин. Ехали очень тяжело — сильный ветер пронизывал насквозь. Безкрайние степи Донбасса — есть где разгуляться. Пока доехали до Сулина очень сильно замерзли.

Вошли на двор и к Учителю:

— Мы привезли тебе картошку как и обещали.

Учитель увидел гостей, вдруг поднялся над землей на 2 метра, сжал кулаки и затряс ими:

— Я же говорил вам не нужно этого делать!

Это было настолько неожиданно, гости испугались и запомнили этот случай на всю жизнь.

Позже от Учителя слышали такую фразу:

— Если я на человека закричу, я его разрушу.

* * *

В Москве организовали встречу Учителя с кришнаитами. Он пришел в клуб вместе с Валентиной и Петром. Всех троих пригласили на сцену за стол. Встреча началась, стали задавать многочисленные вопросы, Учитель отвечал какое-то время, потом из зала поднялся мужчина, вышел на сцену и сказал:

— Вот, дескать, я вам все сейчас расскажу, как мы с Учителем бывали там-то и там-то... И начал свое повествование.

В это время Учитель сказал Петру:

— Быстро вызывай такси. Все трое они вышли через черный ход, сели в машину и уехали. В такси Валентина с удивлением стала спрашивать о незнакомце, который так хорошо знал Учителя.

— Почему мы его никогда не видели?

Учитель сказал, махнув рукой:

— Да то был призрак.

* * *

В Доме Здоровья гостило четверо москвичей. Они не первый год тесно общались по делу Учителя, искренно доверяя свои взаимоотношения Учителю.

Однажды возник между ними серьезный конфликт. Трое москвичей подошли к Учителю и сказали:

— Учитель, а ведь Саша плохо делает!

Учитель ответил:

— Да, он не прав.

— Мы пойдем и это скажем ему!

Саша жил у Дмитрия Николаевича на соседней улице. День стоял солнечный, безветренный. Троица вышла за ворота и вдруг на середине Садовой улицы поднялся сильнейший смерч — резкие порывы ветра мгновенно подняли пыль и песок вверх столбом, все это хлестало людей по лицу, не давая сделать вперед ни шагу. Встревоженные не на шутку, они были вынуждены вернуться в Дом.

Подошли к Учителю с вопросом:

— Дорогой Учитель, что это?

— Будьте осторожны с этим. Смерть еще не побеждена, — спокойно прозвучал ответ.

Следующая история с этими же москвичами. В Доме многие взяли длительное терпение дабы поддержать Учителя. Саша, ссылаясь на неотложные дела, уезжал в Москву через несколько дней. Уходя, он взял прутик, что-то нашептал на него и воткнул в столбик ворот.

Учитель подбежал, выхватил этот прутик, бросил на землю и растоптал его ногами.

* * *

Вместе с Учителем за мир терпели многие люди. Прошло уже 3 недели сухого голода. На дворе на ступеньках Анна Петровна аккуратно сделала Лене незначительное замечание. Лену пробило. Она обратилась к Учителю.

— Тебя задели, Лена. Наверное. Тебе надо будет покушать.

Встреча с Учителем. Алексей Захаров

Дорогой друг, читатель, здравствуйте. Пришел мой черед описать свои встречи с Учителем Ивановым Порфирием Корнеевичем. Занятие это сколь упоенное радостью души столь и пугающее, настораживающее своей ответственностью, за произнесенное, выпущенное на свет Божий, в Природу слово. Пугающее не каким-то мнимым возмездием, а тем, что мое видение Учителя, моя связь с ним сугубо интимная — сердце к сердцу. И эта внутренняя моя личная жизнь должна сейчас быть рассказана и раскрыта перед всеми людьми.

Память — вещь коварная. Ведь так устроено мышление человека, вспоминая события, вспоминаешь не физическую реальность, их "голую" правду того, что было, а запечатленный образ этих событий. В силу этого эффекта памяти никто не может упорствовать в том, что он говорит ИСТИНУ, или чистую правду. Уже давно пришло время на нашу Землю отвечать не только за свои поступки, но и за каждое сказанное тобой слово. Ибо слово стояло в начале творения. И было первое слово, с которого началось все сущее. Слово "Бог". Слово, которое положило весь ход истории не только нас с вами — человечества, но и историю Природы той, какова она есть. Это слово — то начало, с которого начало свое движение Древо Мыслено — Древо познания Добра и Зла, наше СОЗНАНИЕ.

Второе слово, которое мне хочется произнести, это слово "УЧИТЕЛЬ". Учитель! Мне кажется, что в детстве каждый человек по звучанию создавал для себя образ каждого услышанного им слова. Ведь каждый звук вызывает какую-то свою ассоциацию то с теплым бархатом, то с бубликом, то с синевой неба. Интересно, а какой образ возникает у тебя, дорогой мой читатель, от этого слова "учитель"? Ведь именно этот возникающий образ слова и дает каждому из нас осмысление его, его понятийный смысл. Так формируется в каждом из нас язык нашей мысли, наша речь. Человек мыслит образами. Так мы устроены в Природе. Поэтому, каждый из нас, пытающихся описать

свои встречи с Ивановым Порфирием Корнеевичем, желая того или нет, опишет тот образ своего Учителя, который запечатлелся в его сознании.

Раз у меня были "встречи" с Учителем, то, по общепринятому, начну с самой первой встречи, когда я впервые его увидел. Вообще сама фраза "встречи с Учителем" для меня неприемлемо. Да, была моя встреча с ним, я с ним встретился, а дальше? А дальше были уже не очередные встречи: вторая, третья, четвертая и т. д., а целая жизнь с Учителем, которая продолжается и далее. Как тому и полагается, что когда живешь с кем-то, то в этой жизни двоих не бывает все гладко. Так и у нас были праздники, были и будни, были и "выяснения отношений", огорчения, было всякое, как бывает в нормальной человеческой жизни. И шутили вместе и подтрунивали друг друга, и шалили, и, по его старшинству, получал я от Учителя взбучку, и не раз получал. И сколько я тогда доставлял ему огорчений и переживаний из-за своей неразумности. Словом жизнь есть жизнь.

А началось все это теплым июньским днем, когда мне было всего 11 лет. Моя семья живет на окраине Москвы. Небольшой микрорайон, за которым, с одной стороны, в ту пору, было поле, деревня, а с другой стороны лес Лосиный Остров. Я тогда ходил каждый день в этот лес. Он был мой родной дом. Не родительский был родным, а лес. Для меня, как для любого ребенка, все животные, растения, ручьи, овраги и земля, словом весь мир наделены были жизнью и душой такой же, как и моя. Они умели грустить, смеяться, переживать... и говорить, все, так же как и люди. Проникновение в природу, растворение в живом мире у ребенка оттого, что он осознает не мир вокруг себя, а себя как часть этого мира, сам он равный всему живому и потому все с ним живут в дружбе и доверии. Я убегал в свой лес, чтобы поиграть с бабочками и стрекозами, посмеяться с птицами и ветром, поласкаться в ветвях деревьев и под тихое шептание листвы и песни ветерка поговорить обо всем с травами. И вот, в тот день, набегавшись на лугу, зашел я в лес отдохнуть, улегся в траву, надо мной кроны берез, ветер с ними ведет игру. Трава душистая, шепчется травинка с травинкой, цветочек с цветочком, с кустарничком, копошатся букашки. Все ласкают друг друга. Лежал я в этом великолепии и думал о том, как вот

здесь у травы и деревьев с каждым зверем все хорошо, никто никого не обманывает, все равны меж собой и рады друг другу, а у людей вражда, каждый хочет командовать другими. Тут я и спрашиваю у травы: "Почему люди хотят, чтобы я жил по-ихнему"?

А она мне отвечает: "А ты учись жить так же, как мы живем в природе. В воздухе и на земле и в воде нам всем хватает места, так живет вся природа, но это людям очень трудно сделать".

А я возьми да спроси: "А есть ли тот, кто главный над вами"?

— Есть.

— А он кто такой?

— Человек.

— Как человек?! Меня это очень удивило. Спрашиваю у ветра: "И над тобой он главный и может командовать тобой"?

Он говорит мне: "Да". И деревья вторят ему: "И над нами, всей Земле он главный"!

Моему удивлению не было границ, спрашиваю: "А я могу его увидеть"?

А березы отвечают: "Выйди из леса на просеку".

И меня словно волной подняли и травы и ветер и кусты. Оказавшись на краю леса, они мне сказали: "Смотри — это победитель всей природы". Через просеку, над противоположным лесом, высоко под самые небеса стояла серебристо-белая фигура человека, старца юношеской красоты и силы, с белоснежной бородой, казалось, самого древнего мудреца. Огромные, синее, чем небо, как синие озера глаза были необыкновенной доброты, а руки большие, сильные простирались к земле, обнимая ее. Он стоял, чуть нагнувшись вперед, и из-за леса был виден лишь по пояс. Казалось, что он в своих руках

держит весь Земной шар, я был уверен в этом. В изумлении и восторге я был перед ним маленьким, как козявка среди травы, а он молча смотрел на меня и все вокруг преклонились перед ним. Набравшись духу, я поздоровался и громко, чтобы докричаться до его высоты, спросил:

— Правда, что ты главный над всеми в природе?

Он говорит: "Да".

— Ты человек?

— Да. Я человек.

— А раз ты человек, и я человек, могу я быть таким же, как ты?

— Можешь.

— И я могу так же как ты управлять травами, деревьями и всем живым на земле?

— Да.

— Я хочу научиться у тебя этому! Я хочу быть таким же, как ты! Хочу жить здесь — среди природы! Рядом с тобой!

— Если ты хочешь стать таким же, как я, то иди к людям, там ты найдешь меня, я буду среди них. Тогда я научу тебя, что надо будет делать, чтобы стать таким как я. Живи среди людей, люби их — это твое задание. И дам я тебе твою часть, что будет отпущена тебе. Любовь к людям это твой Бог... Иди!

Его слова сразили меня. Увидев его, сначала я подумал что всё, теперь мои мучения среди людей кончатся. Просто я уйду от них к этому человеку, чтобы быть с ним в природе. И вдруг он говорит мне — иди к людям, полюби их. Полюбить. Людей я любил и жалел, но вот полюбить их жизненную бестолковщину и вечный обман друг друга —

это было для меня невыносимым. Меня болью искорежили его слова, я пробовал возразить такому делу, но он сказал мне:

— Ты же сам человеком родился и должен, поэтому принять все человеческое для себя, полюбить, как свое, чтобы понимать людей и уметь прощать им ихнее. Иначе ты не сможешь быть к ним справедливым.

Наверное, я закатил истерику, от плача меня трясло и колотило, и это только от осознания мук и терзаний, на которые он меня отсылал. А земля подо мной и все вокруг в этот момент будто окаменели ко мне, ни кто из них не пытался помочь или хотя бы утешить. Все слушали его речь, наш разговор. Тут он необыкновенно мягко и ласково произнес: "Не бойся ничего, иди, я буду всегда с тобой, чтобы всюду тебе было хорошо. Когда ты найдешь меня среди людей, то узнаешь, и мы встретимся". Его слова были столь нежными и заботливыми ко мне, что я как-то невольно посмотрел на луг и деревья и землю как будто сверху, я понял, откуда у них столько любви друг к другу, откуда они берут такое богатство доброты наполняющее всю Вселенную. Только в этот момент я обратил внимание на звезды, они были видны на небе, не смотря на солнечный день, и светились весь наш разговор.

Я покидал мир счастливый радостный живой, мир моей колыбели. Еле переставляя окаменевшие ноги, все время оборачивался назад, к своим друзьям, к Нему. Все было темно передо мной, словно настала ночь. Столь потемнело в моих глазах, толи это было от слез, не знаю. Знаю только, что все провожали меня с грустью чтобы, дожидаться той поры, когда встретимся мы все вместе — я, Он и вся живая природа. А впереди стояли дома нашего города, там кипела людская жизнь, и я шел туда. Он, Победитель Природы, так и стоял в половину неба, провожая меня до самого моего дома.

Может быть, с этого момента для меня моя жизнь потеряла всякий смысл, я словно потерял ее или оставил там, на этой просеке. Парадокс?! Увы. (Вруны и сочинители запрограммировали нас на то, что подобные встречи непременно должны окрылять человека и вдохновлять его на всю оставшуюся жизнь. Но жизнь не сладкие

байки, в ней хватает места для всего). Несколько раз после того случая приходил опять в лес, но с каждым моим приходом он становился все более молчалив. Зверье разбегалось, а травы, как только я обращался к ним с вопросом, вообще прекращали свою болтовню. Я понял, что теперь общаться со мной по-прежнему им было запрещено, и что теперь моя жизнь будет полностью зависеть от моего умения жить среди людей, вместе с ними. Оказавшись один, нужно теперь искать друзей в людях.

А через год случайно подслушал разговор врачебной комиссии. Дело в том, что в 10 лет я чудом выжил после осложнения менингита. Врачи решали на комиссии вопрос — стоит ли мне давать путевку в санаторий, когда я через 2 года помру. Ну не через 2 так через 6 лет, а если я все-таки переживу свои 18 лет, то в 25 все равно обязательно помру. Так зачем же на меня тратить место в санатории, когда можно оформить более здорового мальчика. Место в санатории мне все же дали, но я понял, что лечиться у врачей мне нельзя, нужно искать какой-то выход самому. Началась моя борьба за выживание. В 16 лет врачи вынуждены были выдавать мне мед справки "практически здоров".

В круговерти юности ушло детство, вместе с ним, в потоке новых впечатлений, как-то стерлось в памяти это событие. Осталась лишь "внутренняя установка". И только через год, после того как я встретился с Учителем уже среди людей, вдруг вспомнил о своей встрече с ним в детстве, там, в лесу. Тут же написал ему письмо, в котором подробно все это описал. Учитель, как всегда, ответил одной фразой: "Рассказывай об этом всем людям".

А теперь о том, как я встретился с Учителем, уже став взрослым. Это опять длинная история, так как я родился, судя по гороскопу, в день, когда рождаются неудачники. Таких дней в году всего 4. Меня угораздило выбрать из этих четырех самый, самый неудачный. С виду, издали, я выгляжу высоким крупным человеком, а подойду, так окажусь вблизи маленьким. Так в моей жизни было всегда и со всеми. Это я к тому, что в моей жизни все идет не так "как у людей", все

кувырком. Вот и приходится любой случай описывать издалека, как оно складывалось в жизни.

В 1977 году мой хороший друг и товарищ Сопроненков Саша старался заинтересовать меня и приобщить к познанию мудростей человеческого духа. Он открыл мне существование целой страны Востока — страны духовной гармонии Космоса, Иерархию Учителей, и самое главное это то, что дух это не абстракция, а конкретная материя со своими физическими законами. Все это очень привлекательно. От него я впервые услышал об Иванове Порфирии Корнеевиче, как о нашем русском Учителе, который исцеляет людей от всех болезней и ходит круглый год в одних трусах.

А я недоуменно отвечал: "Ну и что! Я тоже это смогу, ведь прежде же ходил в одной рубашке на морозе, ну а лечить, так это же просто манипуляция энергиями биополей — вопрос технического навыка. Все это не ново и довольно просто, а вот Учителя Востока умели такие чудеса делать — о-го-го"! Полгода я упорствовал приняться у такого Учителя, который не умеет делать чудеса. Зачем он мне такой, думал я, ведь он мне не даст ни новых знаний, ни новых умений. И о чем я могу говорить со стариком, который весь облеплен старухами, получившими от него исцеление, который, живя вдали, от культурных центров, не имеет никакого образования и не знает никакой культуры. Чему же этот мужик может научить?

После одного небесного явления над Москвой, о котором я не раз уже писал, в Москву приезжает Иванов Порфирий Корнеевич. Это было 10 июня. Накануне Саша тщетно пытался уговорить меня пойти на вокзал встретить Учителя. Я упирался, не понимая, с какой стати буду встречать совершенно неизвестного мне человека, я же ему не родственник и не его знакомый. Тогда Саша пошел на хитрость — договорился, чтобы я передал ему книгу, которая срочно вдруг ему понадобилась, а передать ее удобнее всего на вокзале, где он будет ждать приезда Иванова П.К. Ну надо так надо, отдам ему книгу и все.

На Казанский вокзал приехал на час раньше, и зачем? Выйдя из вонючей толкотни вокзала, перешел улицу с целью посидеть в сквере,

что за ж/д мостом напротив гостиницы "Ленинградская". Вдруг на моих глазах одна из легковых машин останавливается посреди дороги, а идущая за ней врывается со всего налета. Лязг, стекла вдребезги, обе измятые машины встали. Ладно. Сажусь на скамейку в сквере, раскрываю книгу. Откуда ни возьмись, появляется рядом со мной, в стельку пьяная женщина и, качаясь, плюхается на скамейку. В конце дорожки из кустов вылетает мужчина и бежит, тоже качаясь, к ней. Начинается скандальная ругань. Тут из кустов выскакивает другой мужик, включается в склоку. Со всех сторон подбегают еще какие-то мужики, теребят эту бабу, отбирают ее друг у друга, ругаясь и споря меж собой. Вся эта пьяная потасовка происходит вокруг меня, а я, значит, сижу в центре с этой бабой. Пришлось ретироваться на перрон вокзала.

Дорогой читатель, думаешь, что мне это очень интересно описывать в таких деталях всякую чепуху? Вот уж нет! В школе мою "литературу" всегда оценивали отметкой 2. А приходится писать все эти картинки лишь потому, что это было ни что иное, как знаки или символы того, что ждало меня дальше в жизни. Это были как бы вещи сны, предсказывающие, что мне предстоит пережить после встречи с Учителем. Много лет я не мог разгадать эти образы. Какие-то машины, пьяная баба с мужиками. И только не так давно, перебирая в памяти все, что происходило за эти 15 лет, обнаружил ту направленность своей "деятельности", которая требовала от меня максимальной отдачи. И увидев эту основу приложения своих сил, выявив объект этой основы, его образ, понял, что за знаки были мне показаны природой перед тем, как встретить среди людей Учителя.

Первый знак — машины. В первой машине ехало несколько людей (собор). Ехали по проложенной широкой дороге. (Технически вооруженные люди, на их дороге знаки куда ехать и как ехать). Подъезжая к месту, где должен был пройти своими босыми ногами Бог Земли, вдруг, на полном ходу встала, словно воткнулась в невидимую стену. Собор людей — Церковь, старая машина — ее вооружение на указанном, уготованном пути это Старая Ветхозаветная Церковь. Вслед за первой ехала вторая машина, в ней был один водитель, и она была уже более современной марки, но шла за первой шаг в шаг,

словно привязанная. При остановке первой вторая налетает на нее, и обе разбиваются. Вторая машина — это Церковь Нового Завета.

Скажете, что у меня богатая фантазия? Увы, нет. Я на протяжении 5 лет наблюдал, как люди Церкви пытались "разоблачить" Учителя, выяснить от кого он пришел, чью волю исполняет. Пытались уличить его. А он их отсылал к самим себе, к их же пророкам. И обратясь к священному писанию, они приходили в тупик. Ибо в них прямо говорилось об Учителе Иванове, а учения Святых Отцов Церкви противоречили своему же священному писанию. И преодолеть эту преграду никто из них уже не мог. Правда, среди последователей Иванова П.К. есть люди, которые пытаются втиснуть Новое учение Учителя Иванова в старые мехи Ветхозаветной и Христианской Церкви. Удастся ли им сделать это чудо из чудес? Не знаю, время покажет. Возможно ли это, если Учитель говорил: "Церковь служит старому предковому потоку, а я пришел, чтобы ввести в природе среди людей новый поток, противоположный старому. Это моя Идея". Но человеческая хитрость настолько изворотлива, что способна любой поток повернуть вспять, как северные реки на юг. Ведь это уже было сделано с Иисусом Христом, с его учением. Когда Ветхозаветная Церковь "прибрала его к своим рукам" и изменила учение Христа "с точностью наоборот". Не зря же, когда к Учителю подступали с целью выпотрошить у него признание — кто он такой, то он им в сердцах парировал: "Я вам не тот Христос, которого вы распяли".

Пишу общеизвестные фразы Учителя, которыми очень многие сейчас спекулируют, толкуя их по своему, говорят, что это, якобы, и есть его Учение. Каждый из нас в праве истолковывать Учителя — это наш творческий процесс познания его Идеи, его Учения, в этом мы развиваемся. Но кто ж из нас имеет совесть и разумение признаться, что он говорит свое, а не истину Учителя, что это только мое понимание Учителя. Ведь познать его истину это надо не только заслужить в природе, но и стать таким, каким был он, когда ему открылись эти знания, а значит, увидеть мир не односторонне, как видим его мы, а кругозорно мировоззренчески, как видел его Учитель. Да, во истину, от скромности мы не умрем.

Второй знак, который мне был показан перед встречей с Учителем, это та самая баба, едва прикрытая платицем, в хмельном угаре, вся неопрятная, какая-то в дырках. Смрад от нее веял умопомрачительный. С виду хоть и молодая, красивая, но вся дурная. И вот ее тягают каждый на себя, в состоянии полной невменяемости, какие-то запропащие мужики. Желания их примитивны, речи несвязны, ни одной цельной мысли. Это о ней. Зато друг на друга такая изысканность лексики, такая изящность, чтобы распнуть и пригвоздить всех других.

Это символ того нового, что было создано нами, людьми, прилепившимися к Учителю. С этим "новым" мне постоянно приходится воевать все эти 15 лет. Это — новая религия, на авторство которой претендует масса доморощенных новоиспеченных пророков и мессий. В своей эйфории, не чуя под собой земли, в горячке экстаза тянут несчастную каждый под себя. А она, действительно, — плод их активной деятельности, потому и не собранная, не цельная, вся в дырах, угарного состояния. Ну что мы еще можем создать в своей хмельной горячке? Что?! А ведь каждый из нас знает слова Учителя: "Если из меня сделают религию, то мое дело проиграло. Людям придется ждать меня вновь с моей Идеей еще 2 тысячи лет". А как же нам людям хочется отвести место для Бога в углу своей обители, а в центре ее творить то, что самим себе угодно. Не зря же исстари, провинившегося, в наказание, ставили в угол. В углу своей жизни мы стремимся оставить место для Бога, потому как главное для нас не он, а наша самость, наше самоволие, а он лишь украшение интерьера нашей жизни.

Можно было бы об этом вообще не писать, если бы Учитель время от времени не давал нам (показывал) странные какие-то события, которые вдруг происходили с нами, или которые нам приходилось наблюдать. Потом он подробно расспрашивал, что с нами было, и что мы видели. Тем самым он как бы учил нас читать происходящее в природе. Но у меня же все "не как у людей". Сначала был урок, а потом уже встреча с Учителем. Так на чем же я остановился, отвлекшись от своей темы встречи?

А дальше выхожу я на перрон. Какая-то женщина мне говорит: "Здравствуйте". Я отвечаю ей — "здравствуйте" — прохожу дальше. Другая тоже говорит мне — "здравствуйте", я отвечаю — "здравствуйте". Иду дальше. Стоит группа пожилых женщин, все поворачиваются ко мне, и с поклоном здороваются. Тут я уже заметил в этом необычность. Для меня слово "здравствуй" нормальное. В своих странствиях я до того привык к нему, что не замечаю, как иной раз здороваюсь с прохожими на улицах Москвы, привык здороваться везде со всеми. А тут здороваются они первые со мной да еще с поклоном, задумался к чему бы это? Делаю попытку отойти в сторону, а тут бежит какая-то женщина прямо на меня, хватает в охапку и радуется, что встретила меня здесь. Вежливо отбрыкиваюсь. Обидевшись, она отходит и вновь подбегает, опять обхватывает и говорит, что она не могла ошибиться, что мы оба здесь встречаем одного и того же человека! Я никого не встречаю, кроме моего товарища. Долго она пытается объяснить мне, что мы все же встречаем одного и того же человека. Наконец я понял, что этот человек тот самый Учитель Иванов, которого я вовсе не жаждал встретить. Тут до меня дошло, как хитро заманил меня сюда мой дружок.

Подходит поезд. Вся вокзальная толпа бросается ему навстречу, я остаюсь почти один, но какая-то сила заставляет меня идти тоже со всеми к вагону, в котором едет Учитель. Гул толпы, остановка поезда, из вагона выходит Он. Белоснежная голова возвышается над людским морем встречающих. Это была не голова человека — это солнце излучающее свет серебристый, теплый, мягкий, ощутимый даже в своей плотности. Он изливается от этого человека, заполняя толпу людей, вокзал, город, до небес, до самых звезд. Меня завораживает эта красота, иначе это и не назовешь, медленно иду по платформе и вдруг... словно обухом топора получаю удар по голове — дикая головная боль, которой уже не было сколько лет. Что ни шаг то боль сильнее, достигла того, что появилось осознание, что еще шаг и голова просто треснет. Остановился, от боли не в силах шевельнуть и пальцем, а сам не могу оторвать глаз от Него. Тут он, резко прервав всех, зашагал по платформе. Проходя мимо меня, получилось так, что Он оказался впереди всех людей, и я мог увидеть Его во весь рост.

Когда бегущие за ним люди скрылись, я, словно опомнившись, бросился вдогонку.

На стоянке такси машины в мгновение ока заполнялись людьми по 6, 7, и может больше человек. Дежурные регулировщики, остановив общую очередь приезжих, одну за другой отправляли эти машины. В один миг несколько сотен встречающих Учителя исчезли. Вокзал почти опустел, осталась только общая очередь на такси. Тут я и нашел своего друга, отдал ему книгу, а сам потребовал, чтобы он привел меня к Учителю.

Что я испытал кроме головной боли? Это то, что с этой самой минуты, когда я его увидел еще в дали, моя жизнь не может продолжаться без Него, без моей связи с Ним. Тут уже никакие "богомольные старухи" не могли ни остановить меня, ни смутить.

11 июня утром я был в квартире, где он остановился. Народу было человек 200, 300, не счесть. Очередь на прием к нему. Какая-то женщина берет каждого, кто от него выходит, заводит в ванну и там обливает или моет, не знаю. Подходит моя очередь. Процедура приема. Учитель и меня посылает в ванну. Иду, женщины той нет, захожу в ванну, думаю, что же тут надо делать, наверное, обмыться. Раздеваюсь, залезаю, включаю горячую воду. Моюсь под душем, а сам думаю, что это я моюсь горячей, лучше, наверное, теплой. Делаю похолодней. Омерзительно неприятна эта чуть теплая вода, ни то, ни се, да ну ее. Закрываю полностью горячий кран, и все тело обожгло холодной струей. А в дверь уже стучат. Опять подхожу к Учителю. Как и каждому, кого принимают, он дает мне напутствия, я соглашаюсь с ним, обещаю ему выполнять его просьбу и тут же этот наш разговор тает, остаются лишь в голове бессвязные слова, которые мигом забылись.

Что же я ощутил в этом? То, что я видел его не в черных трусах, а в белоснежной одежде. Вошел я к нему в комнату с трепетностью, вышел сыном Отца своего. Больные люди и "богомольные старухи" стали ангелами, которые приняли меня в свою среду, пели мне песни говорили со мной. Ощутил и увидел то, что все состояло не из атомов

и молекул, а из любви в Его свете. Можно ли это передать словами? — Я был на "последнем" небе. Он подошел ко мне и сказал: "Пора, Леша, тебе домой. На сегодня хватит".

На следующий же день я опять был в этом доме. Учитель с улыбкой встречает меня в дверях и называет каким-то другим именем. Я, не обращая на это никакого внимания, здороваюсь с ним и целую его. Он спрашивает меня о здоровье, как спал ночь, и называет уже другим именем, потом третьим. Я поправил его, назвал свое имя, но через несколько слов он опять называет меня каким-то именем. Я подумал: "во дает, как только меня не склоняет! Да мне хоть горшком назови только бы быть с тобой рядом". Когда он опять обратился ко мне, назвав еще как-то, я улыбнулся ему и ответил на его вопрос. Он отстранился от меня: "Алеша, а как твое настоящее имя"?

— Да Алексей вообще-то мое имя, а ты зови меня, как хочешь, как удобнее, мне все равно.

Он расхохотался, обнял меня и сказал: "Я буду звать тебя по имени Алеша".

Эта маленькая сценка происходила почти с каждым, это был для многих непреодолимый экзамен. Гордый не выдерживал, уходил. Мне повезло. С первого же момента нашего общения он был для меня человек простой, обычный, мой отец, я шел к нему и говорил с ним без страха. Не Бог, не Христос, не Моисей, а мой седовласый папа, который в своей жизни прошел путь Бога и волею судьбы выполнил то, что надлежало совершить Богу.

Каждый человек, находящийся рядом с Учителем, испытывал его беспредельную любовь. Он как бы сам был соткан из любви, она разливалась из него, заполняла все пространство. Нельзя сказать, что он любил кого-то больше, кого-то меньше. Со мной же он любил шутить, смеялся как ребенок, доверял мне свои думы и горести, спрашивал мое мнение, вместе искали решения. И вместе с этим он держал меня в строгости, журил и очень живо, по-отцовски, переживал за все мои удачи и промахи. Это не самовосхваление. Живя

с Учителем под одной крышей, разделяя с ним свою судьбу, имею право утверждать, что Он всегда был человек, самый живой и человечный. Оставаясь человеком, он доверял мне, и показывал тайное из тайн — искусство быть Богом. Какое же он имел для этого адское терпение и мужество.

Вот таким путем я был допущен природой встретиться с Живым Богом.

А. Захаров, г. Москва, 1994 г.

Неканонизированная история жизни Учителя

Встреча в школе. 05.03.1994 г., г. Набережные Челны

Здравствуйте! Я впервые в вашем городе, и вчерашняя встреча, в пятницу вечером, дает мне силы для выступления, нет робости перед вами, спасибо вам большое.

Начнем, наверное, о самом Учителе, с начала его истории, как это уже водится, откуда что началось, откуда что стало браться. Я вам сейчас буду рассказывать такие вещи, которые даже из тех, кто занимается, вряд ли много слышал. Здесь, в нашем зале, есть много тех, кто пришел впервые узнать об этом человеке, об Учителе. Думаю, что для них тоже будет интересно узнать то, что, практически, не знают люди, занимающиеся уже несколько лет закалкой-тренировкой по системе Учителя Иванова Порфирия Корнеевича. Дело в том, что сам язык Учителя, его лексикон, он труден для нас, даже современников Учителя, очень сложен. И когда он с нами общался, разговаривал с нами на своем языке, таком, как бы полуукраинском, полурусском, из глубинки, то есть далеко-далеко не современном и, тем более, не литературном, мы его, в общем, так прямо сказать, не понимали, а догадывались. Потому что конкретно понять его каждое слово было довольно трудно. А его тетради! Кто их видел, тот может понять, что речь его понимать так, как мы с вами понимаем друг друга, было очень и очень трудно и сложно. Однажды он дал мне почитать тетрадку: "На, почитай!" Читаю и ничего не понимаю. Читал где-то два часа одну страницу. На следующий день эта история повторяется. Так у меня было несколько раз. До этого я успел что-то узнать об Учителе и о его идее уже имел какое-то представление. И вот сижу я так, читаю и думаю, что же я смогу там вычитать, понять, если я не понимаю совершенно того, о чем он говорит? Я не понимаю его языка. Вот и получалось так, что "смотрю в книгу, а вижу фигу".

Тогда я подошел к Учителю и стал буквально требовать от него, "трясти, как говорят, за грудки", чтобы он мне пояснил. В тетради я прочел какие-то вещи, которые для меня были внове, вызывали интерес. И вот я начал просить Учителя, чтобы он мне рассказал "нормальным" языком, что он там хотел написать. Таким образом, ему пришлось рассказать об очень многих интересных вещах, о которых, хотя многие и читают, но не понимают. Эту историю, которую я вам сейчас хочу рассказать, читают в разных тетрадях, она написана почти в каждой тетради его дневников. Но она проходит у всех незамеченной и непонятной. И вот, что самое поразительное, мы уже тогда не знали его начала, начала его пути. Так вот, тогда он рассказал, как у него все это началось.

То, что он был здоровенный такой мужик, бугай крепкий, это вы все знаете. То, что он картежник был заядлый, это тоже всем известно. И я, прожив какое-то время в Ореховке, в селе, где он родился, убедился в единодушном мнении местных жителей о Паршеке, что это был хулиган. Учитель вырос в своем селе бедовым парнем, от которого что только не терпели люди. Голова у него была такая ясная, способная на выдумки, что никто не мог знать, что он еще натворит, что учудит. Потому он и попал в молодости в тюрьму, что украл где-то сапоги, потом продал их, потом пропил, а на пропое этих вырученных денег и попался. То есть был сорвиголова, смекалистый, сообразительный юноша. И как обычно было у нас на Руси, так и там проходили драки, бои, когда улица — на улицу, село — на село. В этих драках-боях он всегда участвовал как "биток", то есть главарь своей команды. Вот соединяются две команды, и выступает от одной команды главарь и главарь от другой, то есть два "битка". И вот кто кого с ног собьет. Бои проходили на реке, и по обычаю начинали их таким ритуальным образом: встречей двух "битков". Этот обычай пришел к нам из глубокой древности, еще от праславян. И живет он уже несколько тысячелетий в славянской культуре. И наши пацаны до сих пор так и дерутся, сами о том не подозревая. В общем, кулак у Паршека был крепкий, кулак был здоровый, он сбивал своего противника одним ударом и говорил: "А теперь вы сами разбирайтесь". Конечно, иногда и ему перепало. И вот с таким человеком происходит то, что происходит у многих людей в жизни. Как он пишет в тетради: "На

меня напал враг и захватил мою руку выше от локтя". Вот этот момент меня попервости и заинтересовал — "на меня напал враг"? И "захватил мою руку выше от локтя"? Оказалось все довольно просто. Будучи молодым человеком, он, в силу своей такой разгульной жизни, получил от Природы не более и не менее, как раковое заболевание, которое поразило его руку. Это раковое заболевание развивалось и подходило уже к последней стадии. Паршек обращался ко всем врачам. Врачи сделать ничего не могли. Естественно, они были бессильны. Те места, это Луганская и Ростовская области, это места казаческие. Это такие места, где еще много сохранилось знахарей, эдакий ареал, сумевший сохранить старинные русские обычаи и обряды. Паршек обращался к бабкам, ко всем знахарям, к кому он только не обращался. Никто ему ничем не мог помочь. И вот ему остаются последние, буквально, считанные дни до того, как болезнь скрутит его совсем, свалит с ног. И он будет сгорать, как сгорают все раковые больные. И тогда он стал рассуждать так: от чего лучше помереть, от болезни или от несчастного случая. Создать для себя несчастный случай не получится. Это уже будет не случай, а преднамеренно. Остается болезнь. А от чего люди заболевают? — от простуды, холода и тяжелого труда. Значит остается хорошо промерзнуть, простудиться, и, тем самым, спровоцировать еще одну болезнь, тем и ускорить свой уход, свою смерть.

Дело было поздней осенью. Паршеку шел тридцать третий год, уже начались морозы, выпал снег, наступала зима. И он решил раздеться, пойти на улицу и замерзнуть. Он вышел, погулял, погулял, замерз, крепко замерз, домой сбежал от холода. Посмотрел, еще жив, температуры нет. Значит мало. Пошел опять на улицу, взял ведро воды, вылил его на себя. Проходит день — нет болезни. На утро пришлось эту процедуру повторить — опять вылить на себя ведро воды. И вот когда он это сделал, то ощутил вдруг какую-то жизнерадостность, ощутил какую-то бодрость. Как будто в нем ожили какие-то силы. И тогда он задумался: что же это такое, я ищу смерть себе, а тут вылил на морозе на себя воду и такое вот ощущение? Странно. Я же должен простудиться, заболеть и умереть? Ладно. Я сейчас подожду, а завтра выйду опять на улицу, обольюсь и посмотрю. Если не будет опять температуры, если я и в этот раз не простужусь, то еще раз придется

выйти и облиться. Но никакой температуры не было. Пришлось ему еще раз так потрудиться, чтобы заболеть. Он действительно шел на смерть. Он же пошел искать себе смерть. Так он на мороз ходил несколько дней, но никакой температуры или простуды не было. А вот какая-то жизнерадостность в нем появилась. В голове появилась охота пожить. Ему это странным показалось. Вечером он повторил эту процедуру, думая, что в конце-то концов когда-нибудь да околею. У него прошло так несколько дней, когда он выходил раздетым, обливался и ходил, пока не замерзал, пока не покрывался весь мурашками, не синел. А вместо простуды он получал каждый раз за это тот самый заряд, который каждый из нас получает во время обливания. И вдруг он увидел, что враг на его руке стал отступать. Когда он это заметил, что опухоль стала спадать, что самочувствие его улучшилось, тогда он за это ухватился и начал систематически проделывать эти процедуры. Через пару месяцев он обнаружил, что болезнь его покинула, холодная вода, снег да мороз победили болезнь. В своих тетрадях он пишет: *"Я пошел в природу, чтобы найти там смерть, а нашел жизнь, а нашел там живые силы не умираемого характера"*. Нам всегда преподносят, что он начал свою закалку с озарения. Я вам рассказал совершенно другую историю со слов самого Учителя, историю того, как оно на самом деле было.

Выступающие на лекциях говорят: "Ну как же? Ведь ему в голову пришла мысль, а мысль — это и есть озарение". Я в корне не согласен с этим. Та мысль, которую пытаются выдать за озарение, она приходит чуть ли не к каждому юноше. Кто в юности не задавался таким вопросом: "Почему же люди делают так, чтобы им было хорошо, строят теплые дома, ищут хорошее питание, полезное, калорийное, одеваются потеплее, а в результате — болеют?" И в старости эти болезни накапливаются так, что на стариков жалко смотреть. Почему так жизнь устроена? Я знаю по себе лично, что у меня тоже была такая мысль, и она пришла ко мне. Это было где-то лет в четырнадцать. Я понял, что люди живут неправильно. Почему такое происходит с людьми? Да потому, что они живут неестественной жизнью, не так, как все живет в природе. И тогда я подумал, что надо начинать жить так, как живут все живые существа. Значит, надо не одеваться, надо выходить из дома, быть просто дикарем, папуасом. И тут я уже

задумался: так-то оно так, а смогу ли я? Ну как это я пойду и буду так жить? Да мыслимо ли это? Конечно, нет. И на этом все мое "озарение" закончилось. Я стал жить так же точно, как живут все люди. Я принял ту жизнь, какая заведена у людей. Можно ли это назвать озарением? Я думаю, что нет. Мысль — это только мысль. Так Учитель тоже имел такую мысль. И если спросить здесь сидящих в зале, кому эта мысль не приходила? Да мало таких будет. А если спросить, кому она хоть однажды приходила в голову, то это будет чуть ли не каждый. Так что, мы все от этого озарились?! Да нет, мы просто задумались над смыслом жизни и больше ничего.

Однажды, когда Наумов Эдуард приехал на хутор рассказывать всем нам и Учителю о том, как он проводил свою лекцию, на которой он говорил об Учителе, то Учитель попросил его рассказать, что же он говорил про него. И Эдуард Константинович рассказал, что на лекции, которая была посвящена ему, Учителю Паршеку, он произнес, что в молодости, в 35 лет Паршека озарило. Тогда Учитель переспросил его: "Что, так и сказал?" — "Да. Ведь это же было озарение, когда ты пошел в природу". Люди, слушавшие этот рассказ, недоуменно рассуждали — так ли это? Неужели ж мысль может озарить так, что даст человеку силы и толкнет его на неизведанный путь искать в природе живые силы, и для чего?

Но он, мастер слова, говорил очень убедительно: "А как же, что же еще может быть в природе такое, что могло поставить Учителя на такой жизненный путь?" И люди поутихли. А Учитель, наблюдая за этим, несколько раз набирал воздух, чтобы что-то сказать, но тут же осекался и, чуть криво улыбаясь, следил за развитием разговора. Рассказ Наумова продолжался. Когда эта беседа закончилась, я подошел к Учителю и спросил у него:

— Неужели ж Эдуард Константинович прав, когда говорил, что ты начал свой путь в природе с озарения?

— Нет, не было никакого озарения, был труд в природе и поступки по сознанию.

— Тогда почему же ты не остановил Эдуарда и не сказал ему об этом?

— Но он же этого хочет. Без этого ничего его не получится. А люди же с ним согласились. Им это надо.

Так с легкой руки Наумова Э.К. Учитель "озарился". Но вернемся к его истории.

Когда Учитель, тогда еще Паршек, вот этот самый хулиган, этот разбойник и забияка, как о нем отзываются в Ореховке, когда он вдруг увидел, как действуют на организм холод, зима, снег, вода, когда он на себе познал, как от этого всего, от природы, человек получает оздоровление, вот тогда эта мысль забила в его голове: "Как же так? То, от чего человек в природе прячется, то дает ему здоровье!" Так начались его поиски, чтобы найти ответ на этот вопрос. Раз эта вода, снег, земля дали мне силы, чтобы избавиться от болезни, может быть, они мне дадут и еще что-то? Может быть, я смогу найти ответ на эту загадку свою, почему же так происходит? Откуда это все берется? А дело простое — давай, я буду пробовать. А тут еще он встречается зимой человека без шапки. Раз он так ходит и не боится мороза, значит, и я смогу так же закалиться, как и он. И с этого момента начался его путь закали-тренировки человека в природе.

Вот то время, когда он встал окончательно на этот путь, он как раз и связывает с двадцать пятым апреля тридцать третьего года. Тогда он решил начать с того, чтобы снять шапку и больше ее не надевать. В тридцать три года пришло заболевание, пришла мысль, а в тридцать пять лет он уже сознательно пошел в природу. До этого он только пробовал, нащупывал и делал это, когда была возможность, в свободное время. Но, в общем, он считал, что в 1933 году, после того момента, как Природа наказала его этой болезнью, в его жизни произошел поворот: человек пошел в природу искать смерть, а получил от этого исцеление.

Как у него шло все это дальше? Ведь он был таким же нормальным человеком, как и все мы. Его система закаливания мало

чем отличалась от таких же систем, которые были популярны среди людей, сподвижников здорового образа жизни. Таких, о которых мы читаем в литературе, слышим по радио, о чем пишут в журналах "Здоровье". То есть он начал пробовать то, что слышал, то, что знал, пробовал все то, что имело какое-то отношение к человеку и его здоровью. Закаливая свое тело, он стал ощущать огромный прилив сил. Нужно было проверить, а правильно ли он делает, правильно ли поступает? И тогда он загадывал: "Если я на правильном пути, если я делаю правильно, то Природа мне должна дать знак, что я делаю правильно." Или его интересовал такой вопрос: "Если я сам себя оздоровил, то может ли так же оздоровиться другой человек?" А как это можно проверить, какой знак может быть? Очень просто. Для ответа тут не надо никаких фокусов, не надо никакой астральщины, никакого гадания, надо только подойти к больному человеку и попытаться, чтобы этот больной человек смог вылить на себя ведро воды на улице. И посмотреть: выздоровеет он или нет? Вот и все. Вот и весь вопрос, вот и весь ответ. Нашел таких больных: одного, второго, третьего. Люди исцеляются, выздоравливают, значит, закалка — верный путь в поиске оздоровления человека. И тогда, в следующий момент, он подумал: "А действительно ли я обладаю такими силами, которые способны полностью исцелять человека от любой болезни?" То, что сама закалка исцеляет, он убедился не только на себе, но и на примере других людей. А теперь он задает вопрос: "Имеет ли он право исцелять, то есть давать здоровье, давать здоровье именно своими силами своего закаливания?" И он опять решил провести такой же эксперимент, чтобы ему Природа подсказала: "Да, он на правильном пути, он может использовать полученные силы и свою систему закаливания, передавать ее другим людям, чтобы они при помощи воды, земли и воздуха получали исцеление". Тут я сужу по себе. Если бы кто из нас взялся за это дело, он бы решил попробовать, наверняка, на таком материале, который хоть немножечко да полегче. Учитель же избрал для такого опыта человека, который не ходил десять лет, — женщина лежала парализованной. Он сказал себе так: "Если я подниму эту женщину, то тогда я на верном пути, что закаляю свое тело тем, что выхожу открытым телом на природу, выхожу в любую погоду, обливаюсь водой, хожу по земле. Если это так, тогда я буду дальше открывать себя перед Природой, открывать ей свое тело. Для этого я

сделаю еще один шаг на этом пути — сниму обувь". Он взял и избрал именно этот принцип — открывать себя Природе.

Я не знаю, кто бы из нас мог поставить эксперимент именно так? То есть на крайность, на максимум. Сначала он послал к этой женщине родственника, чтобы тот поговорил с ней, чтобы она согласилась испытать на себе то, что может предложить Паршек. Эта женщина согласилась. Тогда Паршек идет к ней в село. По дороге, как он пишет, "я мыслью работал с ее телом". То есть он мысленно уже прикидывал, что же с ней можно сделать, как ей можно помочь. Поговорив с этой женщиной, объяснив ей что и как, он дал ей свои силы и вывел на улицу. Она впервые встала за эти годы. Он ее облил сам на дворе. Для нее это было невероятное достижение уже потому, что десять лет все домашние вокруг нее крутились. А тут она, поговорив с ним, поверив ему, встала на ноги. После обливания она опять легла, и Паршек ушел домой.

Сидит дома и ждет известий. Приходит к нему человек и сообщает, что эта женщина за десять лет впервые встала утром на ноги, сварила завтрак и накормила всю семью. Паршек не поверил этому, пошел сам убедиться. И когда встретил, ощутил такую радость, о которой он говорит, что в жизни не испытывал такой радости. Эта женщина была счастлива тому, что она встала на ноги и смогла накормить своих детей. Теперь она была здорова. Возвращаясь от нее домой, он разулся (он же дал себе слово). Домой он шел без обуви.

Вот таким образом проходили все его пятьдесят лет эксперимента в природе. Из всей этой истории я хочу отметить несколько моментов. Остальное вы можете узнать из литературы и от других, кто рассказывает об Учителе. Поэтому я не решился бы повторять других, тем более, что я не опытен в выступлениях и, наверняка, делаю это хуже. Поэтому я лучше расскажу вам вот о каких вещах. Как он сам рассказывал о том, что было в основе его эксперимента, который он проводил в практике своей закалки. Паршек учился в Природе побеждать врага. Он учился находить в природе этого врага и побеждать его своими силами. Так прошла первая треть его пути. Он говорил, что в Природе существует мертвый поток и живой поток. В

Природе существуют мертвые силы и силы живые. Человек пошел по пути зависимости, и поэтому он окружил себя мертвыми силами. Поэтому в зависимости он заболевает, в зависимости он уходит в смерть, так как сама зависимость в природе несет в себе мертвые силы. А саму смерть создали в Природе люди как результат своей зависимой жизни. В Природе как таковой смерти нету. И человек в Природе без смертен, но образ его жизни, зависимый путь, которым человек пошел, создали смерть в Природе и этот мертвый поток.

Так вот, кроме этого мертвого потока, кроме этой смерти, которая была создана людьми, в Природе появился и враг, он приготовлен природой для человека, как для своего врага, каким человек является, когда совершает какой-то поступок против Природы. И тогда Природа посылает на него этого врага — язвочку или грибок. Ну, а из медицины и из физики, в общем-то, всем известно, что существуют две формы поражения: это опухоль и изъяз, язвочка, то есть бугорок или ямка. И этот бугорок, эта ямка развиваются в какую-то болезнь. Мы все думали, что враг в Природе ограничивается только болезнями. Когда мы слушали Учителя, когда он говорил, что напал враг, мы все так и думали, так и разумели, что на человека напала болезнь и он заболел. А потом как-то пришлось услышать от Учителя такие слова: "Вы думаете, что в Природе враг — это только болезнь? Существует враг не только как болезнь, это враг для всех людей. Если нужно, то Природа найдет на человека этого врага, враг овладеет этим человеком и окружит его своими мертвыми силами и заберет у него жизнь. Когда Бог создал для человека Небо и Землю, то пришел человек-змея и создал Свое Небо, и люди приняли это Небо человека-змея".

Вот это самое высказывание, оно стоит близко к тому, о чем другими словами высказано в христианском учении о сатане. То есть в христианстве существует такое учение, в котором говорится, что в природе существует этот враг, он имеет свое имя, и этот враг нападает на человека, стремясь овладеть его духом и его душой. Чем страшен этот враг? Тем, что он может прийти к человеку в любом облики. Он может "напасть" и как видение, как какое-то учение, как какое-то откровение. И люди, которые обладают ясновидением, это люди в

Природе больные больше, чем все другие люди. Потому что оно их уводит в другое Небо, открывает канал, по которому этот враг легко к ним приходит. И человек в своем "ясновидении" встречается с "ангелами", встречается с "Христом", со "святыми". И в христианстве развито целое учение о том, как можно распознать этого врага, если вдруг перед человеком предстанут святые лики и образы.

Сейчас мы сталкиваемся с тем, что во время сеансов медитаций к человеку приходят откровения. И человек слышит голос Учителя. Этот голос от имени Учителя говорит, что и как нужно делать. Я еще раз повторю, что Учитель говорил, что в Природе существует враг, который специально есть в Природе как враг против человека. И если природе нужно, то она этого врага пошлет человеку.

У нас в Москве очень многие исповедуют, что нам не нужно ничего знать, нам нужно отвернуться от всего, что люди имели раньше, чем люди обладали прежде, что нам никакое учение, никакая религия не нужны, не нужны никакие знания, нам ничего не нужно. А в результате такого подхода, когда идет тупость и ограниченность, остается чистый фанатизм — у нас есть Учитель, и кроме Учителя нам ничего не нужно. Такие люди как раз и попадают в лапы врага. Если есть Учитель, то тогда слушайте, что он говорил, о чем он предупреждал нас. Если для вас есть Учитель, то не выбрасывайте вы от себя те слова, которые он вам же и говорил, которые для нас всех звучали. И об этом надо задумываться. Об этом нужно думать и в этом нужно разбираться. Если вам непонятно сегодня, потрудитесь своей головой, может быть, завтра вам станет понятно. А оскоплять, вырезать из того, что говорил Учитель, и оставлять только то, что "мне" понятно, а остальное выбрасывать, не давая это никому другому, — это просто преступление. Это преступление перед самим Учителем, перед его именем и перед его пятидесятилетним трудом на благо всех нас, людей. А учение о враге, которое входит в само Учение Учителя, оно же существует в Природе. Вот так, как на факте этого примера, в нас работает этот самый враг.

Так вот, Учитель шел в природу, узнавал этого врага и побеждал его. Он шел в природу, встречался со всеми стихиями, которые

существуют, а они практически все порождаются человеком, всеми людьми, их психическим состоянием. Встречаясь со всем этим, он побеждал их. А каждая стихия внутри человека порождена его врагом. Когда Паршек победил все эти стихии, когда этот враг был им побежден, вот тогда только Паршек перед людьми предстал как Победитель Природы. На этом закончилась первая треть его пути.

Дальше его опыт в Природе, его эксперимент стал проходить не только как человека Паршека, но и как человека-победителя природы, то есть победителя всех стихий в Природе, победителя всего того плохого, что существует, того врага, который есть в природе для человека. И вот, если он добился таких результатов, если ему природа открыла саму себя, что называется до донца, то он уже имел конкретный, так сказать, материал, с которым можно продолжать свою работу. И теперь надо не допускать врага до себя вообще, то есть, это как в йоге: очистился полностью, а потом следи за тем, чтобы грязь не вошла в твое тело, чтобы грязь не попала в твою душу. Вот он начал жить так, чтобы врага к себе не допускать. Как проходили все эти эксперименты, вы все уже, наверное, знаете из опубликованной его истории. Он уходил на очень длительное время в степь, без еды, по несколько недель бродил зимой по степи. В каждом ручейке, в каждой речке, которые он там встречал, купался. Домой он возвращался таким снежным шаром, от которого клубами шел пар, заиндевелый, покрытый инеем. А когда подольше погуляешь, этот иней уже льдом становится. Вот в таком панцире ледяном он возвращался домой. И вот так, наедине с природой, он работал над всеми этими стихиями для будущей жизни человечества.

Следующий этап его пути свелся к тому, что он получил вот такой потрясающий результат: оказывается, если человек откроет себя Природе, соединится с Природой, то Природа ему открывает такие силы, пользуясь которыми он может к себе врага не подпускать вообще, не подпускать никак. Если, допустим, идет этот мертвый поток в природе, а человек знает об этом, он уже может его опознавать и знает, что нужно при этом сделать, чтобы враг прошел мимо него, не задев, не коснувшись. И когда Учитель практически весь февраль провел в степи, то он пришел к такому выводу, что человек таким

путем может продолжать свою жизнь бесконечно долго, то есть получить без смерти.

И когда он пришел к такому результату, то его стала мучить уже другая мысль: не то, почему человек заболевает и умирает, а то, что он один такой в Природе, и таких больше нет. Нужно, чтобы любой другой человек мог получить эти силы, чтобы любой другой мог окружить себя ими, и любой другой человек мог продолжать свою жизнь бесконечно долго, то есть сознательно продолжать ее по своему желанию. Уйдя из мертвого потока в живой поток, человек способен продлевать свою жизнь, а значит жить вечно. Но как передать все это людям? Как их научить всему этому? У Учителя на решение этого вопроса ушло несколько лет. За эти годы он прошел и тюрьмы, и психбольницы, и множество других мытарств. Наконец, это было в шестидесятых годах, когда он приехал в Ореховку, придя на свой бугор, он увидел такую картину: наверху бугра лежала змея, ухватив пастью свой хвост, то есть кольцо. Ну, у змей это бывает такое, в какое-то особое время они сворачиваются в кольцо. Вот такую змею он обнаружил в то время, когда был погружен в раздумья над этим вопросом — как передать свой опыт людям? Встав рядом с этой змеей, Учитель начал просить Природу, чтобы она подсказала ему, что ему делать, чтобы донести эти качества до всех людей, чтобы он мог все свое передать людям. И пока он думал над этим вопросом, проигрывал у себя в голове какие-то возможные варианты, он вдруг отвлекся. Потом, взглянув на змею, видит: а змея-то на его глазах растворилась в воздухе и исчезла. И тогда он понял, что ему нужно делать, чтобы те качества, которые он самолично получил от природы, люди могли тоже иметь у себя и пользоваться ими. Ему пришла мысль, он нашел решение этой задачи. Мысль в общем-то проста, потом он об этом скажет очень коротко: "Ко мне пришла моя Идея, ко мне пришло мое Учение и показало себя". С этой самой минуты он стал Учителем народов, то есть он в Природе получил такое право называть себя "Учителем Народов". Там, на бугре, он понял чему и как учить людей. Так закончился второй этап его пути.

Здесь, конечно, сплошные символы. Кто немножко знаком с символикой, тот, наверное, сразу заметил это в моем рассказе. На

бугре, на вершине, он обнаружил змею, замкнутую в кольцо. Змея — это символ мудрости. Кольцо — коло, круг. И когда он пришел к правильному результату, получил от Природы эту мысль, та мудрость, замкнутая в круге зависимости, в котором живет человечество, она ушла, она исчезла. Замкнутый круг, круг зависимой жизни ушел. С этого момента наступает совершенно новая эпоха, эпоха возможности жизни человека быть без смертным. И вот Паршек пошел уже по природе как Учитель Народов.

Этот период длился тоже не один день и не один год. А мысль его работает дальше. Он же человек-экспериментатор, он человек практики, экспериментирует в природе на самом себе. Он так проверяет каждую свою мысль. Когда Учитель понял, что нужно делать, чтобы люди могли получить от него такой дар в Природе, то есть когда Паршек получил право уже от Природы быть Учителем, то именно этот день и был назван днем рождения Учителя. Этот день опять попал на двадцать пятое апреля. Именно этот день в дальнейшем он отмечал как день рождения себя как Учителя. Не день рождения закалки (он никогда этого не говорил) и не день начала своего пути, а день рождения Учителя, он так и говорил: "Двадцать пятое апреля — это день рождения меня как Учителя". И этот день рождения с тех пор мы и отмечаем.

Вот еще одна его обычная мысль обычной логики, которая стала ведущей в его нелегком деле, это: "Каждая вещь в природе имеет свое место, каждое явление, каждая мысль в природе имеет свое место". Если появилась в природе моя Идея, как оздоровиться человеку, как получить без смертие, то для этой Идеи должно быть место на земле. Место не умозрительное, там где-то в облаках, а место должно быть на земле конкретное, физическое в Природе. И он стал искать это место, где бы могла жить его Идея.

И вот тут он рассказывал следующую историю о себе, что, когда он еще был юношей, жил со своей семьей в Ореховке, его отец, умирая, собрал своих сыновей. Семья была бедная, можно сказать, нищая. Младшему сыну он оставил дом, среднему отдал все свои богатства, какие были, разную утварь. На этом все богатства и

кончились. А Паршеку ничего не осталось, и он подходит к отцу с просьбой: "Батя, а мне-то ничего нет?" Тогда отец был поражен, что он забыл об одном из своих сыновей, замешкался, замешкался, потом махнул рукой в сторону и говорит: "А тебе, Паршек, остается только голый Чувилкин бугор". Этот бугор, на нем никто ничего не мог возделывать. Там камень, щебень и буквально несколько сантиметров подернуто дерном. Растут только степные колючки. Поэтому этот бугор никогда никем не был тронут, его так и называли голым, а еще звали бугор — череп Адама. Вот этот череп Адама и достался Паршеку в наследство.

Учитель, как он пишет, пролазил своим телом все Кавказские горы, где он только еще не бывал, где он только не искал на земле место для своей Идеи. И вот однажды, придя опять в Ореховку, взошел на этот бугор, на котором часто бывал. Придя на него, он увидел, что это место как раз и есть то самое место, которое он разыскивал все эти годы. Это же то самое место, где когда-то родилась, собственно, его Идея нового человека в Природе. Здесь природа дала ему силы, сюда он всегда приходил помыслить, пообщаться с природой, и здесь она всегда ему давала подсказки и направляла его верной дорогой. Здесь он всегда получал от Природы поддержку. И тогда он понял — это как раз и есть то природное место на земле, где живет в Природе его Идея.

Ну, хорошо. Он нашел место для своей Идеи. Работая над ней, он развивал ее сначала у себя в голове, потом проверял правильность своих мыслей в природе. И после этого он уже проверял это на людях, на нас, на тех, кто пришел к нему, кто поддерживал его, кто держался с ним рядышком. Находиться в ту пору рядом с Учителем — это дело было не шуточное. Редкий мужчина мог себе позволить приезжать к Учителю на хутор или в Красный Сулин или принимать Учителя в своем доме. За это он мог поплатиться и своей свободой. За то, что он был связан с таким человеком, как Учитель, власти могли покалечить всю его жизнь. Это же были такие времена. Другое дело женщины. К ним отношение было попроще. Поэтому Учителя окружали, в основном, одни женщины. Практически все мужчины имели связь с Учителем через женщин, своих жен, сами боялись. Поэтому Учитель и писал в своих тетрадях, что меня поддерживают женщины.

Следующий вывод, к которому пришел Учитель, — это то, что, чтобы началась новая жизнь, необходимо, чтобы в Природе появился первый человек, независимый от первопричин зависимой жизни людей — пищи, одежды, жилого дома. Для этого нужно, чтобы появились в Природе самка и самец, которые бы сознательно зачали нового человека. И родиться этот человек должен на бугре, на том самом месте, на котором родилась сама идея в природе. Эту Идею так можно и назвать — Идея независимой жизни человека в Природе.

И тут подвернулся такой случай. Одна из его последовательниц (ей тогда было уже за тридцать лет) забеременела. Ни она, ни муж не хотели этого ребенка, а убивать плод нельзя. Она, естественно, приезжает к Учителю, обращается к нему за помощью, чтобы Учитель помог им в этом вопросе. А Учитель и говорит ей: "Что ж ты хочешь? Сама ты этого ребенка убивать не хочешь. А что ж ты предлагаешь, убить его мне? А давай лучше роди его для меня. И мы его родим на бугре". Женщина согласилась на такой эксперимент. Она выносила этого ребенка, в семьдесят пятом году, летом, она приехала к Учителю, чтобы рожать вот этого нового человека в Природе, он должен был родиться независимым. Эту историю вы можете и прочитать, и узнать из его истории, о том, как дальше события развивались. Я же здесь должен остановиться на таком факте, что Учитель никогда ничего не делал тайно от людей. Каждую мысль, которая приходила к нему в голову, он сначала, конечно, осознавал сам, доводил эту мысль до какого-то логического завершения, запускал ее в природу, чтобы она была услышана ею. А потом предлагал ее людям, чтобы люди эту мысль тоже узнали, как-то ее прочувствовали, чтобы могли с ней согласиться. И тогда только он продолжал работать дальше. Если он собирался что-то сделать, то обязательно об этом предупреждал всех, встречающихся с ним в это время людей, и милицию, и власти. Так он предупреждал о каждом своем шаге, чтобы ни одно движение его не было совершено в тайне от людей. Это была его принципиальная позиция: все его поступки должны быть перед людьми явными. Он же перед людьми ставил на самом себе эксперименты в природе, своими практическими поступками утверждал на глазах у всех правоту или ошибочность своих выводов и своих идей. Он вел поиск этой правоты

на конкретных фактах-экспериментах, не зная ничего наперед. И вот тут надо заметить, что люди хитрят, когда говорят, что они, живя с ним рядом, всегда воспринимали его как Бога. Кто жил рядом с ним, тот видел его прежде всего как человека. Ведь Бог для каждого из нас выглядит как что-то непогрешимое и всегда правильное, никогда не ошибающееся и всепобеждающее сразу же, с ходу. Ничего подобного Учитель из себя не представлял, напротив, каждому приходилось слышать о том, что добрую половину его задумок так и не удалось совершить, ему это сделать не дали то Природа, то люди. И мало этого, он еще и жаловался на некоторые совершенные им ошибки. Он больше был похож на наивное дитя, чем на взрослого мужчину. И наш человеческий стереотип "Бога", ну никак к нему не клеился. "Бога" в нем мы могли только почувствовать своим сердцем, душой, но не глазами и разумом, и, как правило, он открывался для каждого из нас постепенно, не вдруг, не сразу и навсегда.

Так вот, вернемся к 75-му году. Учитель предупредил все власти о том, что он едет на Чувилкин бугор, чтобы принимать там роды. К этому моменту, естественно, подкатили две машины. Одна милицейская, а другая санитарная. Отобрали у него роженицу, самого Учителя посадили в милицейскую, отправили в милицию, а роженицу отправили в больницу. В больнице она и родила. Люди не захотели, чтобы среди них родился новый человек. Они не дали, чтобы в Природе родился новый независимый человек, не дали, чтобы произошло новое, небывалое. "И поэтому, — как сказал Учитель, — раз они не дали осуществиться моей идее рождения нового человека, пришлось родиться мне самому". Когда он рассказывал нам об этом, это уже был семьдесят восьмой год, и он говорил: "Теперь мне три с половиной годика". Вот после того рождения Учитель впервые написал кому-то из ученых письмо и под этим письмом подписался: "Бог Земли". Так вот, в 75-м году, в июле месяце, на Чувилкином бугре пришлось родиться Богу Земли, все на том же самом месте.

И теперь он говорил так: "Я Паршек, простой человек, как и все, Победитель Природы, Учитель Народов, Бог Земли. Я окружился Духом Святым". Это было, действительно, такое событие, после которого в Природе он мог называть себя Богом Земли. Само это

явление в Природе — рождение Бога Земли произошло, потому что люди того хотели. Теперь же, хотим ли мы это признавать или не хотим, но факт этот произошёл.

Вскорости он пишет такие стихи. Эти стихи кочуют из тетради в тетрадь, шлифуется их текст. И в них он, как в документе, подписывается: "Победитель Природы, Учитель Народа, Бог Земли". Потом он назвал этот документ "Победа моя". Ну, естественно, что за эту фразу, за то, что сам себя назвал Богом Земли, что ему пришлось вытерпеть? Об этом можно только догадываться.

Вот уже и подходит к концу его пятидесятилетний опыт, пятидесятилетний эксперимент на самом себе. И заканчивается он уже в 83-м году, когда он уходит от нас, оставляя нам все свое, чтобы мы с этим согласились, чтобы мы это подхватили и понесли в Природе — практику его Идеи. Чтобы мы продолжали развивать на самих себе его систему закаливания, его закалку-тренировку. Что значит развивать систему закалки-тренировки? Учитель показал нам своим примером, какого высочайшего совершенства можно достигнуть в своей эволюции, и при этом сказал: "Я сделал еще самое маленькое дело". И призвал нас на свой путь, чтобы быть такими, как Он, Победитель природы, Учитель народа, Бог Земли. Поэтому закалка-тренировка для каждого из нас как на физическом, так и на духовном уровне становится процессом бесконечного развития и совершенствования. Бесконечно совершенствование человека на пути к Богу, и поэтому бесконечно развитие самой закалки-тренировки для каждого вставшего на этот путь. И это развитие Учитель показал на себе. А мы приобщаемся к ней в ее самой начальной стадии.

Я вам вкратце расскажу, как развивал Учитель свою систему закаливания. Дело в том, что его закаливание началось с того, что он выходил раздетым и обливал себя на улице (на природе). Потом он так давал закалку людям: "Ты облей ножки себе выше колен и потерпи без воды и пищи первую субботку после моего приема". Человек обливал себе только ноги утром и вечером, голодал всего одну единственную субботу после его приема. И все.

Система закаливания усложнялась, усовершенствовалась. Потом человек стал обливать свое тело и терпеть без воды и пищи не одну субботу, а три субботы после дня своего приема. Потом Учителю нужно было, чтобы этот процесс совершенствования закалки шел непрерывно на протяжении этих пятидесяти лет.

В семьдесят восьмом году я был принят Учителем. Тогда его система закалки была всего из пяти "пунктов", всего-навсего пять пунктов: обливание, голодание, не пить — не курить, выходить босиком и дать пятьдесят копеек нуждающемуся человеку именно в тот день, когда я был принят, до двенадцати ночи, пока не наступили следующие сутки. Мне нужно было за этот срок найти бедного, нуждающегося и отдать ему пятьдесят копеек. Вот, собственно, и все. На этом пункты закалки заканчивались. Все остальное нам надо было усваивать из общения с Учителем, наблюдая за ним, беря с него пример и слушая его. Он говорил: "Смотри на меня, я живой факт своей Идеи, я живой факт своей закалки-тренировки, будьте рядом со мной, будьте таким, как я". Вся его наука, все его Учение передавались людям устно и наглядным примером.

Поэтому когда в восемьдесят втором году Учитель пишет письмо Брежневу в ответ на публикацию в "Огоньке" статьи о нем, то он должен был в этом письме сформулировать на бумаге, изложить все, что он нам излагал устно. Нигде это не было записано: обливайся, терпи сознательно субботу, выходи на землю босиком, здоровайся со всеми. Все это было устно. А тут надо было написать письмо, в котором требовалось изложить суть системы закалки-тренировки человека в природе. Он изложил свою систему, и мы все теперь имеем ее как "Детку", которая состоит из двенадцати его советов. И когда он начал рассылать эту "Детку" людям, он говорил: "Я вам оставляю свое наследство, три документа, три живых атома: Гимн "Слава Жизни", "Детку" и "Победа моя". Читайте и выполняйте".

На всех конференциях мне приходилось слышать очень подробную раскладку "Детки". Сколько нужно на себя вылить ведер воды, как нужно голодать, как нужно выходить из голодания. Все досконально, что и как делать. Написаны целые книги, как нужно

выполнять "Детку". Но я нигде, никогда не слышал про его произведение "Победа моя". Да, читают его иногда, но читают только как стихотворение, даже без намека о том, что в нем сокрыта вся суть его Учения, весь его смысл. А Учитель оставил это стихотворение как документ, который надо читать, который надо изучать и выполнять. И связал он "Детку" и "Победу мою" с Гимном. Постоянное обращение к этим документам приводит к малым и большим откровениям. Читайте эти документы, чаще к ним обращайтесь. Особенно к Гимну. По сути, по содержанию вы будете получать и поддержку.

Вот так, постепенно совершенствовалась Учителем его Система закалки-тренировки человека в Природе. Создав ее как совершенный путь, и учение о новом-небывалом человеке в Природе, Учитель ушел от нас. Казалось бы, как можно развивать то, что уже создано как идеальное совершенство? Создано самим Богом. Нет ли в этом противоречия? Ответ на этот вопрос несет в себе сама закалка-тренировка, о которой Учитель сказал так: "Моя закалка-тренировка, она ж живая, вечно не умирающая в Природе. В ней есть воздух, в ней есть вода, в ней есть и земля, вечно меняющаяся атмосфера. Закалка не стоит на месте в Природе, она движется и вечно развивается, как сама Природа". "Моя закалка эволюционного характера". И это качество вечного движения и совершенствования Природы было заложено Учителем в его Систему. Это надо только суметь увидеть. Поэтому наша задача — использовать этот принцип в своей практике, чтобы "не отставать" от Природы, не останавливаться на полпути, а двигаться вместе с ней.

Вопрос: Как Учитель пришел к необходимости терпеть, обходиться без пищи и воды, чтобы быть здоровым?

Захаров: Как Учитель пришел? Да, он пришел, с одной стороны, просто, а с другой стороны, не очень просто. Вот часто слышим, что Природа дала ему дар божий. И все под этим даром подразумеваем, что он от рождения будто был наделен каким-то особым духом, и вот однажды к нему пришло озарение. И все тут пошло — поехало. Ничего подобного! Учитель был наделен даром любознательности, самым обыкновенным человеческим даром любознательности. И в

силу своей любознательности, Учитель занимался поисками, почему человек так живет. Не имея такого дара, Учитель бы не пошел в Природу, он не стал бы так экспериментировать над собой, он бы ничего не получил. Он читал и Маркса, и Ленина, и Фейербаха, полностью проштудировал учебник анатомии. Учебник, где сплошная медицинская терминология, где половина слов латынь, он прекрасно его изучил, имея образование церковноприходской школы. Он трудился с самой юности, и вот это трудолюбие его как раз и привело к тому, что он смог пройти этим путем. А как он пришел к необходимости терпеть? Да, вот если бы он не был любознателен, то он бы не знал ничего. А коль он таков, то он изучал и все народные средства, и все народные методы оздоровления, поэтому он ушел в Природу, поэтому он в Природе искал и все то, что существует среди людей. А среди людей метод воздержания от пищи как методика оздоровительная существовала всегда. Она используется везде и всюду. Поэтому он, естественно, на нее наткнулся, естественно, он это дело рассмотрел, на себе испытал и практически получил результат, что это, действительно, то самое, от чего в Природе человек оздоравливается. Поэтому этот метод попал в "Детку". Не зря он говорил, что в моей системе собран весь опыт человечества, что в "Детке" нет ничего, чего бы не было в природе, что все, что там записано, было всегда в природе и шло рядом с человеком во всей его истории, и люди всегда пользовались этим. Но он собрал весь человеческий опыт в плане оздоровления, испытал его, отобрал самое эффективное и на этом опыте создал свою Систему закалки-тренировки человека в природе.

Иногда Учитель, выступая перед людьми, окружал себя ими и говорил им о своей Идее. Так вот, он очень часто произносил нам такую фразу: "Я живой факт, смотри на меня. Мое тело — это моя Идея". Меня, честно говоря, это всегда обескураживало: "Я живой факт... Мое тело — это моя Идея..." Ну, как-то мне это было непонятно. Неужели ж нам надо посвятить себя своему телу ради того, чтобы это тело могло в Природе быть без ничего и так вот могло свободно оставаться открытым? А действительно, наше сегодняшнее тело, на что оно вообще может быть способно? Я нашел очень интересные данные научных исследований: оказывается, вода, из

которой состоит тело, замерзает на полградуса выше абсолютного нуля, и, значит, космический холод нашему организму абсолютно не вреден. И тело, оказывается, может свободно находиться в открытом космосе, не поражаясь никакой радиацией. Наше тело может свободно существовать даже в таких условиях как открытый космос, не говоря уже обо всем остальном. Это, так сказать, физическая сторона того, что наше тело имеет колоссальные резервы, о которых никто из нас и помыслить-то не может.

Но другое. Почему его тело — это его Идея? Неужели ж вся его Идея состоит в том, чтобы добиться от тела потрясающих возможностей? А ларчик, в общем-то, довольно прост. Это та Идея, о которой я уже говорил. Его Идея выстроена на системе оздоровления всего человека в целом. Пока тело у нас не оздоравливается, у нас не может оздоровиться ни душа, ни наш дух. В этом-то весь секрет, что в здоровом теле — здоровый дух. И когда мы уже с этой точки зрения смотрим на Учителя, мы видим, насколько от этого тела пышет здоровьем, насколько он здоров как человек. Он здоров психически, он здоров нравственно. Рядом с ним любому человеку находиться — одно удовольствие. Поэтому мы едем на хутор, терпя тяжелейшую и долгую дорогу, чтобы побыть с ним несколько минут, ничего не говоря.

Очень часто на хуторе возникал такой разговор: а на кого похож Учитель, кто он есть, Учитель? И вот начинался спор. Одни в нем видели Христа, другие в нем видели Саваофа, третьи в нем видели Бога-Отца. Кого угодно. И все это оказывается правда. Когда человек смотрит на Учителя, на это здоровое тело в Природе, он видит, действительно, тот дух, которым окружено это тело. Так вот, окружить себя Святым духом может только открытое природе тело. Наше тело, пока оно кутается в одежду, пока оно не выходит на природу, пока оно не может терпеть всего того, что терпит тело Учителя, оно не может окружить себя этим духом. Пока на 99 % мы идем на собственной гордыне, чего уж там греха таить. Почти все наши достижения — это достижения нашей гордости, но не того божьего Духа. Мы еще этого не сумели заслужить. И вот, когда смотришь на его тело как на живой факт его Идеи, то начинаешь понимать, что это не просто здоровяк, каких рисуют на плакатах. Это живой человек, который окружен

Святым Духом. Тогда видно воочию, что это и есть живой факт его Идеи.

Вопрос: Не могли бы Вы рассказать о сути его Идеи?

Захаров: Его Идея, я уже вам говорил, состоит в том, что человек должен открывать себя Природе, чтобы в Природе человек находился чистым телом. Когда человек откроет себя Природе, то он как раз и получает возможность окружить себя Духом. Без этого ничего ни у кого не получится. Покуда мы ведем тепличный образ жизни, да, мы будем потенциально здоровыми, здоровыми с точки зрения медицины. Но не более. Большее здоровье не получим, пока не станем открывать свое тело Природе хотя бы на пять минут, хотя бы на десять по душевному порыву. Взять и поехать за город или просто пойти на улицу прогуляться босиком. Надо пробовать, именно пробовать, и стремиться регулярно практиковать. Вот на этом-то и построена вся его закалка. Он и говорил, что нужно хотя бы попробовать. И сам он тоже как практик говорил: "Не будешь пробовать — не будешь ничего и получать. Никакого дела не сделаешь. Попробовал — уже совершил дело. А раз совершил дело, то и получаешь результат". Нужно не бояться трудностей. Вот задавался такой вопрос по поводу того, что Учитель окружил себя Святым Духом, то есть Учитель добился того, что стал Богом. Ну, казалось бы, он уже добился, он уже достиг, что же еще ему нужно? И зачем он с нами такими возится? Чего же он от нас хочет? Чего же ему еще не хватает?

Когда общаешься с Учителем, то начинаешь понимать очень простую вещь, что Бог существовать без людей не может, как и любой человек без Бога. Вся наша антирелигиозная установка, она по своей сути ничего не стоит. Один выдающийся основатель атеизма это очень хорошо подметил. Он сказал, что атеизм существует только потому, что предполагается существование бога. Атеизм же стремится доказать, что бога не существует. Отними бога — и атеизму будет не на чем существовать, у него не будет почвы. Нельзя бороться с тем, чего нет.

Был такой случай. Это как раз в тот первый день, когда я пришел к Учителю после своего приема. Там произошла очень интересная сцена. В трехкомнатной квартире маленькая комната была изолированной. С одной стороны этой комнаты — кухня, с другой — большая комната. Когда я пришел в эту квартиру, то мне казалось, что в ней всего только пять пожилых женщин. Была тишина и простота какая-то, а Учитель, очень нервничая, ходил вокруг этой маленькой комнаты. Я никак не мог понять, почему он в таком состоянии, в чем же дело? Так уж вышло, что он, подойдя ко мне очередной раз, сказал: "...Тебе, наверное, скучно со старичками, давай я тебя отведу к молодежи, познакомься с ними, там будет тебе интересней". И он заводит меня в эту маленькую комнату. Оказалось, что в этой маленькой комнате собралось около сорока человек молодежи. Они сидели и обсуждали злободневные темы. Кое-как я нашел себе местечко, где притулиться. Слушаю, о чем же здесь идет речь. А речь шла о наших православных святых, рассказывалось чуть ли не обо всех святых. Обо всем. О том, как святые совершают чудеса, рассказывалось чуть ли не обо всех религиозных деятелях, всех их деяниях. За долгое время этого разговора я ни разу не слышал ни одного слова про Учителя. Меня даже как-то кольнула в голову такая мысль: "Почему же здесь никто не говорит про Учителя? Зачем мне все это? Зачем я трачу драгоценное время в доме Учителя на выслушивание этих историй, где нет и речи о самом Учителе, а он-то здесь, за дверью. Но уйти сразу не решаюсь, может быть, они все-таки о нем заговорят? А речь пошла дальше о том, что есть у нас на Руси самый святой человек, который совершает самые высокие благодеяния от Бога. Этот человек еще жив и здоров, и он... это — Пелагея. Она знает Учителя, она его принимала как гостя в своем доме. И идет рассказ о Пелагее, обо всех ее подвигах перед церковью, обо всех ее деяниях. И конца такому разговору не было. Слушал я слушал, наконец, осознал, что я слушаю непонятно что в то время, когда за дверью остается живой Учитель, живой Бог! Он там о чем-то волнуется, за что-то переживает, а мы здесь говорим все о некой Пелагее, которая, оказывается, — самый святой человек на Руси в настоящее время. Не Учитель, который вернул к жизни тысячи людей, а Пелагея, потому что она спасла икону Божией Матери. Вот так, спасение иконы — более святое дело, чем спасение жизней тысяч

страдающих людей. Я вышел из комнаты. Учитель меня тут же встречает и спрашивает:

— Ну как?

— Все хорошо, Учитель, — ответил я, не желая его огорчать.

— О чем они там говорят?

— Про святых и про Пелагею.

Он с досадой махнул рукой:

— Опять Пелагея! Все Пелагея да Пелагея! А что она? Не заслуженный в Природе человек, умрет на веки веков. А про меня говорят?

— Нет.

Раздосадованный, резко двигаясь, Учитель зашагал в одну комнату, потом в другую, потом на кухню. Я не понимал, что происходит и чем я могу ему помочь, поэтому, чтобы не путаться, тихо ушел на кухню. Побыв там какое-то время, возвращаясь, прохожу по коридору и застаю такую картину, она меня так поразила, что я остолбенел: Учитель стоит у двери в маленькую комнату и как бы подслушивает, что там говорится за дверью, а у самого кулаки сжимаются. Я шел очень тихо, мне показалось, что он меня не заметил, не видит. Тут он поднимает кулак над этой дверью, а кулак у него здоровенный! Стукнул бы — дверь в щепки! И, опуская этот кулак, тихо так говорит: "Ка-а-ак бы дал...Но не могу, не имею такого права. Понимаешь, я должен терпеливо ждать и крепко надеяться, когда люди сами поймут и осознают все то, что они в природе делают. Вот ты думаешь "Бог", он раз — и все сделал? Нет. Бог тоже имеет зависимость от людей, от их сознания. В природе самое главное — люди. Бог удумал, а люди должны осознать, согласиться и сделать по богову. Вот тогда в Природе будет живой факт". Для меня это было таким потрясением. Оно полностью разрушило все мои стереотипы

представлений как о Боге, так и о его месте в Природе и для людей. В Природе ничего не создано только Богом без самих людей. В Природе все создано человеком и Богом. Поэтому, когда мы говорим о закалке-тренировке, о "Детке" и игнорируем то, как эта закалка появилась, путь, пройденный Учителем, и говорим при этом, что мы с Учителем, нет, мы маловеры. Мы не понимаем простой вещи: чтобы быть с Учителем, нужно соединиться с ним не мысленно, а конкретно, физически соединиться с ним в его пути. Пробовать на себе, пробовать открывать себя Природе. Тогда мы, действительно, с ним. Мы с Природой.

Вопрос: Расскажите, как вы встретились с Учителем?

Захаров: Я встретился с Учителем, когда мне было уже двадцать семь. Это был семьдесят восьмой год. Мне повезло. В то время я имел такую работу, что мог себе позволить несколько раз в году ездить на хутор, ездить на неделю, на две. Поэтому я очень много времени бывал с Учителем. На встречу меня, собственно, толкнула хитрость моего товарища. Сам я как-то не очень жаждал встретиться с Учителем. Так, любопытно. Ну, конечно, мужик интересный. Здорово у него все так. Но у меня к нему не проявлялось особого интереса. Вот тогда-то мой товарищ, который мне и рассказывал об Учителе, и решил пойти на хитрость. Он меня заманил на вокзал, чтобы там нам встретиться в тот самый момент, когда прибывал поезд. Таким образом, я оказался на Казанском вокзале, где и встретился с Учителем. А когда я увидел Учителя, то для меня уже все вопросы, в общем-то, отпали. Я понял, что просто жить, не общаясь с этим человеком, невозможно. Сама по себе жизнь на Земле не может быть без этого общения. Утром следующего дня меня Учитель принял. Вот так я попал к Учителю.

Вопрос: Расскажите о своем первом впечатлении от встречи.

Захаров: Мое первое впечатление. Тогда я занимался грешным делом. Говорят, я обладал какой-то сенсорикой, занимался лечением людей. И когда мне об Учителе рассказывали, что Учитель лечит, и перечисляли те болезни, которые он лечит, исцеляет, то я отвечал так: "Подумаешь! Я еще молодой, только начинаю, а к его-то годам, к

шестидесяти, и я тоже так смогу". Потому-то у меня и не было такого энтузиазма встречаться с ним. Он всегда был облеплен старухами, которые не дают нормально общаться с ним. Любопытство было. И вот, когда я его увидел, когда он вышел из вагона, я увидел над толпой Его. Толпа была очень большая, много встречающих. И я увидел над толпой серебристую голову, от которой шел свет. Она вся сияла, белоснежные волосы и борода светились. И когда получилось так, что, проходя по перрону, он вышел из этой толпы, обогнав ее, то он проходил мимо меня один. И я увидел его в полный рост, никто не загораживал его передо мной. Вид этого перевернул все во мне. Ведь я видел, что, по мере того как он вышел из вагона и двигался по платформе, от него исходил свет, солнечный свет, золотистый свет. И этот свет заполнил весь вокзал и всю Землю. И вот передо мной было два солнца. Одно солнце сияло на чистом синем небе, а второе солнце сияло внутри людской толпы. И когда я это увидел!.. Сами понимаете какое было мое состояние. Понимаете, экстрасенсорные данные у меня были, как мне говорили, прекрасные, возможности были велики, нужно было только заниматься, так как не было никаких знаний. И когда судьба меня свела с Учителем, когда начал проникаться его делом, его идеями, как и что, то я понял, что в Природе лечить людей может только один-единственный человек, человек, который Бог. Потому что, допустим, я совершил в Природе какой-то нехороший поступок, Природа меня наказывает, посылает на меня болезнь. Возникает такой диалог между мною и Природой: я получил наказание, я ищу выхода из этого состояния. Идет такой диалог, в котором я хочу избавиться от своего заболевания. Пока я не пойму, за что Природа меня наградила этой болезнью, пока я не выпрошу прощения у Бога и Природы, она от меня не отвяжется. Лекарство людей не спасает, оно загоняет болезнь вглубь тела. Только мое сознание может меня исцелить. И третий здесь может быть только Бог, как мой помощник в осознании и покаянии. Но появляется вместо него третьим другой человек, другое лицо в диалоге, не Бог, а какой-нибудь экстрасенс. Он подправляет мою энергетику на полевом уровне, медицина снимает боль на физическом уровне своими лекарствами, уколами. И оба они снимают с меня не причину, а подправляют следствие. Тем самым я перестаю ощущать боль и поэтому ухожу от диалога с Природой. Боли у меня нет, я, счастливый и довольный,

продолжаю своими поступками плевать Природе в глаза. И Бог мне не особенно нужен. Что за этим следует? Можете догадаться.

Так вот, когда я наблюдал все это, то благодаря Учителю, понял, что сенсорные способности — это наказание Природы. Человек наказан Природой способностью видеть, слышать и ощущать больше, чем положено всем людям. И вот на этом он и ловится, на этом он вырашивает неимоверную гордыню прежде всего, и себя считает приравненным к богу не только по образу и подобию, но и по полноте. Можете представить себе, куда этот человек лезет? Неужели ж вы думаете, что Природа открывает человеку через сенсорику все свои тайны? Нет, наоборот, она вовлекает его в неправду. Тогда я понял, что такие данные, такой "дар" — это есть моя болезнь, которая разовьет только психическое заболевание и ничего большего. Так вот, я перед Учителем где-то больше года буквально ползал на коленях, как только замечу, что мое восприятие реальности переходит границу нормы обычного человека. Эти способности даны были мне, наверное, от рождения и были для меня естественны. Чтобы увидеть "иное", мне не требовалось усилия и особый настрой. Сколько же мне нужно было вложить труда и усилий, чтобы избавиться от недуга сверхспособностей. Сколько же мне пришлось, стоя на коленях, вымаливать и просить: "Избави меня, Учитель! Освободи меня, Природа, от этого наказания!" Более года длилась моя молитва, после чего я благополучно избавился от этой болезни. Теперь я вижу мир и людей естественно. Мне трудно это объяснить, остается только просить вас поверить мне на слово, что экстрасенсорные способности — это аномалия такая же, как и раковое образование в тканях, это рак духа человека. Я вам уже сказал, что медицина болезнь загоняет в глубь, так как не в состоянии обнажить ее причины. Точно так же поступают и экстрасенсы.

Вопрос: Расскажите, зачем вы ездили к Учителю.

Захаров: Причина моих поездок была... Я вам уже рассказывал тот случай, когда Учитель ходил вокруг комнаты с молодежью. Вот в этой комнате, когда я слушал все что угодно, но только ничего о нем, тогда мне стало очень обидно, очень жалко времени, которое я могу

использовать, чтобы непосредственно общаться с самим Учителем. Поэтому я ловил, буквально каждую возможность, чтобы пообщаться с ним. Для этого я бросал работу, если вдруг чувствовал необходимость своего приезда к нему. Мне было до работы...начхать, пусть горит! Я мчался к Учителю. Тем более, если у меня что-нибудь возникало, то я не смотрел ни на что, брал билет, занимал деньги и ехал. А когда возвращался, никто и не замечал моей отлучки, мне говорили: "Иди в бухгалтерию, возьми табель, поставь себе дни". И я сам себе ставил восьмерки.

Вопрос: А вы не могли бы рассказать, что конкретно вы почерпнули из общения с Учителем?

Захаров: Ну, конкретнее это нельзя сказать. Что я черпал при общении с Учителем. Что вы черпаете, когда вы вылили на себя ведро воды? Это, примерно, тот же уровень. Что вы при этом получили, что почерпнули? Или рано утром просыпаетесь и наблюдаете, как встает солнце? Что вы при этом черпаете? Что вы постигаете? Вы наблюдаете и постигаете суть самой жизни.

Вопрос: Расскажите, как Учитель общался с людьми?

Захаров: Вот вчера в разговоре я как раз вспоминал, как Учитель общался с людьми. Ни один человек, находясь с Учителем, не считал себя незамеченным. Каждый человек был им замечен и каждый человек считал, что Учитель любит его. Потому что каждый человек испытывал на себе его любовь, его внимание. Причем, внимание такое, какое человек никогда и нигде не встречал в своей жизни. Ну, а то, как Учитель говорил с человеком! Были такие случаи, когда человек приезжал к нему (да, я сам так же, если что-нибудь натворил, чувствую, что очень плохо будет, я бегом до него) — дескать, спаси и помилуй! Учитель тогда прямо в глаза все говорил, без всяких "подъездов", без всяких "ты понимаешь...". Он прямо называл вещи своими именами, называл то, что человек совершил, преступление, которое им было сделано. Но вот такая маленькая деталь при всем при этом. Если я сейчас начну кому-то говорить, как говорят правду-матку в глаза, то что произойдет? Этот человек обидится на меня, в лучшем

случае. Но когда это же самое говорил Учитель, то человек получал от него благодать. Очень резко, очень прямо, иногда даже грубым словом, потому что очень резко и конкретно, а человек в этот момент получал благодать.

Вопрос: В книге "История Паршека" я читала, что эта женщина, которую исцелил Учитель, пролежала семнадцать лет, а вы назвали только десять? И потом все, кого мы слушали до вас, говорили об озарении Учителя.

Захаров: В общем-то почти везде называется число семнадцать. Я не оговорился. Просто где-то в тетрадах я встретил число десять. И чтобы не называть максимум, я назвал минимум. Может быть, это описка. Чтобы не было никаких споров, я назвал по минимуму, а не по максимуму.

По поводу "озарения". Где, в чем здесь может быть крамола? Я попробую вам объяснить, в чем она состоит. Вы, наверное, слышали о Наумове Эдуарде Константиновиче? Это человек, который занимается вопросами парапсихологии, и он проводит лекции на эту тему. И Эдуард Константинович хорошо знал Учителя, не раз приезжал к нему. У нас даже сохранилось несколько магнитофонных записей беседы Эдуарда Константиновича с Учителем. Еще он снимал фильм об Учителе. Вы сегодня в фильме видели несколько кадров, которые снимал Наумов. И я уже рассказывал вам тот случай, когда он пустил в ход это слово "озарение". Дело в том, что Эдуард Константинович, занимаясь парапсихологией как наукой, все, что говорил Учитель, он все толковал под себя. Почему? Потому, что ему была нужна быстрая, броская, яркая сенсация. Он на этой сенсации делал свое дело. Ему нужны были такие эффекты, как говорится, против которых уже "не попрешь". Ему нужно было утверждать саму науку парапсихологию. И поэтому, когда он, разговаривая с Учителем, спрашивал, как начинался путь Учителя, то подход со стороны Эдуарда Константиновича строился на принципе, не вдаваясь в суть, извлекать броские, яркие эффекты. Это, как видите, сыграло свою роль. Учитель рассказывал про себя и говорил то, что я вам рассказал. А Эдуард Константинович зацепился только за то, что Учителю пришла мысль и он стал,

сообразно этой мысли, опробовать то, что ему давалось в Природе. Под слова Учителя, что "к нему пришла такая мысль", он подложил "озарение", так как без этой трактовки нарушается стройность его парапсихологической концепции. Об этом, по отношению к Эдуарду Константиновичу, можно сказать, что никакой крамолы, в общем-то нет. Человек озабочен чем-то своим, личным. И использует Учителя в своих целях. И, бог с ним, пусть использует. Такой подход Наумова ничего плохого в себе не несет. Как человек считает, так пусть он и делает. Но я рассказал о том, как было. Мне-то важно, чтобы вы знали не мое мнение, а то, как это было на самом деле, и беда здесь в другом. В том, что другие люди, особенно те, кто пришел уже после ухода Учителя, они зацепились именно за эту фразу Наумова, а не за слова самого Учителя. Ухватились за то, что Учителя "озарило", но не за то, что Учитель опытным путем, путем проб и ошибок, искал в природе возможности оздоровления человека силами самой Природы. История Учителя — это история его титанического труда, а не какого-то чуда. Но у человека срабатывает уже на подсознательном уровне его страх перед независимой жизнью в Природе. Вот и зацепились за то, что оставляет людей в мертвой спячке, за озарение, а не за пробуждение. И на этом стали строить уже свое. На этом "озарении" стали строить свою биографию Учителя, а в этом случае это уже принципиальная вещь. Сам Учитель всегда отрицал версию своего озарения. Он был человеком мыслящим и работал над каждой своей мыслью. У него был труд, очень тяжелый и рискованный. Не зря же он говорил, что "если бы мои выводы были неправдой, то я бы уже тысячу раз умер". Его путь-дороженька шла "на выживание", на выживание всего человечества в создавшихся условиях. Все то, что к нему приходило, это приходило как результат его поступков, как результат его труда. И больше никак.

Вопрос: Еще один насущный вопрос, который очень актуален сейчас, который воспринимается, понимается многопланово — это вопрос покаяния. Что вы можете сказать по этому вопросу?

Захаров: Понимаете, когда произносишь это слово "покаяние", то у всех людей само это слово вызывает какой-то протест. Дескать, нам не нужно этой церковщины, все это — у них там. А у нас здесь есть

закалка и поэтому при чем здесь какое-то покаяние? У нас есть Учитель, который нам все дает, нам надо выйти на природу и просить его. Как одна женщина, которая пропагандирует Идею Учителя, высказала как-то: "Как это я буду каяться? В чем это я буду каяться? Я буду просить Учителя. Не даст мне сразу, я буду просить его сто раз, но я выпрошу". Вот так она пропагандирует Идею Учителя. А на самом деле, что же такое "покаяние"? А покаяние, если перевести его на наш бытовой язык, это умение просить прощения. Вот это и есть покаяние. А в природе есть такой закон: если человек осознал свой поступок, за которым, как следствие поступка, пришла к нему болезнь, и он заболел, так вот, если человек осознал этот поступок и покался, попросил прощения у Бога и Природы за содеянное, то, как результат, болезнь физически исчезает. Этим методом прекрасно пользуется наше христианство, этим методом прекрасно пользуется буддизм, весь Восток, этим методом испокон веков пользуется все человечество, кроме тех, кто решил пойти за Учителем Ивановым Порфирием Корнеевичем. А ведь, если смотреть правде в глаза, то Учитель, прежде всего, учил нас пользоваться именно этим способом, через это побеждать в себе врага и самому себя излечивать. То есть сознательно опознать в природе на себе, опознать тот поступок, который ты совершил, признаться в этом поступке самому себе и попросить за него прощения, то есть покаяться. И тогда этот враг будет в природе побежден, болезнь мгновенно уходит из тела. На моей практике это совершалось много раз.

Я вам могу рассказать одну из моих историй. Однажды у меня возникло рожистое воспаление на ноге, похожее на то, как это было у Учителя. Пятно разошлось на пол-икры. Откуда пришла эта болезнь, я догадывался, но боялся в этом признаться: а вдруг я ошибаюсь. Мне казалось, что эту болезнь напустил на меня мой же друг, когда со злобой ответил мне на мое замечание. Всю свою злобу и ярость, которая в нем появилась, он выпустил на меня и послал мне тем самым сильный удар — эту болезнь. Замечу, что рожистое воспаление в народе считается сглазом, поэтому оно очень и очень трудно излечивается медицинскими средствами. Я пробовал все: и обливание, и землей лечился, что я только ни делал, дошел до народных средств. А воспаление все увеличивалось, оно росло. И тогда я решился на

крайность: будь что будет, чувствую, что нужно, чтобы в природе причина болезни прозвучала, то есть нужно кому-то сказать о ней вслух, что было то-то и то-то, чтобы Природа это услышала. И я своему товарищу это поведал. Это было утром, когда мы шли купаться. Я говорю: "Вот ты видишь эту ногу, смотри, что сейчас произойдет. Я тебе называю причину этой болезни, и если я ее называю верно, то болезнь должна у меня пройти сразу же". И я рассказываю ему тот случай, когда была послана на меня эта болезнь. Мы искупались, как мы обычно купаемся, я нырнул, чуть проплыл и тут же на берег. Выходим мы из воды, а у меня от огромного пятна с гноящимися потеками остался один небольшой след, то есть за какие-то полторы — две минуты практически прошло очень сильное, гноящееся, рожистое воспаление. Боль была неимоверная, я еле-еле ходил. И вот такое большое сочившееся пятно и опухоль ноги исчезли, остался маленький розоватый след. Назвав причину, тот поступок своего друга, его посыл в мой адрес, я просил прощения за причиненную ему обиду, за то, что, зная его непомерную гордыню и "больное" самолюбие, я прилюдно оценил его сочинение как плохую поделку, то есть спровоцировал его такую реакцию ярости. При этом сложно было не это, а другое — выпросить прощения за него, чтобы отвести от него ответный удар Природы.

Вот вам то, как Учитель учил нас исцеляться. Могу привести еще такие же примеры из опыта других людей. Вот пример уже из практики Валентины Леонтьевны. Когда она, в силу своего крутого характера, допускала грубость по отношению к какому-либо человеку, очень сильно обижала его, Учитель ей просто приказывал: "Иди и проси прощения. Зайди в каждый дом на хуторе, вставай на колени и проси прощения у всех тех, кто в доме". Ну, естественно: "Как же так? Куда я пойду, да что я перед ними?" Он тогда ей: "Иди!" И, буквально, выгонял за дверь. Она выполняла это. Шла в каждый дом с поклоном, просила у всех прощения. В каждом доме хутора. И когда возвращалась, тогда только снимался с нее этот груз того поступка, который она совершила, обидев человека. Это было не один раз в силу ее такого горячего характера. Бывало, что она и не сдержится, и на кого-нибудь нападет. Вот так с нами такими всегда поступал Учитель. И поэтому говорить, что нам не нужна такая "церковщина", после

такого опыта, я не знаю, что сказать, просто нет слов. Что можно с гордецами говорить еще дальше? Поймите, что покаяние — это не церковщина, это — закон Природы, закон Жизни человека в Природе. Пока ты не попросишь прощения за содеянное, ты не получишь никакого прощения. Никакая болезнь никуда не исчезнет, она будет в тебе сидеть и вновь ждать возможности вылезти.

Вопрос: Золотарев говорил, что во время температуры, болезни надо чаще обливаться, а вы говорите, что во время болезни не надо обливаться?

Захаров: Здесь произошло недоразумение. Эта записка, видимо, пришла после того, как я рассказал, что если я встал утром слабеньким, то зачем мне лезть в прорубь, когда я могу облиться в ванной. Понимаете, я говорил о совершенно другом. О том, что я не больной, а просто у меня ослабленное состояние, поэтому зачем мне принимать колоссальнейший поток сил, которые я получу в проруби? Вы же сами понимаете, какая разница между ванной и прорубью. Я просто не выдержу. Зачем рисковать, когда обливание можно сделать в ванной. В "Детке" так и написано: "Купайся в чем можешь..., чтобы тебе было хорошо". Зачем же делать, чтобы было плохо? Я об этом говорил. Ну, а тот случай, когда человек заболел, когда у него температура, то, действительно, нужно обливаться чаще. И если крепко скрутило, чем выше температура, если это что-то типа гриппа или простуды, то нужно обливаться через каждые два часа. Но и тогда, когда человека скрутило, еще вопрос, какая это болезнь? Хотя Учитель и говорил: "Я фамилию у болезни не спрашиваю". Но надо как-то быть с головой, а не без головы. И немножечко за этим следить и контролировать. Если вы раз облились, два облились, три облились — и у вас идет какое-то ухудшение или вы чувствуете, что что-то не так, не то, соображайте — что не то? Ведь каждая болезнь, каждый такой удар дается не просто так. Это было бы все очень просто, если бы каждая болезнь могла уйти от нас только через обливание. Вот один из рецептов, как победить болезнь, я вам уже сегодня рассказал. Нужно подумать, что же я совершил, какой поступок, в результате которого меня природа так скрутила? И я делал такие опыты, хотя знаю, что сам Учитель говорил при мне: "Если ты заболел, если у тебя температура

— обливайся водой. Обливайся раз, другой, третий, пока не выбьешь этим обливанием болезнь вон из себя. Болезнь надо напугать", — вот его слова. И это я прекрасно все знаю, но знаю и то, чему он меня научил, что от болезни нужно избавляться своим сознанием, то есть осознать свой поступок, и тогда болезнь уходит автоматически. Природа сама ее убирает. А обливанием — ну, я ее выгоню, а где гарантия, что она вновь не вернется? А если вот такой случай — обливаюсь, а не выходит? Я имею такую небольшую практику, слава богу, что она очень небольшая, несколько раз так было. Заболел. Начинаю ломать голову, обращаюсь к Учителю, прошу его: "Учитель! Подскажи, направь мою мысль по верному пути, чтобы я обнаружил причину моей болезни, вот этот свой поступок". И я его действительно обнаруживаю. Мне приходит мысль. Во-первых, сразу у меня немножко притупляются боли. И вот в этом "притуплении" возникает возможность немножко думать. Потому что, когда боль, тогда вообще никакая мысль в голове не задерживается. Все — на вылет. А тут я могу хоть немного думать, как-то понимать. Вот в таком болевом затишье бывает и так, что вечером засыпаю, а утром просыпаюсь именно с той мыслью, которую я ждал, которую искал. И когда я эту мысль осознал, что это действительно тот самый поступок, и думаю при этом, что неужели такой поступок, вроде бы мелкий такой, ничемный, может вызвать такую болезнь? И вот на такое "осознание" идет четкий ответ. Как только так подумал, так мне как даст по башке — криком кричу, вся болезнь возвращается. А если я только подумаю, что хорошо, вот такой вроде бы незаметный поступок, а что же за ним стоит? Что же в природе я нарушил? Это же нужно что-то так хорошо разрушить, чтобы меня так скрутило? Что же я нарушил? Вот за этим пустяком, казалось бы, что дальше стоит? И начинаю раскручивать. Начинаю сам как-то разбираться. Понимаете, здесь уже идет по принципу: чтобы простить — нужно понять. А что значит понять? Это надо встать на точку зрения того обиженного мной человека, как бы с его колокольни оценить событие. Тогда ты поймешь, почему он так поступил, почему я на него так среагировал. Вот, когда идешь этим путем, то начинаешь понимать, что же в природе, вокруг произошло в результате моего этого малюсенького поступка. И тогда вдруг видишь, сколько же ты сумел этим малюсеньким действием причинить зла и натворить бед в самой природе. Насколько же больно ты сделал

человеку, что от моего удара резонансом пошло на него, и на его детей, и на жену. Понимаете? Вот такая складывается цепочка. Один малюсенький шаг выбил человека из седла, и в этом состоянии, придя домой, он выливает это все на своих родных. То есть идет все шире и больше. И когда я все это осознаю, все это понимаю, весь этот кошмар, тогда обращаюсь, действительно, к Учителю: "Ну, прости ты меня, помоги мне, чтобы я больше такого не делал! Помоги мне, Учитель, проконтролируй! Пожалуйста! Когда такая ситуация возникнет, останови меня, помоги мне остановиться, чтобы это не повторялось!" Ведь покаяние — это зарок того, что больше так поступать не будешь. Просишь прощения, чтобы больше так не поступать! Вот смысл покаяния, в этом, а не просто, как на парткоме, на ковре — "простите, я больше не буду". Природа не партком, и прощает она не для того, чтобы мы вновь продолжали грешить. Свое прощение приходится вымолить для того, чтобы иметь жизненный опыт, опыт не повторять подобных ошибок. И тогда, действительно, я не только мгновенно выздоравливаю, ко мне возвращаются такие колоссальные силы, что я, как на крыльях, лечу.

Вот эта цепочка причинно-следственных связей моего поступка и его следствия — болезни, она в природе упраздняется и в мою карму уже не поступает, я ее уже отработал. Да, кстати, вот этот механизм, он и очищает нашу карму. Если у кого-то есть какие-то кармические последствия, если вы нащупаете у себя какую-то характерную особенность, которая мешает вам иметь удачу в жизни, и эта особенность — "наследство" ваших родителей, то вы можете просто проследить жизнь своих родителей по их же рассказам и простить их. Это обязательно, самое главное — простить их, простить за то, что они совершили тот поступок, за который природа наказывает и их, и вас как их продолжение. И тогда происходит то, о чем я вам сейчас говорил, то есть причина найдена, причина осознана, выпрошено прощение, не за себя, а за родителей. Родители, даже если они уже ушли в мир иной, и там они освобождаются от своего поступка. Их карма и ваша собственная становятся чистыми, то есть минимум двое освобождаются сразу только тем, что вы осознали причину этой вот своей наследственной черты. И так шаг за шагом человек приходит к абсолютно чистой своей карме. Это закон природы. Он испокон веков

использовался всеми учениями о жизни, его пытаются использовать и в парапсихологии.

Вот недавно вышла книга Лазарева "Диагностика кармы", многие из вас могли с ней познакомиться, хорошая вещь. Одно в ней плохо. Автор умалчивает, что, определив причину болезни, дальше уже нужно выпросить прощения у Бога, у Природы. Одно то, что обнаружена причина, болезнь не устраняет.

Вопрос: А как быть с больным от рождения ребенком? Что он с рождения что-то совершил, за что расплачивается своей болезнью? Или он уже обречен?

Захаров: Нет, он не обречен. Существует целое учение о карме, что дети расплачиваются за прегрешения своих родителей. Учитель дает такую возможность "отработать", снять наказание кармы, не совсем сразу, но дает. Это я знаю и по себе лично, и на опыте других людей, как человек, постепенно следуя занятиям закалкой, постепенно отрабатывает на себе свою карму, отрабатывает все прегрешения, которые ему достались от родителей. Это происходит естественно, потому что человек не заикливается на этом. И он начинает понимать это уже задним числом. Ведь карма — это судьба. Идя по следу Учителя, человек сам по своему сознанию творит свою судьбу. Нужно просто достойно решать те "задачи", которые подбрасывает нам Природа.

Вопрос: Сколько нужно заниматься, чтобы излечиться от какой-либо тяжелой, хронической болезни?

Захаров: Я знаю женщину, у которой была болезнь почек и все, что связано с почками. Почки у нее уже разлагались. Врачи ей прописали практически постоянное пребывание в горячих парафиновых ваннах, потому что малейшее охлаждение могло закончиться для нее смертью. Кстати, она, лежа в парафиновых ваннах (она была художница), пыталась еще что-то рисовать, что-то еще творить, пыталась хоть как-то чувствовать себя живой. К ней пришел ее товарищ, который сказал, что приехал человек, который тебя спасет

от этой болезни. Он ее вынул из этой ванны и привез к Учителю. Так вот, после приема Учителя она уже никогда не надела вторых рейтуз. Она в первую же зиму стала ходить по улице в одной кофточке с короткими рукавами без всяких поддевок в одной юбке, в туфлях на босую ногу и без пальто. Вот в таком виде эта женщина проходила много лет. И другой случай, когда человек занимается уже достаточно долгое время, а у него хроническая болезнь не проходит. Человек приезжает к Учителю, спрашивает у него, почему так, а Учитель ему отвечает: "Ты делаешь что-то неправильно. Подумай, что ты делаешь неправильно. Когда сделаешь правильно, тогда болезнь уйдет". Частенько Учитель имел в виду, что человек неправильно выполняет закалку-тренировку и ему нужно самому найти свою ошибку в ее выполнении.

Вопрос: Люди сами виноваты в том, что вокруг нас нездоровая экология: земля, вода и воздух. Не потому ли у нас исцеление замедляется?

Захаров: Может быть, да! Может быть так. Я в общем-то замечаю по себе, что раньше, когда у нас экология была почище, то и оздоровление от купания было быстрее, лучше. Сейчас, по мере загрязнения, я захожу в водоем и не могу получить того, что получал прежде из этого водоема, потому что он уже стал загрязнен. Природе сквозь нашу собственную грязь уже трудно к нам доходить, трудно к нам пробиться. Мало этого, у меня возникло ощущение, что в Москве, когда там шла эта война эмоций, выливание всякой грязи друг на друга ради престола, вся эта помойка убивала Природу. Я выхожу на землю и чувствую, как Природа просит моих сил, земля просит у меня силы, чтобы вытерпеть всю нашу грязь. Это касалось не только земли, а и воздуха, и воды, и пищи.

Вопрос: Я болею более 10 лет. Занимаюсь оздоровительной системой Учителя. Улучшения есть, но болезнь не отступает. Подскажите, пожалуйста, могут ли давно занимающиеся последователи оказать помощь?

Захаров: Заниматься знахарством, заниматься лечением, кто понимает Идею Учителя, кто понимает вообще тот труд, который Учитель творил в Природе, тот понимает, что заниматься лечением людей никому, кроме как Богу, в Природе не позволено. И в то же время нужно помочь человеку исцелиться от заболеваний. В чем тогда состоит, например, моя помощь? Я прошу обязательно у Учителя разрешения помочь человеку. И, как человек более опытный, к примеру, могу помочь тому человеку, который еще что-то не понимает. Моя помощь будет заключаться только в том, чтобы помочь ему разобраться в его собственных поступках, которые привели его к болезни, найти причину, которая вызвала эту болезнь. Другого я не могу ничего сделать. Я не могу лечить, лечение — это значит загнать в дальний угол эту болезнь. Она не уйдет, она будет где-то спрятана в этом организме, пока не обнажится причина. Моя помощь может состоять только в том, чтобы помочь разобраться самому человеку. Это уровень уже духовный, это уровень не физический, не таблеток, не манипуляций биополями, не массажа. Это уровень духов.

Захаров: На нашей встрече Александр Алекасандрович нам сегодня говорил, что ученик Учителя может лечить людей. Действительно, Учитель говорил об этом. И поначалу, по нашей молодости, по нашей горячности, когда мы только пришли к Учителю, мы тоже кинулись лечить людей. Ну как же! Мы же можем! Силы навалом, кровь кипит, бурлит, молодые, ушлые. И ходили по домам, и, действительно, лечили людей. Это была какая-то фантастика, я не знаю даже, чем это объяснить. Но, наверное, надо все-таки уповать на чудо и на Учителя. Практика до этого была некудышной, знаний об этом ремесле всего чуть-чуть.

Попробую коротенько рассказать один эпизод такой практики. В ту пору у меня был, как люди это называют, дар ясновидения. Но на самом деле это не дар, а болезнь, опять-таки природа наградила болезнью — болезнью ясновидения, то есть это вера, которую человек навывдумывал на своем зависимом пути ухода от естества природы. Это не какое-то откровение, не какой-то дар, а все то, что относится к ясновидению и к сенсорики, те откровения, которыми нас пичкают экстрасенсы. Учитель назвал это все неправдой. Это все мир, который

создан нашим больным мышлением. Больным, потому что на своем жизненном пути мы попали в болезнь зависимости от природы, в зависимость от мертвого, от искусственного. Заболев этим недугом, стало больным и наше сознание, породившее искусственный мир мыслеобразов, в который природа погружает всех ясновидцев и экстрасенсов. В этом мире переплетены реальность с нереальностью. И разобраться с этим трудно. Для этого нужно быть, действительно, посвященным, но не в иллюзии Космоса, а в реальность дел Природы, тогда это можно контролировать и знать. Я же этого ничего не знал. От рождения был просто в этом "видении", с этим жил, считал, что это нормальное явление и все люди таковы. И вдруг, в одно прекрасное время, мне заявили: "Это же не просто так, ты же необычный человек". И вот с этой болячкой я сам ринулся ходить и лечить людей. Когда же я узнал, что ученики Учителя могут лечить людей, то в моей "лечебной" практике, сам не знаю откуда, взялась такая внутренняя установка: если мне дана возможность "видеть", я обязательно должен лечить людей, но не тем, чтобы полями "полапать", пощупать, где-то подпустить энергий, где-то забрать. Нет. Это все ложное, в этом какая-то есть неправда, потому что такая помощь временная, человек продолжает не понимать, за что он наказан болезнью. А лечить человека нужно именно так, чтобы найти причину, которая вызвала этот недуг, это заболевание. Вот такое у меня стало понятие. Причину находил по-всякому. Находил ее даже в дедах и бабках, просто беседуя, раскручивал назад всю историю больного. То есть все то, что написано у Лазарева, в его "Диагностике кармы". Видя причину, человеку рассказывал, возвращал его к тому, чтобы он вспоминал эту свою историю. Или рассказывал, что было до его рождения, какая была ситуация, и объяснял, что груз ошибок твоих родителей лежит на тебе вот этим недугом. И надо было настроить так человека, чтобы он пожалел своего предка, своих родителей, не стал ругаться, что теперь из-за них к нему пришла расплата, а пожалел их и простил их. Вот тогда это происходило — человек своим пониманием исцелял себя сам.

Так, например, один человек попал в автомобильную катастрофу и получил травму ноги. Рана не могла зажить. Хирурги одиннадцать раз делали операцию, восстанавливали ему кость и пытались все

сделать, чтобы эта рана как-то зажила. Он страдал уже больше года. Когда мы пришли, получилось так, что вечером должна придти медсестра делать ему укол. А на завтра, на следующий день, он должен лечь на очередную операцию. Мы пришли к этому человеку вдвоем с Леной Кивериной и сделали все, что было нужно. Дали ему понять, как-то разобраться во всем, и человек получил сразу же какое-то облегчение. Наконец-то он понял, наконец-то он разобрался в каких-то своих поступках. Обязательно при этом мы говорили про Учителя. Начинали с того, что вот есть на земле такой Учитель, что мы от Учителя, пришли с этой стороны. Чтобы человек это знал, от кого мы пришли и с чем мы пришли, чтобы не было никаких утаек. Он душой откликнулся на Учителя, ему понравилась методика закалки, он доверился нам. И только тогда мы начали заниматься им самим непосредственно. На это, естественно, ушло много времени. Он не хотел, чтобы медсестра нас видела в доме. Не заметили, как подошла минута ее прихода. Он нам: "Давайте, давайте!" Соскочил с кровати: "Ой, вот тут так мокро (он же сам облился). Сейчас придет медсестра, давайте скорее, все надо убрать, скорее уходите". Но получилось так, что мы не успели уйти. Только на порог, а тут медсестра навстречу. Он тут же кидается в свою постель. Медсестра открывает одеяло, смотрит и говорит: "Что с вами?" Он ей: "А что?" — "Вам не нужен укол, раны уже нет. Все цело, все в порядке, операция вам не нужна!" Вот это было. Это один из примеров. Правда, эта история имела очень интересное продолжение, но это уже о другом.

Вопрос: В каком году это было?

Захаров: Это было в 1979 году.

Вопрос: Вы только-только начинали?

Захаров: Да. Да, такой был горячий, куда-то же надо девать свои силы.

Вопрос: Тогда не зря проходили зимой босиком. Это все взаимосвязано было?

Захаров: Да, конечно. Я начинал лечить людей еще до встречи с Учителем. Но навыка и каких-то ярких успехов у меня еще не было. А рассказывая об этом случае, мне хотелось бы вам передать то естественное состояние и те результаты, которые происходят, когда человек полностью отдается Учителю, вверяет самого себя Природе и Учителю. Ведь на тот момент я этому ремеслу нигде не учился, книг об этом не читал, знаний о биополях и об энергетике еще не было. Просто как-то, что-то, кое-как мне рассказали о том, что такое бывает, и объяснили мне кое-что на пальцах. Но, встретившись с Учителем, в голове моей сложилась четкая установка, что если ты берешься лечить кого-то, то это надо делать только так. Все мое нутро говорило о том, что я не ошибаюсь, я делаю правильно. Что правильно? Понятия не имею, но делаю. Это опять же доверие, жил, доверяясь Учителю. Шел в любой дом и только одно: "Учитель, помоги! Помоги, чтобы человек поверил в тебя. Помоги мне, чтобы я мог помочь человеку, чтобы через это все люди поверили в тебя, чтобы они тебя признали, в этом моя помощь тебе, Учитель. И Природа пусть мне поможет, пусть наставит, как-то даст силы. Ну, подскажет, что нужно делать и как нужно делать". И вот вам результат.

Вопрос: Почему же тогда, обладая такими способностями, вы отказались лечить людей?

Захаров: Это произошло не сразу, не вдруг, без осенений и откровений. Были разговоры с Учителем, я подробно его обо всем расспрашивал, он мне многое объяснил и помог во многом разобраться. Была и практика моих экспериментов, которая давала свои результаты, это тоже надо было все правильно понять. Главное понять нужно было все с точки зрения самой природы. Понять то, как на лечение людей смотрит Природа и Бог. И вот тогда только я осознал, что всякие сенсорные способности сами по себе — это есть болезнь. Есть ряд прегрешений человека перед живым в природе, за что она его "награждает" этими способностями. Природа, спасая от этого человека свой живой мир, погружает его в мир мертвый. Для этого она открывает ему каналы связи с этим мертвым миром, устремляет его глаза на видение оного, в мир красочный, чудесный, но

для природы — мертвый, не живой. И тогда я стал просить Учителя, чтобы вылечить от этой болезни. Это очень трудно. Оговорюсь сразу же, что ни один из богов, кроме Учителя-Бога Земли, не способен избавить человека от этой болезни. Учитель помог мне ее преодолеть, и, слава богу, что это произошло. Потому что это действительно болезнь. И за это взамен я получил от него гораздо больше.

Вопрос: А у Лазарева что?

Захаров: А у Лазарева я нашел именно то, что мне приходилось делать, когда я уже был с Учителем. Если вы будете внимательно читать его книгу, то обнаружите, что, как таковую, причину-то он не трогает. Всем экстрасенсам запрещено притрагиваться к причине. И единственно, что они могут дать человеку — это как-то объяснить, что причина твоей болезни там-то и в том-то, и все. А по сути они саму-то причину не называют, они ходят вокруг да около нее. Самое большое, что достигает Лазарев, — это нащупывает внешнее проявление причины, но не ее суть. И человек с этим остается. Как он будет дальше действовать — это его дело. Экстрасенсу дальше запрещено. Природа его дальше не пускает. Вся разница в подходе экстрасенсов и Учителя заключается в том, что экстрасенс смотрит на причину и оценивает ее лишь с точки зрения человека мертвого потока — потребителя природы, ее насильника, вора и убийцы. Истинная же оценка причины, ее осознание, может быть только с позиции самой Природы. Следствие — болезнь ликвидируется лишь тогда, когда причина ее будет осознана не с точки зрения толкования добра и зла людей, зависимых в природе, а с точки зрения самой природы и человека независимого.

Вопрос: К покаянию он (Лазарев) призывает так же, как и Учитель, одинаково, в чем разница?

Захаров: Внешне они оба используют один и тот же закон природы: нашел причину, покаялся — исцелился. Весь секрет в том, как они используют этот закон. У Лазарева нет осознания причины, поступка с точки зрения Природы. Главное — осознание, а не то, чтобы экстрасенс подвел нас к причине. Вы думаете, что экстрасенс

найдет причину, а ее владелец покается, и, дескать, все пройдет? Да, оно проходит, но проходит так же внешне, как и внешне найдена причина. Но корень самой причины при этом так и остается, потому что нет осознания. Главное — это осознание. Тогда в природе автоматом причина исчезает. Понимаете, в чем разница и отличие Учения Учителя? Оно пользуется Природой, ее свойствами осознания. Все построено на осознании человеком ситуации с точки зрения природы и бога, а не на "лапаньи" полей, маятников и механике поступков, оцененных с точки зрения людских понятий хорошего и плохого.

Здесь, наверное, стоит упомянуть о том, как Учитель принимал людей. Когда Учитель совершал прием, то он одной своей рукой прикасался к голове человека, а другой к пальцам его ног. Получалось, что весь человек находится в руках Учителя. В этот момент Учитель через этот замкнутый круг, через себя и человека в своих руках, пропускал ВСЕ токи Природы. Эти токи пробивали в человеке все пробки в его каналах и, тем самым, не просто очищали тело, но и разрушали все ПРИЧИНЫ, несущие в себе болезни этого человека. Учитель актом приема ликвидировал в человеке причину всех его болезней. Человек мгновенно получал свое природное здоровье, полное и абсолютное выздоровление. И мало того, Учитель оживлял от мертвой спячки центральную нервную часть мозга. То есть он пробуждал активность работы мозга. И вот здесь уже я задам вам вопросы: кто же в природе может владеть ВСЕМИ ТОКАМИ ПРИРОДЫ? Кто может в природе самолично ликвидировать сразу все причины любых заболеваний у другого человека? И кто при этом может физически пробуждать у человека его сознание? И, наконец, кому Природа может доверить все свои такие силы? Ответ напрашивается сам собою. Природа может доверить свои силы и ВСЕ свои ТОКИ лишь победителю природы. Лишь тот, кто победит в себе самом все эти силы природы, тот и получит эту заслугу: владеть всеми силами и токами природы, используя их на благо людей. Все же остальные "целители" выглядят в глазах Природы самозванцами. Она их не знает, и она им ничего не доверяет и не дает. Они для нее воры, научившиеся определенному ремеслу, красть у природы ее силы, это бедные люди, окружившие себя всем мертвым. Качества же

Победителя Природы получают те люди, которые пойдут по следу Учителя Паршека, примут его Учение и исполнят его. Вроде бы с болячками разобрались.

Вопрос: Расскажите о совмещении разных систем.

Захаров: Еще вот одно такое болезненное место часто у всех встречается. Это вопрос о совмещении разных учений, разных систем. Как их совмещать с Учителем? Встает такой вопрос: все ли можно совмещать и как это можно совмещать? Обращусь к Учителю, к тому, что сам Учитель говорил на этот счет. Когда ему задавали этот вопрос, он отвечал так: "Заниматься можешь чем угодно, но если это занятие тебе будет мешать выполнять "Детку", то оставь его, перестань его делать, занимайся только "Деткой". Вот, по-моему, этой фразой все и сказано, что можно применять все разумно, то есть пока ты выполняешь все двенадцать советов Учителя, то оно тебе помогает, помогает развиваться, познавать, помогает что-то пробовать, испытывать. Оно тебя развивает как личность. Но, когда это занятие заставляет тебя уже пропустить субботнее терпение, заставляет тебя не облиться или еще что-то не выполнить, это верный знак того, что это занятие нужно бросить, хорошего оно тебе ничего не даст.

Опять повторяюсь, что Учитель говорил, что, если ваше занятие не мешает тому, чтобы вы исполняли все двенадцать советов в день, а в субботу — субботнее терпение, то занимайтесь, ради бога. Всякие диеты, что там душой кривить — это все полезные вещи. Если же вы этими диетами занимаетесь так, что вынуждены в субботу пить, то вы субботу не держите. Если вы в субботу при самой этой диете соблюдаете терпение, то ради бога, она не мешает.

Когда я исповедую Учение Учителя Иванова, и допустим, если я попутно с этим Учением исповедую, например, другое какое-то течение религиозное, то попробуйте поставить на себе эксперимент. Мы брали пример Учителя. Я вам рассказывал, как Учитель загадал, что если будет так, как он хотел, то он снимет обувь и больше не будет ходить в ней. То есть, чтобы был знак, был сигнал. Так вот, когда я исповедую двух Учителей и у меня возникает потребность получить

какой-то знак, прав я или нет, то я должен проделать примерно такой же опыт, какой проделал Учитель. Вот, если я прав, то будет то-то и то-то. Если это не случается, значит, я не прав. Это тоже какое-то упражнение для себя. Оно существует, практически, в каждом учении. Так вот, когда я прошу только Учителя Иванова П.К., исповедуя только его, то этот опыт, на языке ученых, чистый, и он проходит в чистых условиях. То есть нет никаких побочных вещей, которые могут "загрязнить" его результат. Нет каких-то дополнений, смещений, из-за чего ответ становится непонятным. А когда у меня есть еще второй Учитель, именно это и происходит. Тут уже непонятно, с какой стороны, откуда что приходит в ответах. Разобраться в этом иногда становится и невозможным. Потому что мешаются два разных учения, два разных понимания, мешаются два разных подхода к одному и тому же.

И еще немного по этому поводу. Вот сейчас ходят всякие толкования, всякие писания-инструкции. "Детка" — это, мол, уже очень мало, надо ее как-то дополнять, развивать. Да, Учитель и ставил так, чтобы сама система не ограничивалась только "Деткой". Она должна развиваться, как и все живое в Природе. Так что эти люди предлагают в своих писаниях-откровениях? Какое же развитие они предлагают природной системе оздоровления? Я подчеркиваю, природной системе оздоровления. А они туда вносят не более и не менее как парную. Оказывается по их методе нужно туда добавить, кроме холодного обливания, еще по крайней мере контрастный душ, а лучше всего парилку. Но извините меня, какое отношение имеет баня к Природе? По-моему в Природе, кроме гейзеров на Камчатке, есть еще два или три места на планете, где есть горячая вода. Так нам что предлагается? Ехать всем на Камчатку, чтобы осуществить этот метод закаливания с природным, контрастным душем? Где в природе можно найти горячую воду? То есть нужно ко всему этому относиться разумно. Учитель говорил, что у человека должно быть три живых качества: совесть, разум и любовь к Природе.

Вопрос: Уводит ли от идеи Учителя другая духовная литература?

Захаров: Вчера мне этот же вопрос кто-то задал в коридоре, а я, может быть, шуткой ответил, что, если заставить дурака богу молиться — он и лоб себе расшибет. Если у человека есть разум, есть понимание, то он разберется в любой литературе, в любой книге. Найдет для себя ценные зерна, научится и узнает, как их применить для себя, для своей пользы. Если человек — дурак, извините меня, то самая ценная литература ему ничего не даст. Но, главное, это надо понять следующее. Если человек взялся изучить какое-либо учение, то ему необходимо на первых порах полностью отвергнуть все книги и все знания, существующие в других учениях. Это нужно для того, чтобы он сумел опознать дух учения в его чистом виде, опознать таким, каково оно есть в своей натуре, само по себе, без посторонних костылей. И лишь затем можно браться за разные науки и учения, чтобы уяснить свое понимание учения, в котором он уже развивается, чтобы расширять свой кругозор. И это становится не только можно, но и нужно. Если же человек с самого начала своего пути ограничит себя до единственного источника своих знаний, то он вряд ли сможет постичь глубину выбранного им учения. Все его знания будут лишь поверхностными. И совсем другое дело, если для человека одновременно существует два или несколько учителей, и у каждого из них он — ученик, то это означает лишь одно, что такой человек в своей жизни еще так и не нашел своего Учителя. Он еще находится на "ступеньке" общеобразовательной средней школы, где по каждому предмету свой учитель, со своей наукой. И такой человек, как бы он ни держал себя в руках, так и не познает чистоты духа ни одного из учений, будет метаться, не зная, к какому же берегу приплыть. Ведь по сути он ищет: а какое же учение лучше? За каким из Учителей стоит больше выгоды? Потому что они все не его. Так что уводит не книга, а дух самого человека мается в бездуховности его сознания. Он ищет своего Учителя, своего Духа-утешителя.

Вопрос: Как вы относитесь к "Живой этике" Елены Рерих?

Захаров: Я оставил здесь письмо, в котором попытался изложить свою точку зрения. Кто интересуется, тот может получить его у Виктора. Там изложена проблема, которая возникает постоянно из-за того, что люди обращаются к таким источникам, как "Живая этика" и

"Агни-йога". В этом письме я категорично отстаиваю свою точку зрения, что "Живая этика" и "Агни-йога" — это суть та религия, которая, мало сказать, что она — суррогат из лжеучений разных религий, но, главное, что эта религия пришла к нам на Землю без Бога. Если вы обратитесь к истории, то вспомните, что каждая религия начиналась с явления бога на Землю в образе того или другого, или третьего, и этот человек, неся в себе дух божий, неся в себе идею божью, говорил, и проповедовал, и разносил, и разносил свое учение. "Живая этика" обошлась без этого. Она пришла к нам на Землю без бога, это религия безбожная. Остается только догадываться, кто мог наговорить эти "тайные доктрины" медиумам — Елене Блаватской и Елене Рерих. Бог же всегда являет себя людям в яви!

Вопрос: Как вы относитесь к экстрасенсам, можно ли у них лечиться?

Захаров: Учитель говорил, что нужно обходиться без лекарств, без врачей, потому что есть земля, воздух, вода. Есть Он — как помощник, как посредник между человеком и Природой. Но если ты довел себя до такого состояния, что попал в больницу и вынужден принимать услуги от врачей, то скажи: "Учитель, дорогой, приди ко мне через этих врачей, пусть ими ты руководишь и помоги им вылечить меня". Вот это его (Учителя) слова. Доверьтесь этим врачам, попросив Учителя, чтобы он через этих врачей вам помогал исцелиться. А об экстрасенсах он говорил, что "они сами не знают, куда лезут и что они делают". Не зря же они почти все "помешаны".

Вопрос: А как быть врачам?

Захаров: Учитель говорил: "Предлагай своим пациентам лечиться моей системой, закалкой-тренировкой и помогай им в этом. Если захотят, расскажи, если человек отказывается, то в силу вступает диплом, который дает право врачу лечить. За детей решают родители".

Вопрос: Долго болеет человек. Можно ли приехать в дом Учителя и попросить помощи у Петра?

Захаров: Мне обидно, что человек не осознает, что написал: "Можно ли приехать к Петру за помощью?" Да! Конечно, можно. Разве я ему враг? Разве я могу сказать, что он вам не поможет, а поможет кто-то другой или я? Да нет! Петро на своем месте. Он содержит дом Учителя, дом Здоровья, он принимает в нем людей, которые едут туда, со всей душой и помогает им, делает все возможное, что в его силах. Да как он не поможет? Поможет! Вы поймите, вот такая ситуация — можно ли обратиться к тому или другому, аналогична ситуации при выборе врача. Так же и с Петром. Можно ли обратиться к Петру или к кому-либо другому, кто может помочь, тем, кто находится в системе закалки, с точки зрения системы Учителя? Наверное, можно, если веришь и ему доверяешь. Вам понравился Петро — обращайтесь к Петру, он вам поможет, как никто другой, потому что у вас есть к нему доверие. Обязательно он поможет. Но самое правильное — это поехать к нему и самому ответить на этот вопрос.

Вопрос: Бог небесный, невидимый, как по библии. Утром я перед образом читаю молитву, прося Христа. Потом прихожу с улицы, обливаюсь в ванной. Можно ли вести такую последовательность?

Захаров: Можно. Можно читать молитву, можно верить Христу, все это можно делать. У нас вчера после выступления зашел разговор. В этом разговоре как бы сама собой выплыла такая удивительная вещь. Я даже сам себе в первый раз ее сформулировал. "Собака" здесь зарыта вот в чем. Почему можем? Дело в том, что есть вера — живое качество человека, при котором человек живет с верой и поступает по вере, и есть религия, которая есть догма и ограничение, это последнее — мертвое для веры. Так вот, если человек верит Христу, читает молитвы и верит Учителю и занимается по его системе, он поступает сообразно своей вере. Если он верует, он свободен, свободен в своих действиях, он придет к настоящему. Он найдет то разделение, которое люди создали искусственно между Учителем и Христом. Он отыщет, и он придет к истине. Это не страшно, если он это делает в вере. И другое дело, если он исполняет все каноны, все обряды в церкви, но не имеет веры настоящей, а имеет только видимость веры, только исполнение обрядности и больше ничего. Вот тут у него произойдет разлад, он не будет в состоянии мыслить, он не будет свободен. И

кажущаяся свобода его приведет к тому, что поставит его перед выбором: или то, или это, иди к нам и исполняй обряд здесь (другого он не увидит) или иди туда, исполняй.

Вопрос: Молился ли Учитель?

Захаров: Нет, крестным знаменем он себя не осенял. Он рассказывал такую историю, что он был очень верующим человеком в молодости. И тем не менее он был, в общем-то, грешником в силу своего характера, в силу своего поведения. Из-за этого как-то совесть его была не на месте. Потом, когда он пошел уже этим путем, он ходил с крестом, как и все крещенные люди, как и все православные. Ходил до той поры, пока для себя очень четко не выяснил, что все это та же самая зависимость, против которой выступал и Христос. И тогда он снял с себя крест. То есть божий путь идет по пути независимости. И он не нуждается в атрибутике, не нуждается в символах, не нуждается во всем этом.

А. Захаров, г. Москва, 1994 г.

Воспоминания Павла Казновского

Я приехал к Учителю в августе 1982 г. после публикации в "Огоньке". До этого я жил обычной студенческой жизнью, курил, иногда и пил с друзьями. Об Учителе узнал еще в 81-м, пробовал обливаться, голодать не получалось и отношение ко всему этому было очень поверхностное. Статья в "Огоньке" меня тогда заинтересовала, и я написал довольно объемное письмо Учителю, о чем — уже не помню. В ответ Учитель прислал "Детку" со своей подписью, которая на меня произвела впечатление — я почувствовал и понял, что все, что в ней написано — верно и бесспорно.

И вот решили поехать с женой на хутор. Ехали на такси от автовокзала г. Свердловска Луганской области до хутора, где жил Учитель (~ 8 км). По дороге таксист спросил: "К голому едете лечиться?" На что мы ответили, что здоровы, а едем к Порфирию Корнеевичу Иванову. "Знаю, знаю. Голый ходит. Многих к нему возил", — ответил водитель снисходительным тоном, в котором угадывалось: "И что дураки к этому сумасшедшему ездят?" Так вот подвез он нас к самой калитке дома Учителя, а Учитель стоял у калитки на улице нас встречал, как будто точно знал, что мы приедем. Водитель как увидел Учителя, перепугался и говорит: "Вы только сами вещи из багажника заберите". Не стал из машины выходить. Вся его спесь куда-то подевалась.

Подходим к Учителю, здороваемся. А он так строго на нас смотрит и спрашивает: "А вы зачем, деточки, ко мне приехали?" Помню, было мне немного не по себе. Вообще взгляд Учителя выдержать было очень непросто. Что-то пробормотал, что читали в "Огоньке", писали ему, что он прислал "Детку", и вот решили приехать познакомиться. Учитель постоял, подумал, как я понял потом — просмотрел нас, кто мы и что с нами будет. И говорит: "А, это те, что все разводились". Я решил, что он нас с кем-то спутал, а 12 лет спустя так все и было. Я опять начал что-то бормотать, что нет, мы просто

узнали о нем и решили приехать, но он это уже не стал слушать и просто сказал: "Заходите". Так мы оказались в Доме. Позднее мы узнали, что он не всех принимал, иногда даже не пускал во двор.

Дело было вечером, он отвел нас за дом, там есть еще домик поменьше. В нем сейчас Петр Матлаев с женой живут. Завел в одну комнату, говорит: "Здесь я вас располагаю, отдыхайте". И как сказал "отдыхайте", стало как-то спокойно на душе и захотелось спать.

На восходе солнца открываю глаза и вижу: Учитель стоит в дверном проеме, смотрит на нас и говорит: "Здравствуйте, деточки, давайте я вас приму". А я тогда и не знал, что он принимает людей. Мы ведь не больные какие-нибудь. Но говорил он так, что можно было только согласиться со всем, хотя это не было приказом. Скорее всего, мое отношение к Учителю можно было определить как уважительное отношение к 84-летнему человеку с огромным опытом, которому проникаешься доверием и понимаешь, что надо слушаться старших, тем более в его доме. И дальше: "Раздевайся, ложись сюда, пальчиками на ногах поворачай, в руках, делай глубокий вдох, делай другой, третий, смотри в голову, на сердце, в легкие, в живот, животом поворачай сбоку на бок, становись на ножки". Все это в одном каком-то потоке, пока он перебрал по одному пальцы на ногах, на руках, пока держал одной рукой за голову, другой за пальцы ног. "Пойди на колодец, принеси два ведра воды". И занялся женой. Принес воду. Во дворе: "Становись сюда, проси меня: Учитель, дай мне мое здоровье". Стоит передо мной такая загорелая махина с пышной седой шевелюрой и с ведром в руках. Опять мне немного не по себе. Как так просить, да еще на ты? А он: "Вслух, громко проси". Я что-то пробормотал себе под нос. Он плеснул мне немного воды из ведра на голову — подействовало ошеломляюще, и снова: "Проси еще, громко, вслух". Я опять что-то бормочу. Опять облил и еще строже: "Проси!" И тут что-то во мне пробилось — будь, что будет — громко, без всяких внутренних зажимов говорю: "Учитель, дай мне мое здоровье!" Вижу — Учитель улыбнулся и так мягко, мягко говорит: "Спиной поворачивайся". Вылил остатки воды на спину. Потом облил жену, сказал: "Сохните, деточки". И ушел. Сидим на лавочке, раннее утро, солнышко светит, птички поют, никого нет. Ощущения райские,

небывалые, запахи какие-то чудные. Блаженство, одним словом. Посидели так минут двадцать, высохли, пошли оделись, выходим во двор, а там народу человек десять ходят туда сюда, кто воду таскает, кто копает чего-то, в общем — суета, все в делах. А ведь только что не было никого.

Смотрим — Учитель во дворе. Подошли, спросили, что нам делать, может помочь кому в делах. Учитель послал нас к Валентине Леонтьевне: "Идите, она сделает вам массаж". Ну, она перебрала нас по косточкам. У нее спрашиваем: "Что делать?" "Ничего, идите, поговорите с Учителем". Подходим к нему: "Спрашивайте, деточки, что вас интересует". Помню, ехал к Учителю, вопросов было много. Стою перед ним, смотрю на него, он на меня. Только хочу вопрос задать и тут же — да что тут спрашивать, как-то сразу и ответ ясен, да и вопрос уже кажется глупым. Так молча постояли. Потом спросил про тетради, слышал, что Учитель их пишет, думал — почитаю пока, что он пишет. Учитель и сказал, пойдите, возьмите там то. Пошел, стал смотреть тетради. Одни названия чего стоят: "Откудова я эту мысль взял, что таким стал", "Жизнь независимого человека", "Что будет дальше" и т. д. В общем, выбрал четыре штуки, пошел читать. Читаю, ничего понять не могу и почерк еле разбираю. Так ничего и не понял.

Потом пообедали. Учитель не ел, а только ходил вокруг стола, за всеми ухаживал. Потом приехал Саша Сопроненков с женой. Познакомились с ними. Саша тогда работал в Театре на Таганке, шел по системе Учителя уже четыре года. Спасибо ему, он нам тогда два дня непрерывно растолковывал Учение. Уехали в Москву уже новыми людьми. Глаза горят, мысли непрерывным потоком.

Приехал — тут же наш пятый курс в колхоз на картошку на месяц. Ну там, как водится, народ пьет по вечерам, а я, вдруг, не пью, не курю. Все думают — что это со мной? Но думают, не надолго. А кончилось тем, что нас человек восемь уже через неделю стало — босиком бегаем, купаемся, субботу терпим, пить, курить побросали. Такой у меня был заряд энтузиазма и поток мыслей, что завел ребят. А сентябрь был очень холодный, каждую ночь заморозки, иней.

Потом вернулся в Москву, откуда ни возьмись, поток литературы на меня хлынул, да такой, которую в то время не продавали нигде. Читал все запоем про все религии, учения разные. Переписал две тетради Учителя. А когда переписываешь, начинаешь очень здорово чувствовать Учителя, начинаешь понимать не только, что написано, но и то, что Учитель хотел донести до нашего сознания. Встречался с Хвощевским много, с Лешей Захаровым, с Сашей Сопроненковым, с Олегом Быковым. Мы тогда как-то сразу чувствовали, что мы одна семья. Практически каждое воскресенье у кого-нибудь дома собирались. И это были настоящие праздники.

Потом с тремя друзьями студентами поехали опять к Учителю. У меня уже сложилось представление о его идеях, и мы три дня подряд его "пытали". Никого, кроме нас из приезжих тогда у него не было (в конце января 1983 г.), и он все внимание нам уделил. Он и сам нам задавал много вопросов, спрашивал наше мнение по тому, или иному поводу. В общем, очень были жаркие беседы. У нас у всех был какой-то непередаваемый азарт первооткрывателей. Все наши мысли полностью переворачивали все мировоззрение, взгляды на жизнь, сложившиеся у людей Земли, не больше и не меньше. Некоторыми вопросами мы сильно озадачивали Учителя (мы, ведь, были дипломниками МИФИ, будущие физики), и Учитель вздыхал по вечерам и жаловался даже как-то Валентине: "Дюже умны". По молодости и горячности своей мы хотели знать все сразу, не понимали еще, что природа никуда не торопится и делает все эволюционно, постепенно открывая свои тайны по заслугам людей. Учитель так нам и говорил, а все же у ребят осталось тогда небольшое чувство разочарования, поскольку некоторые наши вопросы остались тогда без ответа.

Главное, что давал Учитель людям, и это признак истинного Учителя, это жажду познания и жажду деятельности. Он пробуждал людей, делая их творческими личностями в природе, а никого не наставлял и не поучал прописными истинами. И главное — после общения с Учителем образовывался в человеке как бы фильтр, позволяющий определять истинность или ложность тех или иных мыслей и представлений о жизни.

Интересно было то, что после приема Учителя, после общения с ним, человек получал колоссальный заряд энергии. Я, например, примерно два года после этого с трудом засыпал под утро, мало спал (иногда два-три часа) и весь день был на ногах. Даже на работе, когда мне необходимо было сидеть за приборами, или что-то писать, меня хватало минут на 5. Потом, словно пружина какая-то меня подбрасывала вверх, и я должен был стоять на ногах. Люди мне казались тогда все без исключения какими-то сонными и тормознутыми. Когда они только открывали рот и хотели мне что-то сказать, я уже точно знал, что они скажут, и в нетерпении своем, иногда перебивая их, или вовсе не давая сказать ни слова, сразу отвечал на их мысль, оставляя их в недоумении с открытым ртом.

Ходил я тогда в сандалиях без носок в 20-ти, 30-ти градусные морозы и в легкой болониевой ветровке для виду (она, наоборот, не грела, а только холодила тело). При этом, однажды, рассказывая на улице в 27 градусов мороза одному из последователей об идее Учителя, нам так было жарко, что мы простояли 2 часа и на нас при этом садились синицы — на голову, на плечи, на руки. Нам казалось, что это естественно, ведь мы говорили о том, в какой гармонии с природой будут жить люди, и природа это слышала и таким своеобразным способом подтверждала правоту наших слов. А люди шли мимо и оглядывались на нас удивленно. Такого рода "чудеса" происходили с многими из тех, кого принимал Учитель и кто принимал Учителя душой и сердцем.

Меня в ту пору, и всех, кому рассказывал об Учителе, сильно волновал вопрос: Как же можно жить без пищи, без одежды, без дома? Это же загнешься, особенно, зимой. А Учитель нам показывал тогда, что по большому счету, так только человек и начинает жить во всей полноте своих качеств, а то, как люди живут сейчас, это отмирание, спячка.

Что же потом? А потом, кто раньше, кто позже, все побросали этим заниматься. Кто совсем, а кто частично. В лучшем случае

продолжали обливаться. Стали зимой кутаться. Я, например, долгое время не мог себя заставить ничего делать и даже начал опять курить.

Позже, анализируя это, читая труды Учителя, мы нашли у него такую фразу: "Чужое свое не спасает". Все, что мы получили от Учителя сразу, мы, конечно, никак не могли сохранить. Мы ведь не заработали эти дары своим трудом, все это было не наше, Учителево. А Учитель говорил, что у него блата нету, всем положено одинаково. И еще нашли у Учителя: "Я всех своих людей от себя попрогоняю вон подальше, чтобы они сами всего добились". И вот потом, постепенно, пришлось все начинать с нуля. Было очень тяжело. Ведь уже опять привыкли спать, привыкли к вялому сонному состоянию. Некоторые так и не сумели из этого состояния выбраться, особенно, пожилые люди и те, кто попали к Учителю с тяжелыми болезнями, хотя и продлилась их жизнь на 20, 30 лет. Поэтому завидовать тем, кто встречались с Учителем, не приходится. В какой-то мере нам даже тяжелее пришлось, чем другим.

Но вот что я почувствовал в последние годы. Все, что я наработывал уже сам, без Учителя, все мои терпения, купания, какая-то помощь людям, хотя это и делается с просьбой к Учителю, все это уже мое, действительно мои заслуги в природе. И есть уже понимание того, что природа меня хоть немножечко, да знает и хранит за мои труды. Здесь очень важен эволюционный, постепенный подход к этому делу. Как бы не хотелось получать сразу, как это было при Учителе, уже не получится, и в этом отношении мы все равны, никто не лучше, не хуже. Берись и делай, и по делам получай.

7 Ноября 1999 г.

Учитель — свет жизни. Солнце наше

ЭТО ЕСТЬ НАЧАЛО И КОНЕЦ, АЛЬФА И ОМЕГА.

ГОСПОДИН ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

Вечная благодарность Богу Творцу, что не знаю, за что мне выпало на долю такое благо: услышать, поверить, увидеть и даже посчастливилось быть принятой нашим дорогим Учителем, самым Создателем и Вседержителем всего сущего, Спасителем мира нашего. Рука пишет: Владыко! Никогда про это явление не забыть... Сам Создатель явил Свой Лик миру... Также никогда про встречу с Учителем не забыть всем нам людям.

Слава! Слава! Слава! Тебе, дорогой наш Учитель. Слава! Вечное великое за все Спасибо и низжайший поклон!

Летом 1980 года, находясь в Феодосии с мамой, я чисто интуитивно, входя в Черное море, обращалась к Природе, воздуху, Солнцу, сосенкам, просила о своих насущных проблемах, чтобы у меня дела были успешными. Верующей я не была, но, видимо, почувствовала, что в Природе есть та сила, которая поможет.

Осенью 1980 года я очередной раз простудилась, заболела и попала в больницу. (В детстве и юности часто болела простудами, все кончалось бронхитами и пневмониями — раз 15 были. Врачи поставили диагноз — хроническая пневмония и бронхиальная астма). Кончала муз. училище Ипполитова-Иванова по классу фортепьяно. И вот, 4-ый курс, а я все болею. Разговорила как-то с Ниной Сергеевной Бельфор (концертмейстеру — большое ей спасибо!) и она меня направила через свою подругу к Виталию. А у Виталия другом был Саша Сопроненков. Так, через четвертые руки судьба свела меня с Сашей Сопроненковым, которому я бесконечно благодарна. От Саши я слышала и узнала об Учителе. Встреча с Сашей состоялась 25 января

1981 года поздно вечером. Он, рассказав мне об Учителе, порекомендовал мне обливаться рукой холодной водой (у меня был профессиональный зажим руки) и через несколько дней приехать.

Подробно об Учителе рассказал мне Саша 31 января 1981 года. И с первого февраля я потихоньку начала обливаться и делать, как могла по Учителю. Здоровье через несколько дней заметно улучшилось. Я продыхнула, прокашлялась. Начала я обливаться под душем в ванной, и в самые первые дни несколько раз "чисто психологически" добавляла горячей воды, буквально чуть-чуть, чтобы было не страшно. Но потом — только холодный кран.

Скажу сразу, что первые шесть лет из советов Учителя я только обливалась регулярно, а в остальном, особенно с едой, я больше нарушала, чем выполняла (прости меня, Учитель дорогой, за мое непослушание). Я училась в институте, работала и часто нарушала субботу и среду, сваливая на то, что мне тяжело, когда не поем. Сейчас я понимаю, что просто не было нужного понятия, сознания. (Когда я нарушала, легче не становилось, а наоборот, тяжелее, особенно на душе, начинала мучить совесть. Слава Богу, что это позади, и Учитель дал сознание, насколько это серьезно, дал и силы терпеть в дальнейшем эти, как писал Учитель: "Зараженные в Природе дни, давно надо было их оставить").

Примерно через год я написала письмо Учителю (подсказал Саша, своего ума не хватило). Написала про себя, как я в воде просила Природу, как я познакомилась с Сашей и он рассказал об Учителе, как лежала в больнице и с охотой помогала больным людям, писала, что другим иной раз легче помогать, чем себе. Спросила, можно ли приехать? Писала три раза. На третий раз Учитель мне прислал ответ на адрес Саши. Вот он: "деточка огонек найди номер 8 20 февраля 1982 года статья эксперимент длиною полвека дай прочитать тогда перестанет мама ссориться. Желаю вам счастье здоровья хорошее делай то что ты хочешь сердце не будет болеть. 1982 года 17 апреля Учитель помогай людям летом дина приезжай".

11 июля 1982 года. Я поступила летом в институт и училась на установочной сессии. Давно не звонила Саше, а в этот день меня потянуло позвонить ему. Саша говорит: "Учитель в Москве!" Спрашиваю: "А можно мне поехать и увидеть Учителя?" Саша говорит: "Можно и нужно. Я сам сейчас туда собираюсь". Я была так счастлива. Мы встретились в метро "Текстильщики" и поехали на "Новослободскую" на квартиру Тришиной Анны Петровны (мир ее праху!). Учитель остановился на этой квартире. 11 июля 1982 года в воскресенье состоялась первая моя встреча с Учителем.

Когда я ехала на встречу, все внутри радостью и волнением наполнялось. Я спросила Сашу: "Когда я обращаюсь к Учителю в просьбе, я прошу "Учитель, дорогой!", говорю, — а как мне называть его при встрече: "Порфирий Корнеевич или Учитель?" Саша ответил: "Называй Учитель. Так все люди Его называют". Мы приехали позже 12-ти часов дня и люди уже сидели за столом, ели. Было много народу. Учитель был на кухне с Валентиной Леонтьевной и, кажется, с Анной Петровной. (Прости меня, Учитель дорогой и матушка Валентина Леонтьевна, что с Валентиной Леонтьевной не поздоровалась).

Учителя увидела я со спины, наклоненного по хозяйству над столом. Боже, что это было за Чудо-Чудное и Диво-Дивное. Первая мысль пронеслась в голове — Илья. Потом думаю: почему Илья? И тут же ответ: Илья Муромец. Учитель показался не стариком, а молодым, могучим человеком, богатырем в возрасте Ильи Муромца. Учитель был в реальности, и в тоже время как из прекрасной, чудесной сказки, из другого мира, неведомого, но такого прекрасного, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Учитель был божественно красив, как сама райская Природа, не наша бедная, затоптанная и замученная Земля, а та неведомая райская обитель, о которой мы и мечтать не можем, ничего не знаем и не ведаем, находясь здесь. Как у Лескова — Краса, Природы совершенство — это был Учитель. Очень высокий, могучий в плечах, он 50 лет ходил открытым всем ветрам, всем стужам и мучениям, и был не только не поранен и т. п., но красив так, как ни один человек в помине. Тогда я просто оцепенела и приросла к месту, сейчас я

понимаю, что так красив и совершенен мог быть только Бог, Отец, Создатель. Слава Ему в веках!

Тело у Учителя было темно-бронзово-золотое и все блестело. Кожа шелковая, мягкая, сухая, бархатная. Волосы и борода ослепительно белые, такие белые, что белее всякого снега, как не цвет белый, а уже свет. Волосы искрились и переливались, как снег под лучами Луны. Серебро на фоне золота, Учитель был в золотых и серебряных одеждах. Сказочная, фантастическая красота!

Учитель писал: "Гляньте вы на Солнышко, увидите правду, выздоровление свое". Мы стояли и глядели на Солнышко наше — Учителя дорогого, который освещал и освящал, и наполнял собою все пространство. Мы все люди, стоявшие перед Учителем казались такими маленькими, темненькими, грязненькими и хоть мне было 20 лет и я тогда ничего не понимала, я остро, пронзительно остро почувствовала и ощутила всем своим нутром, что Учитель — это тот Человек, который принес на Землю ту единственную правду, ту Истину, тот Смысл Жизни и Бытия, которое во все века и времена жаждали и искали люди, и о которой могли только мечтать. Это тот Человек, который ответит на все вопросы, и главное, дает нам Путь, Истинный Путь в Жизнь, которая по замыслу Творца совершенно иная, чем та, которой мы сейчас живем. Это было такое счастье, которое прекраснее любой мечты и фантазии.

Мы все перед этим явлением стояли в московской квартире, в наше время 1982 года, летом. Слава Твоя в веках, Господи! Я была неверующим человеком, точнее, ничего об этом не знающим, а после встречи с делом Учителя и с Самим Учителем, я поверила и верую в Бога. Большое сердечное спасибо и низжайший поклон. Я стояла как вкопанная и на тот момент мне ничего не надо было в жизни, только бы смотреть на Учителя и благодарить его за то, что Он есть, и что Он сжалился над нами, что Он нас любит и Сам к нам пришел. Я тогда еще не понимала, что Учитель — Сам Создатель т. к. не понимала самого смысла Слова "Бог". Это пришло чуть позже, но я чувствовала, что это Тот, кто поможет, единственно поможет всем нам в жизни, это

выход для всех из любого и каждого случая в жизни, это спасение для всех нас.

Саша меня подтолкнул и говорит: "Долго так будешь стоять? Подойди к Учителю". И я подошла. Говорю: "Здравствуйте! Учитель дорогой!". Учитель ответил: "Здравствуй". Пауза. Саша говорит: "Учитель, это Дина. Она поет". Учитель говорит: "Хорошо. А как ты поешь?" Я говорю: "Хорошо пою, спасибо, Учитель". Учитель: "А с кем ты поешь?" Я судорожно начинаю думать, что ответить, на ум идет — "С Марией Ивановной (педагог)", — еще что-то говорю, а Учитель смотрит на меня прямо и мысль мне посылает: "Наверное, со мной ты поешь?" Я счастливая такая от полученной мысли расплываюсь в улыбке: "Да я же с Вами пою, дорогой Учитель!" Учитель сказал: "Ну вот, и хорошо, и пой. И будет хорошо не только тебе, но и всему человечеству". Во веки веков! Слава дорогому Учителю и низжайший поклон.

Во время разговора Учитель держал все время свою руку у меня на голове, и несколько раз по плечам как бы стряхивал рукой в воздухе кистью. Потом опять положил руку на голову, и опять по другому плечу стряхивал кистью в воздухе. Я слышала от кого-то, что Учитель некоторым вставал на ступни и как бы прыгал, надавливая на ноги, других за руки брал. Рассказывали, будто кто-то подошел к Учителю и уши заложило, Учитель говорит, а тот не слышит, отошел чуть подальше — слышит Учителя.

Учитель тогда только молоко попил после терпения и говорит мне: "Поцелуй меня" (а то я стою, как истукан, глазами хлопаю). Я поцеловала Учителя и молоко с усов и бороды Учителя перешло мне на лицо, и получилось, что у меня "молоко на губах не обсохло". Я видела, как подходили пожилые женщины к Учителю, падали в ноги, кланялись, целовали ноги Учителя, славил его, благодарили. Учитель всех поднимал, целовал.

Никогда не забыть глаз Учителя, Его взгляд. Это не передать никакими словами. У людей не бывает такого взгляда. В светлых, прозрачных, как ручей, глазах Учителя было все, вся Вселенная, все

мироздание, вся полнота и глубина Бытия. Видно было, что Учитель меня видит насквозь, все мои дела, всю мою жизнь. Мы все были у Учителя как на ладони. Причем, я поняла тогда, что Учителю не только все известно про каждого из нас, стоящих там, но ему ведомо про всех нас людей, более того, про все время, все пространство. Это было всеведение, вездесущность, всевидение. Неведомая сила и могущество исходили от Учителя, и такая любовь ко всему сущему, которая может быть только у нашего общего Отца Земного и Небесного, нашего Творца. Мы все стояли перед Учителем, как дети и Он нас всех любил, как детей.

Помню, как я содрогнулась от величия взгляда Учителя и восхищения перед Ним. Пришло чувство, что раз этот человек пришел на Землю, мы уже не сможем жить по старому, хотим мы этого или не хотим. Есть слова Учителя: "Ухо не слышало, глаз не видел, и ум помыслить не может о том, что приготовил я возлюбленным моим сынам". Я тогда стояла, как вкопанная, ничего не понимая, но ощущала такую радость, такое счастье, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Когда Учитель вышел после обеда из квартиры на крыльцо подъезда и молча стоял на ступеньках такой огромный, могучий, от Земли до Неба, как Светило, Солнце нашей жизни, захотелось от радости прокричать на всю улицу: "Люди добрые! Куда же вы спешите, куда бежите? Остановитесь! Стойте! Посмотрите, кто пришел! Кто стоит на крылечке подъезда! Это же Он, Учитель дорогой, Он же для всех нас пришел!" Люди, проходя, останавливались, просто смотрели на Учителя, потому что нельзя было не остановиться и не увидеть Учителя, слишком Он отличался от всех людей, другие долго смотрели на Учителя... А на дворе стоял 1982 год.

Анна Петровна подошла к Учителю, поцеловала Его в тело и говорит: "Учитель наш дорогой! Спасибо тебе большое, какую же ты нам погоду послал хорошую, солнечную!" А Учитель сам весь был Солнышко. Это было такое счастье! При мне подошла женщина средних лет и так спросила: "Учитель, дорогой, а как будет — плохо,

да? Плохо?" Учитель так улыбался, а здесь так посумрачнел и глухо ответил: "Плохо". "А народу мало останется, да? Мало?" Учитель еще больше помрачнел, глаза прикрыл и совсем глухо сказал: "Мало, но я не хочу об этом говорить, — и так рукой отвел. — Иди лучше к столу обедать". А за обедом нас много народу сидело, все ели. Учитель вышел из кухни, встал во главе стола, стоял и с такой нежной отеческой любовью смотрел на нас, своих детей, как мы едим и пьем, и так радостно говорит: "Кушайте, кушайте, детки, борщ". А мы в ответ: "Спасибо большое. Очень вкусно". Учитель: "Это я сам резал капусту, морковку, свеклу", — и улыбнулся. Мы все радостно заулыбались. Весь день такая радость у всех была, все улыбались и были счастливы. Никогда про это не забыть.

Валентина Леонтьевна была на кухне рядом с Учителем, а я с ней не поздоровалась. Когда села за стол, она так строго мне сказала: "Ну, садись, коли пришла, ешь, — налила мне полную тарелку борща. — Но только здесь не ресторан, музыки не будет". Мне было очень стыдно. Учитель дорогой, прости меня, что я в самый первый раз с нею не поздоровалась, прости ради Бога, я все поняла.

Учитель мне сказал: "Здесь я принимать не буду, приезжай ко мне на хутор, Я тебя приму". Я поблагодарила Учителя, уезжала вечером, попрощалась с Учителем и искренне его поцеловала.

Весь июль прошел, наступил август. И вот огромное спасибо ребятам Боре и Ане Шер за вразумление и поддержку, они буквально "прогнали" меня из Москвы на хутор. Не буду описывать, как я добралась до хутора, ибо в самом начале были допущены мною серьезные ошибки: это и ложь родным, что "еду к подруге", потом лень вставать на первый рейс самолета. С этого все и началось — и мой самолет задерживался с вылетом, я опоздала на последний автобус на Свердловку, и на попутках добиралась и не добралась. И вот стою посреди поля с подсолнухами, ночь, темно и — реву, не знаю, куда идти. Взмолилась перед Учителем: "Учитель, родненький, прости меня за мою лень, что пришлось так долго добираться, давно бы уже была, еще днем, а сейчас темно, помоги мне, пожалуйста, до тебя дойти. Выведи меня, Учитель дорогой!"

Вдруг слышу мотоцикл трындычит, подъехал милый такой дядечка, спрашивает: "Така гарна дывчина, а плаче! Что стряслось?" Я рассказала, а он: "До Богов что ли? Ну, это близко! Садись, подвезу немножко, а там пешком недалеко. Только я пчел везу. Ты свои сумки на коляску не ставь, покусают пчелы то. Ты в руках держи". "А как же я за вас держаться стану?" — спрашиваю. "Уж как-нибудь, ногами держись!" И мы поехали по ухабам, по кочкам. Довез до места высокого. "А теперь, — говорит, — вниз пойдешь под гору, там и хутор". Тут слышу — собаки лают, думаю, Слава Богу, спасибо Учителю, неужто рядом! Подошла, а на лавочке сидели люди, увидели меня босую, с сумками и спрашивают: "Это к кому же пожаловала так поздно?" — "В 58 дом, мне к Учителю и Валентине Леонтьевне". "А, ну сейчас. Валентина! Открывай калитку, тут к тебе ночные гости приехали". Спасибо этим людям, спасибо всем и низкий поклон Учителю!

Валентина Л. скоро отворила калитку и тут я поздоровалась виновато и сказала, что Учитель в Москве разрешил приехать и приняться. "Ну, раз разрешил и приехала, заходи". Она мне показала комнатку в доме, где жила Настенька: "Здесь будешь спать". Учитель, видимо, уже отдыхал в доме, в этот день Учителя не видела. Я помыла ноги с дороги и легла спать. Встала рано, вышла из дому, завернула за угол, а Учитель, Валентина Л. и Настенька уже давно, видимо, были на ногах. Настенька сразу увидела меня и говорит: "Вот, Учитель, гости из Москвы к тебе приехали". Учитель дорогой (опять я его увидела со спины, нагнулся, говорил что-то с Валентиной Л.) выпрямился, обернулся и говорит: "А, ну иди сюда, мне уже сказали, что гости из Москвы приехали. Ты от кого узнала?" "Я от Саши Сопроненкова". "Ты из «Чайки?» (Саша тогда в театре такой спектакль ставил "Чайка по имени Джонатан Ливингстон" и Учитель очень интересовался и поддерживал эту его работу). "Нет, — говорю. — Я так. Учитель, дорогой, когда Вы были в Москве, в июле, Вы мне сказали приехать на хутор, чтобы приняться. Я вот приехала". "Да много вас там было народу, разве ж всех упомнишь".

"Да, конечно".

Потом мне ребята рассказывали, что Учитель часто так говорил не потому, что не помнил, а чтобы ты сам понял — кто ты есть, что у тебя на душе. "Как ты спала? Ты вчера ела?" — "Нет, Учитель дорогой, вчера в среду не ела". "Хорошо. Я тебя сейчас приму, а в 12 часов мы поедем". Вы знаете, находиться там, в Доме Учителя рядом с Учителем, Валентиной Леонтьевной и людьми (в те дни там гостила уже месяц Татьяна Федоровна из Москвы) было таким счастьем, была такая Любовь неземная, такая защита и опора. Чувствовалось, что Учитель тебя просто любит и хранит, а я как дитя, приехавшая в дом своих родителей, чувствовала себя на седьмом небе. Ничего не было страшно, как никогда хотелось жить, выполнять все, о чем говорил Учитель, хотелось приехать в Москву и на весь мир прокричать об Учителе, что это наш Господь Бог.

И вот Учитель дорогой повел меня в кухоньку на прием. Я была одета в короткое легкое платьице. Учитель сказал лечь на кушетку, на спину. Потом левую руку свою положил мне на голову, правой рукой взял кончики пальцев ног и сказал: "Тяни воздух, смотри мнением на голову, на сердце, на легкие...", а я лежу и думаю — что такое "мнением"? — и никак не сосредоточусь. Учитель остановился и спрашивает: "Ты понимаешь, что такое "мнением"?" Разволновалась я, что такая несмышленная и вдруг поняла: мнением — это мысленно, значит. Я обрадовалась: "Понимаю, Учитель, дорогой!" Учитель заново начал говорить.

"Посмотри мнением в голову, на сердце, на легкие, на печень, в живот посмотри, поверни животом из стороны в сторону, в руки, пошевели пальчиками, в ноги, пошевели пальцами ног, — Учитель здесь подергивал пальцы рук и ног, — Дыши три раза открытым ртом, проси Учителя здоровье". Потом Учитель поднял меня, взял за руки и то же самое сказал мне сделать — посмотреть мысленно внутри все органы. Потом Учитель сказал: "Делай вдох, проси здоровья у Учителя, делай третий вдох — так, хорошо". Опять Учитель подергал пальчики. "А теперь иди на двор, Валентина обольет тебя водой".

А там уже Валентина Л.- матушка Вы наша, спасибо Вам за все до земли, низкий поклон, — приготовила ведро с холодной водой и ждет меня. "Раздевайся!" И Учитель подходит и встает рядом с Валентиной Л. Получилось, что я встала недалеко от входной калитки. Стою, понимаю, что надо раздеться и какой-то стыд вдруг напал, стою, жмусь. А Валентинушка Л. так по свойски мне кричит: "Да, скидавай ты с себя, чо стоишь? Чи мы голых баб, чи мужиков не видали, чи шо?" У меня как рукой стыд этот ложный сняло и быстро разделась. Все-ж-таки, повернувшись сначала спиной, меня облили, потом лицом, тоже облили. Валентина Л. в лицо так сильно плескала, что я как бы захлебнулась водой, хватала, хватала воздух. И так мне было хорошо, радостно и счастливо, что я даже засмеялась от радости.

Потом Учитель дорогой снова повел меня в домик, в кухню, чтобы дать свой Совет. Учитель стал говорить, что надо делать, а я стою перед Учителем облитая, мокрая, голая и опять стала смущаться, хотя понимала, что это не серьезно с моей стороны, но на словах Учителя не могу сосредоточиться. И Учитель дорогой, видя мое положение, так спокойно с добром говорит: "Ну, одень вот это. Может тебе полегче будет" — и показал на мою одежду. Я такая счастливая быстро оделась и уже спокойно слушала Учителя. Боже мой, какая же у Учителя была Любовь ко всем нам, что даже малейшее движение души такого маленького муравейчика, как я перед Ним, не оставалось без Его внимания, без Его любви, чем мы так счастливо удовлетворялись.

Учитель дорогой дал мне свой Совет: два раза в день обливаться холодной водой, в субботу не кушать, не пить до воскресенья 12 часов дня, не плевать, не харкать из себя ничего, выйти за калитку, найти бедного нуждающегося человека и дать ему 50 копеек, сказать: "Я даю тебе 50 копеек за то, чтобы мне в этом деле тоже было хорошо". Потом Учитель так строго спросил: "А как ты здороваешься, Дина?" Я замялась: "Да, вроде здороваюсь..." Еще что-то хотела сказать, но Учитель строго и громко: "Плохо здороваешься! — я слегка похолодела. — Надо войти в толпу и сказать "Здравствуйте! — всем". И так Учитель поклонился почти в пояс. Для себя я поняла: в толпе, где много людей, в транспорте обязательно надо поздороваться.

Спросила: "Учитель дорогой, а можно мне дополнительно к субботе взять терпение в среду?" Учитель ответил: "А понедельник?" — честно говоря, я растерялась от неожиданности слов Учителя. Настенька за меня сказала: "Учитель, да куда ей еще понедельник, ей бы среду дай Бог выдержать, она Тебя о среде спрашивает". Учитель улыбнулся и говорит: "Ну, возьми, если сможешь".

Тогда я была этому очень рада, первые полгода легко и хорошо терпела, как какой-то заряд был, не нарушала. А потом стала нарушать. Как я теперь понимаю через 13 лет в 1995 году — рано я взяла среду, слишком рано. А тогда Учитель сказал: "Иди к Валентине". Валентина Л. сделала мне массаж всего тела. Это было прекрасно. Она меня мяла, разминала, попросила ноги забросить за голову, потом ходила по спине, пояснице, по ногам. Мне было очень хорошо, как в раю, такая была радость во всем теле и на душе.

В конце массажа появился Учитель. Учитель дорогой, иногда видно было, как Он шел, входил в дом, входил и выходил за калитку, а иной раз вот именно — как появлялся. Не видно, не слышно и вот оборачиваешься — Учитель стоит! Валентина Л. говорит: "Все, Учитель! Все в порядке, здоровенькая". Я поблагодарила матушку нашу, а как услышала это — здоровенькая! — так обрадовалась и думаю: ничего себе! И спросила у Учителя: "Учитель, дорогой, если я побегу за транспортом, бывает, что я задыхаюсь, когда бегу. Что мне делать?" Учитель ответил: "А ты, когда побежишь за автобусом, ты проси меня не задыхаться и все будет хорошо".

Приблизилось время обеда. Такая я была счастливая, окрыленная после приема Учителя и Валентины Л... Учитель сказал мне перед едой: "Ты за еду попросила? Иди, попроси Учителя за еду и за свое здоровье". Хотя я стояла рядом с Учителем, поняла, о чем речь. Вышла из-за стола, подошла на угол калитки под деревцо, вдохнула ртом воздух и попросила за свое здоровье и за еду. Потом вернулась к столу. В тот незабываемый день Валентина Л. приготовила рыбный суп с пшеном. Это был очень густой, вкусный суп с рыбными хрящиками (такие прозрачные, как студень). Всю жизнь я очень выборочно относилась к еде: одно любила, другое не любила, третье вообще не

ела. И вот именно рыбные хрящики мне было хуже всего есть. Валентина Л. налила всем по миске, стали кушать.

Как только почувствовала во рту эти скользкие хрящики, стало не по себе. Что делать? Не будешь ведь их выплевывать. И вот этот суп я ела минут 15–20, преодолевая каждую ложку с "испаринной на лбу". Заметила, что Учитель поел ложку-полторы и отложил, больше не ел. О чем-то говорили за столом — не помню, я слишком была увлечена поеданием супа. И, наконец, я съела последнюю ложку — слава Богу, все! Учитель дорогой спрашивает: "Дина, ты съела суп?" — "Да, Учитель, большое спасибо". "А теперь поешь моего" — сказал Учитель и придвинул мне. Взглянула на Учителя, Он смотрит так внимательно, какая-то секунда и — решилась. Про себя попросила Учителя помочь мне съесть этот суп и решительно придвинула к себе тарелку. Начала есть и — о, чудо! Не почувствовала никакого отвращения, это была какая-то не материальная пища, какая-то волшебная, как-будто я ела ложками воздух, как воздушный коктейль и еще меня поразило то, как быстро еда кончилась. И еще одно. После первой тарелки живот уже наполнился тяжестью, а сейчас после второй тарелки живот сдулся и состояние как-будто ничего не ела — легко и радостно. Спасибо Учителю!

А потом Валентина Л. дала второе и третье. На второе дала кусок курицы, кусок жареной колбасы и котлету мясную. И что меня поразило за эти два дня — Учитель практически ничего не ел и не пил. А когда сели ужинать вечером (кормили два раза в обед и вечером), Учитель стоял возле стола и не садился. Мы все сели, едим — Учитель молча стоит и смотрит куда-то вдаль. Решилась сказать: "Учитель дорогой, а Вы? Покушайте с нами". Он отказался, и все стоял и стоял, пока мы ели.

Учитель дорогой иногда как бы менялся в росте. Он часто выходил за калитку, и вот выйдет такой высокий-высокий, намного выше калитки, и узкий, как свеча, а зайдет — вроде пониже и пошире, такой коренастый. И наоборот. Мне один раз увиделось: вышел из калитки Учитель как всегда красавец, с облаком своих божественных волос, а буквально через пять минут заходит обратно в калитку —

такой высокий, на полтуловища выше, узкий-узкий и гребешок-расческа в волосах, челка заколота набок (такая любовь в этот момент и умиление возникло). Татьяна Федоровна из-за стола выскочила и к Учителю: "Учитель, давай я тебе поправлю, расчешу, что ты так гребенку заколол? — а сама Ему по грудь, если не ниже. — Нагнись, Учитель, нагнись, дай, расчешу тебя". Учитель молча прошел мимо, все время, смотря вдаль, поодаль сел. Тут Татьяна Федоровна стала причесывать Учителя.

Взгляд у Учителя был как пламень огненный. В первую секунду, как Учитель посмотрел, — как огонь пронзил — такая сила, хотелось отвести взгляд, но Учитель как бы "приглушал" этот огонь на это время, что Он был с нами и мне кажется, что этот пламень огненный во много раз больше у Учителя и мы не смогли бы находиться рядом, просто бы сгорели... И в то же время невозможно было оторваться от Его взгляда, от Его божественной красоты, хотелось смотреть и смотреть на Учителя и не насмотреться, быть и быть рядом, чтобы только Учитель дорогой не уходил — ничего не надо было больше. Такая у Учителя была к нам Любовь!

Голос у Учителя также часто менялся. Однажды иду и вдруг сзади слышу: "Валя!". Думаю, ничего себе, парень осмелел (к тому времени приехали двое молодых парней), Валентину Л. называет по имени и на "ты". Оборачиваюсь, — Учитель зовет Валентину Л. А голос молодой, звонкий, юношеский — 25 лет! Это так же, как сам Учитель — то казался таким древним, как вне возраста, как от начала веков, а то — как молодой Лик, лет 33-х, 35-ти.

Днем того же дня, 19 августа в четверг, приехали ребята из г. Ставрополя, двое их было. Одному лет 18, другому года 23 (не помню имен). Как они говорили, приехали посмотреть, узнать. Учитель их двоих принял. Как Учитель дорогой ласково, с любовью разговаривал с людьми, по их сознанию. Парень постарше ходил в сандалиях, хотя лето, жарко. А Учитель так ласково спрашивает: "А ты чего обувши ходишь? Да ты скинь". Парень скинул и ходил босиком. Их Учитель принимал в доме, где жила Настенька. Приема, конечно, я не видела, но была возле дома и слышала голос Учителя через открытое окошко.

Учитель тогда сказал старшему: "А ты блуд то оставь...". Хотя парень про это ни одного слова не сказал. У второго парня, что помладше, было сильное косоглазие, один глазик совсем в переносицу смотрел. Учитель дорогой своими ладонями обеих рук наложил на оба глаза и спросил: "Какой цвет видишь?" Парень сказал, Учитель говорит: "Хорошо. Продолжай все делать — обливаться, просить свое здоровье и все у тебя будет хорошо".

Учитель советовал: когда где-нибудь болит или беспокоит, надо мысленно представить это место и тянуть в него воздух, при этом просить Учителя свое здоровье. Мне, помню, было так волшебнo хорошо — Учитель с нами рядом, вернее, мы рядом с Учителем, видим Его и так хотелось, хоть несколько слов сказать, чтобы Учитель тебе ответил. Я говорю: "Учитель дорогой, а мне вот так на глаза положите, сделайте". Учитель: "А тебе зачем?". "Да я плохо вижу, близорука". "Это как?" "Да я вдаль не вижу". Учитель говорит: "Так это ж надо научиться далеко видеть...". Таков был ответ.

Учитель советовал ребятам, если плохо видят, надо на ветру смотреть мнением в глаза и рассекать зрачок, именно глазами смотреть в глаза. Мне очень хотелось почитать тетради в доме Учителя, но об этом даже не заговаривала. И вот Учитель позвал меня в Дом и говорит: "Дина, иди за мной". Он вошел в маленькую комнату, где печка и у двери висел портрет Учителя во весь рост. Учитель, видимо, его любил. Учитель вдруг остановился, обернулся и, указывая на этот портрет, говорит: "Дина, смотри, какой я был молодой и красивый", — ласково улыбнулся дорогой Учитель. "Да Вы и сейчас такой же", — не найдя лучше слов, ответила я. "Да?" — серьезно спросил Учитель. Он прошел в комнату, где кожаный диван, на котором Учитель иногда отдыхал, где телевизор, и говорит: "Дина, выбери себе тетради", а сам лег на диван, ножки положил на край дивана, руку положил за голову, тихо прикрыл глазки и стал отдыхать.

Тетради были в проеме большой печки, что в углу комнаты. Я думаю, как же я буду сейчас копать, шуршать и шелестеть у печки и нарушать покой, когда дорогой Учитель лежит и отдыхает?.. В первое мгновение такая радость и счастье были, когда Учитель сказал —

выбери тетради. А потом думаю, как я буду выбирать, почерк поначалу сложный, тетради все толстые, объемные и все очень важные, Богом написанные! Ничего себе, думаю, "как выбирать?", как-будто я в этом что-нибудь понимаю. Но Учитель привел и сказал: "Выбери", и я стала тихо-тихо, как могла, перекладывать тетради Учителя, открывать, закрывать, просматривать — "выбирать". На самом верху стопки лежали две огромные книги — это Библии. Они были старые, дореволюционные, с "ятами" и т. п. Двумя руками еле удержала, положила на пол. А под ними аккуратно в стопочки рядами были уложены тетради Учителя. Выбрала себе две тетради "Земля" и "Две встречи" 1966 года.

Это был счастливый, светлейший момент пребывания у Учителя, когда меня переполняла любовь и (если можно так сказать) нежность, трепет и благодарность к Учителю, и захотелось остановить это мгновение, как самое прекрасное: Дом Учителя, божественный летний день, Учитель дорогой прилег на диван, Его небесные волосы окутали и казалось, что Учитель лежит не на подушке, а на белоснежном облаке, утопает в нем, благоговейная тишина, такая, что не слышно дыхания, я с тетрадями Учителя в руках, с Его божественным Словом и только звук больших часов — тик-так, дзынь... Это незабываемо.

Выбрав две тетради, я на цыпочках тихонько вышла из дома во двор. Учитель очень скоро вышел. Он спросил: "Выбрала тетради?". "Да, спасибо большое". "Какие ты выбрала?" Я показала, Учитель ответил: "Хорошо". Я попросила Учителя взять тетради с собой в Москву, переписать их и потом вернуть обратно. Учитель разрешил, потом спросил: "Ты читала книгу Черкасова "Сотвори добро"?" Я сказала, что нет. "Прочти ее", — сказал Учитель. Я потом прочитала, очень хорошо В. Черкасов пишет об Учителе. Потом Учитель улыбнулся и спросил: "А ты школу закончила?" "Что вы, Учитель, мне уже двадцать лет". "Двадцать лет...!" — сказал ласково Учитель.

В ночь с четверга на пятницу со мной произошел нехороший случай. Я нехорошо поступила — чтобы "не обидеть" человека, я не смогла твердо сказать свое слово, а начала вокруг да около. Получилось как лицемерие. Учитель мне сразу сказал: "В субботу

поедешь обратно, домой". В эту ночь я почти не спала, под утро задремала. И вот, около 7 часов утра распахивается дверь, входит Учитель, огромный, могучий, грозно и резко говорит: "С ними поедешь, сегодня!" указал резким движением руки на дверь и стремительно вышел. Была еще только пятница, 20 августа.

Я как вскочила, села на кровать, когда вошел Учитель, так и осталась сидеть в ночной рубашке, всю трясет, то в жар, то в холод кидает. Это было очень страшно от Учителя услышать. И главное стыдно ужасно, обидно и жалко. Потом поняла, что было невероятно стыдно даже не за свои слова, а за то, что ты посмела огорчить Учителя, поступить так плохо. И Учитель дорогой очень дал почувствовать, на всю жизнь запомнилось, как же мы ответственны за каждое слово свое, за каждую мысль, тем более за каждый поступок, и нет маленькой вины или большой вины, цена одна — ответственность в природе перед Учителем. Не может быть маленького или большого зла, зло есть зло и надо, чтобы у нас, как говорил Учитель дорогой, не осталось никакого зла.

Нет слов, чтобы выразить до конца благодарность Учителю, Создателю, Отцу нашему родному, что Он дал нам мысль о Себе и показал свой Лик Создателя! Как только Учитель вышел из комнаты, мысль у меня начала работать быстро, я поняла, в чем моя вина и что произошло. Ничего не поделаешь, надо собираться и уезжать. Грустная (мягко говоря) собрала свои вещи и вышла из домика, иду прощаться с Учителем и всеми. Вышла, передо мной по дорожке в сад идет Учитель, я за ним плетусь, голову повесила, стыдно, горько, муторно. "Учитель дорогой..." Учитель остановился, повернулся: "Да". "Спасибо вам за все. Извините меня, до свидания". "А в чем дело?". "Да вот, Вы мне сказали, сейчас уезжать". "Ладно. Завтра поедешь", — сказал. "Спасибо, Учитель дорогой!" — расплылась я в улыбке.

Это было такое счастье, вы не представляете, у Учителя было такое твердое слово, и я не думала, даже представить не могла, что так получится. А потом Валентина Л. за столом мне говорит: "Ты понимаешь, просить это хорошо, но надо еще и делать!". Я киваю головой, потом спросила Учителя: "Можно ли голос ставить у

педагога?" Учитель ответил: "Голос могу восстановить только я". А мне так хотелось ходить к Марии Ивановне, я решилась еще раз подойти: "Учитель дорогой, а можно мне ходить к Марии Ивановне? Я ее у вас выпросила, дорогой Учитель!" Учитель засмеялся и говорит: "Ну, раз выпросила, ходи".

Когда Учитель принимал, то сказал: "Выйдешь за калитку, найдешь нуждающегося, дашь ему 50 копеек...". У меня возник вопрос — за какую калитку? Калитку Дома или можно в Москве дать? Это было великое счастье что-то спрашивать у Учителя. Подошла и опять начала издалека: "Учитель дорогой, у меня что-то с памятью стало..." Учитель тут же меня остановил и сказал: "С памятью? Будешь делать так: дыши в голову, смотри прямо вовнутрь в центр головы, тяни воздух и проси свою память. Вот так". И Учитель показал, как надо делать: прикрыл глазки и стал тянуть воздух, рукой показал на центр головы, сюда, мол, тяни, вовнутрь, как бы проталкивая туда воздух и расширяя, наполняя изнутри. Это был незабываемый вдох Учителя. Учитель долго-долго тянул воздух внутрь головы и смотря именно внутрь головы. Мне показалось, Он тянул воздух, делал вдох минут пять-десять, тогда это показалось бесконечно. Потом тихо-тихо, почти бесшумно, как тончайший легкий ветерок, еле уловимый, теплый и ласковый — выдохнул. Такое бережное отношение к воздуху. "Поняла?" "Да, Учитель дорогой". Учитель повернулся и пошел, а я стою со своим вопросом. Еще один урок — просьба к Учителю должна быть очень конкретная, четкая и продуманная, без "подходов" и лишних слов.

Я догнала Учителя и все же спросила: "Учитель, вы сказали — выйдешь за калитку... Это за какую калитку — здесь, из дома на хуторе, или в Москве можно?", Учитель улыбнулся и мягко ответил: "Найдешь..." Я поняла, что неважно где, главное дать. Нашла бабулечку недели через две в Москве.

Теперь о просьбе. Учитель подошел ко мне и говорит: "Дина, покажи, как ты меня просишь". А сам Учитель рядом стоит... Через мгновение я поняла, что надо делать: встала к Учителю боком, подняла голову в небо, потянула воздух с высоты атмосферы и попросила:

"Учитель дорогой, дай мне, пожалуйста, мое здоровье". А надо сказать, что до этого я просила Учителя всегда вслух, а тут только собралась открыть рот и вслух говорить, меня остановило что-то, я думаю — Учитель рядом, что я буду говорить громко, как-то неловко. И впервые у меня получилось попросить "про себя", мысленно.

Учитель радостно сказал: "Правильно просишь". Я так обрадовалась и говорю: "Учитель, это что же, можно "про себя" просить?" Учитель ласково ответил: "Да это как душа и сердце попросят". Мне так хорошо стало, ведь у меня даже такого вопроса не было, а Учитель сам видел и направил меня, как правильно делать, чтобы свое ставить и другому не мешать.

За столом Учитель меня спросил: "Сколько ты получаешь зарплату на работе?". "80 рублей", — говорю. "Вот и хорошо". "Учитель дорогой, сейчас мне хватает, но если на будущее мне не будет хватать, я возьму частных учеников". "А зачем тебе?" "Сейчас мне не нужно, я так, теоретически, на будущее, если не будет хватать". Учитель улыбнулся и так ласково-ласково, проникновенно сказал: "Не надо тебе частных учеников, хватит тебе". И так Он это словами и взглядом вложил в мою душу и сердце. Как же Учитель видел будущее! Прошло уже 16 лет с тех пор, а сложилось в жизни, что хотя я и сейчас получаю зарплату, как пенсию по размеру, мне хватает. Потом Учитель горячо говорил об одинаковой для всех зарплате — 33 рубля, которые каждому будут давать и их должно хватать и т. д. Я подумала: мои 80 рублей — это еще много.

Еще один вопрос. Я спросила: "Учитель дорогой, что мне делать, мама очень переживает, что не ем в субботу. Я с ней часто ругаюсь, кричу. Что делать?" Учитель тихо ответил: "Ты с мамой не ругайся, ты проси меня — все будет хорошо". Слава Богу, все вышло по слову Учителя. А Валентина Л. мне сказала по этому: "Приедешь домой, попроси у матери прощения, скажи: мамочка, я тебя очень люблю, но у меня есть Учитель и, пожалуйста, позволь мне не кушать в субботу и выполнять все по совету Учителя".

О Гимне "Слава жизни!". Я спросила: "Учитель дорогой, а когда можно гимн петь — часто или в торжественных случаях?" Учитель улыбнулся: "Да ты пой..." Я поняла, что когда душа и сердце попросят. И вот было такое. Я очень хотела чем-то помочь Валентина Л., и не знала чем. Вдруг, с крылечка Дома Учитель весело кричит: "Дина, а ты умеешь картошку чистить?" А я тогда только и умела, что картошку чистить — "Умею, Учитель дорогой!", закричала я радостно. "Иди, вот, Валентине помоги". Я так обрадовалась, побежала, слышу голос Валентины Л.: "Нечего ей здесь делать. Нехай в Москву едет, там чистит свою картошку". Учитель руками развел, мол, что я могу поделать — хозяйка решает. Тогда я предложила Валентине Л. перебирать картошку и очищать ее от глины. Это мне Валентина Л. разрешила делать.

Я обрадовалась, стала картошку очищать, как вдруг неслышно подошел сзади Учитель, я даже вздрогнула и говорит: "Дина, давай споем". Я вскочила, картошку побросала, а Учитель сразу как сказал, сразу запел Гимн. Я подхватила. Стоим, поем, Учитель дорогой и я. Валентина Л. говорит: "Да Учитель, да шо ты со своим Гимном пришел, да мы тут картошку...". Учитель как не слышит, поет вдохновенно, жизнерадостно, в быстром темпе, по юношески бодро, голос звонкий и главное — видя перед собой все, о чем поется в Гимне. Учитель своим пением говорил: это будет, обязательно будет. Это не забыть никогда. Валентина Л. встала, кряхтя, потирая поясницу, и тоненько-тоненько подхватила и допела с нами весь Гимн. Потом Учитель повернулся и пошел. Мы продолжили работу. Я поняла, Учитель показал, что Гимн можно петь в любых случаях, всегда помни Учителя, делай все с Его именем и во славу Его, даже когда чистишь картошку.

Через 6–8 картошин у меня вдруг с большого пальца правой руки вместе с комком глины снялась кожа (очень плотно приклеилась к картошке глина), стало очень больно. Я подумала, ну вот, помогла называется. — "Валентина Л., у меня вот тут палец..." "Ну, что с тобой делать, пошли к Учителю". Подвела меня к Учителю и говорит: "Ну вот, москвичи, кожа як папиросная бумага, содрала. Шо с ней делать, чи йодом, чи шо?" Учитель ласково улыбнулся и говорит: "Не надо

ничего". Взял меня за палец и подушечкой своего пальца правой руки сильно надавил на мой больной палец, на подушечку, на самую рану и опустил свою кисть руки с моей в бочку с водой, что стояла возле дома. "Все будет хорошо", — улыбнулся Учитель. Я была счастлива — "Спасибо большое, Учитель дорогой".

Также была свидетелем, как Валентина Л. чисто по-людски разговаривала с Учителем, как бабушка с дедушкой, но когда Учитель просил что-нибудь, она как орлица бросалась немедленно выполнять и оберегала Учителя прямо физически руками, как крыльями вокруг него — так заботилась об Учителе, оберегала Его, взгляд как орлиный. Мне помнится, когда за столом женщины начинали говорить о ком-то или между собой на повышенных тонах, Учитель сразу вставал и ни слова не говоря, выходил из-за стола. Сразу все прекращалось. Успокаивалось. Это было очень сильно, когда Он уходил. Все понимали, что это нехорошо и успокаивались. Как только наступал мир, Учитель возвращался. На моих глазах это было несколько раз.

Ребята из Ставрополя спросили: "А кто такой Учитель Иванов Порфирий Корнеевич?" Мы сидели в маленьком домике, я начала говорить, как вдруг за моей спиной распаивается дверь, быстрым шагом входит Учитель, вырастает прямо до неба, смотрит прямо на меня и говорит: "Ну вот, ребята, Дина тут вот вам немножко обо мне рассказала, а теперь я о себе расскажу". Я прямо похолодела от взгляда Учителя и резкого осознания, что это очень серьезно. И вот Учитель начал говорить. Сказал, что будет о себе говорить, а Сам стал говорить о Природе, что она — наша Мать, что мы должны ее беречь, ценить, хранить, как зеницу ока, а в ней есть воздух, вода и земля, с которыми надо дружить и т. д. Учитель говорил минут 10–15, так глазки прикрыл и говорит, говорит... И все о Природе, о Себе ни слова, а мы слушали.

В пятницу утром я хожу такая блаженная, прекрасный летний день, Учитель разрешил остаться, у Учителя в Доме — как в Раю. Спрашиваю у Марка Ивановича по огород, про кабачки. Вдруг Учитель опять неслышно подошел и спрашивает: "Дина, а ты сегодня обливалась?" "Нет, Учитель дорогой". "Неси ведро, я тебя оболью". Я побежала, как на крыльях, к колодцу возле дома, набрала ведро и

скорее несу обратно. Стала раздеваться и посмотрела на Учителя и вдруг увидела Учителя совсем как 100 лет старенького, уставшего-уставшего, плечики опустил Учитель, ручки висят вдоль туловища, головку наклонил и стоит ждет, чтобы меня облить, как-будто у Учителя сил нет — так мне показалось. И в этот момент так мне стало жалко Учителя, что он бедненький, старенький должен это ведро тяжелое сейчас поднимать, обливает меня. Я вдруг говорю: "Да спасибо, дорогой Учитель, я сама обольюсь". И представьте, Учитель мне ни слова не сказал, мол, "я же тебе сказал" или подобное. Учитель ответил: "Хорошо".

И вот я стала поднимать это ведро, а оно — тяжелое, свинцовое, как гиря, никак не могу оторвать от земли. Корячилась, корячилась, и одной рукой, и двумя (ведь я подумала: что же я сама молодая, здоровая не обольюсь, а Учитель старенький это ведро должен поднимать тяжелое). Еле-еле взгромозила это ведро на уровне груди, выше и речи быть не могло, как-то на себя его ливанула, оно как-то вывернулось и вся вода пролилась мимо, мне только на одно плечо немного попала. Я оглянулась, вся асфальтовая дорожка мокрая, а я вся сухая. Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! — смеюсь только. Учитель спрашивает: "Ну как, деточка, облилась?" — и так строго на меня посмотрел. И тут с меня смех как рукой сняло, как током мысль пробила, что же это я, Учитель сказал — "Оболью", а я самовольничаю, говорю — я сама. Мне так стыдно стало, я говорю: "Учитель дорогой, я все поняла". Учитель говорит: "Ладно, неси второе ведро, я тебя оболью". Тут радость, принесла еще быстрее, чем первое, второе ведро, поставила перед Учителем. Учитель так сильно облил, как целый водопад на меня обрушил, я засмеялась от радости. Учитель спросил: "Ты чего?". "Учитель дорогой, это я так от радости. Когда мне хорошо, я смеюсь". Это был такой жизненный урок. Теперь, каждый день, обливаясь, я прошу: "Учитель дорогой, будь милостив ко мне, благослови мое обливание, помоги мне облиться, иди впереди, я за тобой". Это кроме просьбы о здоровье.

Я когда начала выполнять советы и просить Учителя, мне было 19 лет. Я по тому понятию естественным порядком хотела выйти замуж, иметь мужа, детей, И когда я просила о здоровье, учебе, я практически

одновременно начала просить Учителя о замужестве, такими словами: "Учитель дорогой, дай мне, пожалуйста, друга жизни. Помоги мне найти друга жизни". Просьба должна быть конкретная. И вот через год я познакомилась с прекрасным парнем, который стал мне другом вот уже 8 лет. Другом, но не мужем. И вот Учитель меня спрашивает: "Дина, ну ты нашла друга жизни?" (Представляете? Моя просьба была почти год). Я говорю: "Нет, Учитель дорогой, не нашла". Учитель так тепло посмотрел, улыбнулся и сказал: "Ну вот, когда найдешь, приезжай к нам на хутор, и мы с Валентиной Леонтьевной тебя благословим". Мне так стало хорошо на душе. Я тогда хотела замуж и скажи мне Учитель — не делай этого, я не знаю, как бы я переживала, но тогда я была очень счастлива. Теперь уже мы не видим Учителя, Валентины Леонтьевны нет в видимом для нас мире, а я до сих пор без изменений по этой части. Но — как Бог даст, на все Его воля.

Мне очень хотелось помочь Учителю запечатывать письма. И вот Учитель зовет меня с кухоньки: "Дина, иди сюда. — Я зашла. — Помоги мне запечатывать письма, вкладывай ответ в конверт и пиши обратный адрес". Я такая счастливая, одно письмо подписала, другое и где-то на третьем вдруг вижу ответ Учителя, его первые слова: "Учитель не слышит тебя". Я заметила, что Учитель внимательно на меня смотрел, чтобы я прочитала и осознала эти слова. Я похолодела от этих слов, мир рухнул, мне показалось, что это самое страшное, что может произойти — не землетрясение, не наводнение, а именно вот это — "Учитель не слышит тебя". Значит, думаю, не дай Бог себя так вести, чтобы Учитель не слышал тебя. Здесь, видимо, могу быть разные толкования, но сам факт — огромной ответственности перед Учителем пронзил все мое существо. Учитель, увидев мое состояние, сразу сказал: "Ну, все хватит. Иди".

Ребята из Ставрополя попросили сфотографироваться с Учителем, Он согласился. И вот Учитель стоял посредине, взял одного парня за руку, меня за вторую, а другой парень фотографировал. Потом ребята поменялись местами. И вот у них не получалось что-то. Учитель стоял-стоял, рассмеялся и говорит мне: "Смотри, что-то ничего у них не получается". Так и вышло, фотографии у ребят не получились.

Учитель спросил за столом: "У тебя есть мое хвото?" Я не поняла. Настенька мне на ухо: фотография. Я говорю: "Да, есть, спасибо. Вы мне в Москве дали и подписали". Учитель говорит: "Хорошо. А билет на обратную дорогу есть?" — "Нет, дорогой Учитель, я брала только сюда". А был конец августа и билет к 1 сентября практически достать было невозможно. Учитель говорит: "Когда придешь на вокзал, скажешь, что ты от Иванова Порфирия Корнеевича и тебе дадут билет". "Спасибо большое, Учитель дорогой!". Так все на вокзале и произошло.

В субботу 21 августа я вышла рано, в 7 утра, чтобы ехать на дизеле, точнее идти на дизель. Учитель уже давно встал и провожал сам. Я сказала: "Учитель дорогой, спасибо вам за все". Поцеловала Учителя, попрощалась с Валентиной Леонтьевной, поцеловала ее. И уже собираюсь уходить, Учитель говорит: "А ты с Настенькой попрощалась? Иди, прощайся". Побежала к Настеньке, поблагодарила ее, потом с Марком Ивановичем, с Татьяной Федоровной попрощалась. Сказала Учителю дорогому "До свидания!" и вышла за калитку. До дизеля меня провожал Володя из Москвы, что приехал в пятницу утром. Учитель дорогой и Валентинушка Л. вышли за калитку и махали мне вслед рукой, Я опять обернулась, а Учитель все машет мне рукой... Если бы я знала тогда, что до ухода Его я больше не увижу Учителя. К 20-му февраля 1983 года мне пришло письмо "Если есть желание, милости прошу на 20 февраля 1983 года". Я не поехала. Думала, успею, летом приеду. Не успела... Как все надо делать вовремя.

У Учителя есть такие слова: "А Я вам оттуда больше помогу". И вот, когда ушел Учитель от нас, мне так показалось, что помощь стала идти большим потоком, мгновенно получалось, мгновенно по просьбе давалось. Как-будто Учитель дорогой освободился от этого тела и Дух Его вечный разлился по всей земле, по всей Вселенной. Освободился и свободным, мощным потоком парит. И как-будто Учитель говорит: "Не переживайте, деточки, не плачьте, я никуда не ушел, Я всегда с вами". Учитель дорогой, прими все наше во Славу Твою и нам счастье только от того, что есть Мысль о Тебе и что будет так, как ты сказал: — ЭТО БУДЕТ И ОБЯЗАТЕЛЬНО БУДЕТ!

И больше ничего не надо. Слава Твоя в веках!

Дина Кондрашина, 15 февраля 1999 года.

Мои встречи с Учителем. Александр Морозов

Об Учителе П.К. Иванове я узнал осенью 1982 года, когда мой друг Андрей, прочитав журнал "Огонек" N 8 за 1982 год, поехал и встретился с Учителем. Вернулся он от него весь переполненный увиденным и услышанным. "В России живет Бог! Мы тут о Востоке мечтаем, а у нас в России живет свой Великий Учитель!"

Мы в то время учились в Московском институте электронной техники. Увлекались каратэ, йогой, прочли статьи В. Сидорова "Семь дней в Гималаях". Грезили о Востоке, махатмах, мечтали найти живого Учителя. Андрей помог мне попасть на лекцию московского врача Олега Быкова об Учителе и о Его закалке-тренировке и на следующее утро мы побежали на озеро купаться, стали голодать по субботам — в общем, сразу приняли это учение, старались выполнять его с точностью. Я написал письмо Учителю с просьбой приехать к нему и напряженно ждал ответа. Ответ был лаконичен: "Есть возможность, приезжай в любое время. Желаю счастья, здоровья хорошего. Учитель".

В конце ноября 1982 года мы с Андреем выехали на хутор. Добрались уже к вечеру. Андрей постучал в дверь летней кухни, и мы вошли. В кухне было много людей, Андрея сразу узнали. Учитель стоял, опершись рукой о стол. Он кушал соленый арбуз и выплевывал косточки на стол. Арбузный сок стекал по Его бороде. При виде Андрея Он засмеялся негромким старческим смехом. Андрей подошел и поцеловал Его в щеку, а я не решился.

— Андрей, а это кто с тобой? — спросил Он.

— Это мой друг Саша, он тоже занимается по твоей системе, Учитель.

— А вы зачем приехали? — Он повернулся и посмотрел на меня. Я весь вздрогнул и напрягся под Его взглядом. Смотрел Он пристально и как-будто не на меня, а сквозь меня, куда-то дальше. Казалось, что каждый глаз смотрит отдельно от другого. Его взгляд пронизывал меня насквозь. Я был смущен и покороблен Его вопросом, потому что долго готовился к этой встрече, мечтал о ней, боялся, что Учитель меня не примет, увидев, что я не достоин этого. И тут вдруг такой вопрос. Я выдавил из себя что-то вроде: "Я тебе письмо писал, Учитель. Ты разрешил приехать. Хочу поговорить с тобой". Он как-то удовлетворенно хмыкнул — "Ну, ладно", доел арбуз и Валентина Леонтьевна полотенцем бережно, как ребенку, вытерла Ему губы, бороду и руки. После этого Он отошел к дверному косяку рядом со спальней. Он обычно стоял в дверном проеме, опершись рукой о косяк или у стола и никогда не садился. Потом как-то Он сказал нам, что когда человек стоит, он живет, когда садится — умирает, когда ложится — уже умер.

Нас усадили за стол, Валентина Леонтьевна подала нам первое и второе. Мы с Андреем за едой начали рассказывать о лекции, которая состоялась в нашем институте, что приезжали супруги Быковы и Э.К. Наумов. Лекция получилась хорошая, но все ждали приезда Учителя, как Он обещал, а Он не приехал. На что Учитель ответил, что Он очень хотел приехать, но Природа Его непустила. Он два раза спрашивал у нее, но получил отказ. Андрей сказал Учителю, что работникам КГБ нашего института не понравились отдельные моменты лекции и его, как организатора лекции, могут наказать. На что Учитель стал горячо говорить, что этого не будет, что если будут вызывать в КГБ, пусть Андрей выйдет босыми ногами на землю и сильно попросит Учителя и все будет хорошо. В последствии так и вышло: Андрея никуда не вызывали.

Потом мы рассказали, что вместе учимся в институте, бегаем купаться и стараемся правильно выполнять правила. Учитель спросил, где мы обычно купаемся, мы ответили, что иногда купаемся в озере, а иногда под душем.

— Нет, озеро лучше, чем душ! Встал с постели, беги голым телом в Природу.

— Учитель, а мы вот по асфальту бегаем, а не по земле, это ничего?

— Ничего. Асфальт — это тоже земля!

У меня в голове вертелся вопрос о надвигающихся холодах, и я спросил:

— Учитель, по радио объявляли, что ожидаются холода минус 30 градусов. Как же тогда бегать? Может быть нужно надеть шапку и кеды, а то ведь можно обморозиться. (К тому времени я уже имел некоторый опыт в этом деле: обмораживал пальцы на ногах и уши).

— Ничего не надо надевать. Так беги! Природа живого не трогает! А это не твое, это мертвое, — сказал Учитель, подойдя ко мне близко и показывая пальцем на облезшую кожу на моих ушах. В голосе Его зазвучали напор и сила, чувствовалось, что этот вопрос глубоко задел Его. — Ничего не бойся, беги! — повторил Он и мне стало жутко. Я представил себе 30-ти-градусный мороз и черную, как чернила, воду в проруби.

Я еще много раз потом пытался выполнить этот завет Учителя, но результат всегда получался один и тот же: в сильные морозы я обмораживался и надолго выходил из строя. И как-то раз после очередной неудачи я получил от Учителя короткий и исчерпывающий ответ на многие мои вопросы. В письме он написал: "Саша, делай так, как ты меня понял и говорит твое благоразумие". И для меня многое встало на свои места. Но это было потом, а тогда при встрече я слушал и запоминал Его каждое слово. Я лучше рассмотрел Его, когда Он стоял передо мной.

Был Он величественный, высокого роста, с густыми белыми волосами и бородой, в одних черных трусах. Кожа была удивительного золотистого цвета, как крестьянское масло и на ощупь очень гладкая и

тонкая, на руках были пигментные пятна, пальцы были узловатые и старчески дрожали. У него большой, тугой живот, правая нога была толще левой и нездорового красного цвета. Чувствовалось, что она причиняет Ему неудобство: ходил Он очень осторожно.

Обращала внимания такая особенность в Его поведении: несмотря на то, что Он вел с нами разговор, реагировал на вопросы, чувствовалось, что Он весь чутко настроен на что-то еще, как антенна, как-будто кроме окружающей действительности для Него существовала еще какая-то, может быть более важная реальность. На это также указывала такая его привычка — иногда среди разговора Он вдруг с громким фырканьем выдыхал воздух через рот, энергично при этом растирая переносицу кончиками пальцев (Он советовал делать так, если вам плохо или тяжело, или на вас нападают).

Я спросил у Него, правда ли то, что Он говорил, что пришел с Востока?

— Ну да, я пришел с Востока и остановился у русских людей, самых бедных и обиженных.

Между тем за разговором мы завершили ужин. Я очень плотно наелся, но Валентина Леонтьевна подала еще чай с большим куском торта. Учитель стоял рядом с ней, словно руководя, иногда брал у нее тарелки из рук и ставил перед нами. Я съел один кусок торта и почувствовал, что больше не смогу съесть ни куска, иначе мне будет плохо. Но Учитель почему-то настойчиво пододвигал мне тарелку с тортом, уговаривая:

— Ну, Саша, скушай еще кусочек! — Он словно испытывал меня. Для меня настал довольно критический момент, потому что Андрей учил меня, что нельзя отказываться, если Учитель что-то предлагает, но с другой стороны, я просто физически не смог бы уже что-нибудь съесть.

"Может быть, если я съем еще, наступит какое-нибудь чудо, все-таки Учитель не зря предлагает", — подумал я. Но после некоторых

колебаний сказал: — Нет, не могу! — Учитель как-то даже облегченно ответил: — Ну и ладно! — И я тоже с облегчением вздохнул.

— А вы мне мороженого не привезли? — спросил Он.

Андрей сконфуженно ответил:

— Нет.

— Ну что же вы так, я люблю мороженое. — Он что-то спросил у Валентины Леонтьевны и сказал нам: — Ну, вы идите отдыхать, а завтра мы Сашу с утра примем. — Мое сердце радостно забилося, я очень боялся, что Учитель может меня не принять, решив, что я не достоин этого.

Мы побежали в дом, положили вещи и направились к колодцу обливаться. Было уже темно и как-то страшновато спускаться вниз по тропе к колодцу, но вдруг на крыльце сама собой вспыхнула лампочка. Для нас это было чудо, ведь к выключателю никто не подходил. Он находился тут же на крыльце, но никого, кроме нас, здесь не было. Тем временем Валентина Леонтьевна приготовила нам постели, после купания мы смотрели телевизор и разговаривали с людьми, которые также как и мы приехали к Учителю. Москвичка Римма Григорьевна Подоксик рассказывала интересную историю из своей жизни.

Однажды она сильно заболела гнойной ангиной, и врач назначил ей операцию на определенный день. А в ночь перед операцией ей приснился Учитель, который сказал, что болезнь ее пройдет и никакой операции делать не нужно. На утро лечащий врач не поверил своим глазам, болезнь прошла.

Мы еще о чем-то поговорили и тут нас с Андреем позвали к Учителю в спальню. Учитель лежал в кровати под теплым одеялом, положив правую руку под щеку, полузакрыв глаза. В комнате было жарко.

— Ну, что вы хотели спросить у меня? — спросил Он.

Мы по очереди стали задавать Ему заранее приготовленные вопросы. Меня очень интересовал такой вопрос:

— Учитель, а вот как ты советуешь насчет половых отношений? — Я ожидал, что Он ответит, что это мое личное дело, но Он ответил так:

— Похоть — это не хорошо, это процесс бесконечный, засасывает как болото. Похоть — это смерть для нас. Лучше без этого совсем обходиться, но если не можешь, тогда женись. — И я понял, что мне еще много нужно работать над собой. Так же отрицательно он отозвался об онанизме.

— Учитель, а сколько нужно спать?

— Спи сколько нужно, но помни, что лишний сон отнимает здоровье. Лучше раньше ложиться и раньше вставать.

Потом Он расспрашивал нас о нашей учебе, на кого мы учимся, трудно ли учиться, выслушал нас и изрек:

— Наука — процесс бесконечный. Ваши учителя у вас отнимают, а я — даю.

Я вспомнил, как Андрей мне говорил, что в предыдущий приезд спрашивал Учителя — стоит ли вмешиваться в уличные драки и разнимать дерущихся? На что Учитель тогда сказал ему: "А какое ты имеешь право судить? Не в свои сани не лезь!" И я спросил у Него:

— Учитель, Христос сказал, что если тебя ударят по одной щеке, подставь другую. А как Ты советуешь? Он ответил:

— Если ты чистый, то тебя никто не тронет.

Мы спросили Его насчет сознательного терпения. Что это такое? Он ответил так: — Терпеть сознательно для себя — это не то, это

неправильно. Нужно терпеть сознательно для других. — И добавил: — У нас сознание определяет бытие. — Затем Он умолк на полуслове и мы увидели, что Он заснул. Мы на цыпочках вышли в соседнюю комнату, но прошло пять минут, как послышался Его голос, зовущий нас. Мы вернулись в Его комнату и продолжили разговор. Среди прочего, Он сказал: — А я ведь и умереть могу.

Тогда мы не обратили внимание на эти Его слова, ведь Он казался нам бессмертным. Также Он сказал: — А может быть есть другие великие Учителя, я же не знаю. — Я спросил Его насчет своей старенькой, больной бабушке, которая знает об Учителе, но очень боится холодной воды. — Не трогай старушку, — ответил Он. За разговором Он окончательно уснул, и мы тоже пошли спать.

Утром нас разбудили очень рано. Учитель ждал меня возле кожаного дивана в большой комнате дома. Я в одних плавках лег на диван. Учитель склонился надо мной, свел мои ноги вместе, руки положил вдоль туловища, взял левой рукой за большие пальцы обеих ног, а правую руку положил мне на лоб. "Посмотри мнением в голову, грудь, сердце, легкие, в живот посмотри. Пошевели пальцами рук, ног", — говорил Он.

Я старался сосредоточиться на своем теле. Никаких особых ощущений у меня не появилось, просто мне было хорошо и спокойно под Его руками. Потом Он попросил меня встать, взял за руки, потянул за каждый палец и стал передо мной. Сказал мне, что я должен буду два раза в день обливаться холодной водой, раз в неделю воздерживаться от пищи и воды, выходить на землю босиком, выполнять дыхательные упражнения через рот, мысленно обращаясь к Нему, здороваться с людьми, не плевать и не харкать. Потом Он хотел повести меня во двор, чтоб облить, но тут Андрей предложил:

— Учитель, можно я его оболью?

Учитель утвердительно кивнул и мы с Андреем побежали к колодцу. Андрей окатил меня двумя ведрами колодезной воды, и мы вернулись в дом. Учитель вновь взял меня за руки и сказал, что мне

следует найти бедного, нуждающегося человека и дать ему 50 копеек со словами, что я даю эти деньги, чтобы у меня было здоровье. Потом Он сказал: — Теперь делай то, что Я тебе сказал, и у тебя все будет хорошо.

Мы прошли в Его спальню и Валентина Леонтьевна прямо на одеяле, на полу сделала мне массаж всего тела. Она тщательно размяла меня всего, указала на больные места, хотя я не говорил ей о них, заставила встать, наклониться и достать ладонями пол. Я не смог этого сделать, и она повторно размяла мои ноги. Это было очень больно, так как она становилась всем весом на мои ноги в районе коленей. После этого я уже легко доставал пол руками. Учитель стоял рядом и внимательно смотрел на это. После того, как я встал, Он взял со стола свою маленькую фотографию и написал на ней: "Саша, Учитель дарит фото желает счастья, здоровье хорошее. Учитель 22 ноября 1982 года" и дал мне ее со словами: — Береги как око!

Я с благодарностью взял фотографию, в тот момент она была для меня дороже любого подарка.

— А "Детка" у тебя есть? — спросил Он.

— Да, есть.

— Ну и ладно.

Андрею тоже захотелось массажа, и он с позволения Валентины Леонтьевны лег на одеяло. А я подошел к Учителю и пожаловался, что у меня постоянно заложен нос. Тогда Он прикоснулся пальцами обеих рук к моему носу и подержал их так недолго, при этом Он внутренне сосредоточился.

У Андрея в то время побаливала нога после приступа рожи, и Учитель тоже подержал руку на его больной ноге, пристально всматриваясь в больное место. Я обратил внимание на то, что Андрей всегда целует Учителя в щеку, но сам я не решался этого делать. Учитель заметил это (Он очень внимательно относился ко мне, часто

угадывал мои мысли и предугадывал вопросы) и сказал: — Ты ведь не просто меня целуешь, ты болезни свои снимаешь.

И после этих слов я тоже стал целовать Его при каждом удобном случае. Он, как правило, не отвечал на поцелуй, а просто терпеливо ждал, когда Его поцелуют. Он еще принимал людей, а мы в это время взялись пилить дрова в саду. Когда Учитель проходил мимо меня, у меня дух захватило от какого-то восторга. Я поворачивался к Нему и вытягивался, смотря на Него во все глаза. За обедом я спросил:

— А можно мне поголодать побольше, несколько дней подряд, чтобы лучше очиститься?

— Зачем? Я тебе сказал, что делать! Не самовольничай!

— Учитель, я вот сладкое люблю, не могу сдержаться себя.

— Да ешь!

После обеда мы сидели в доме, и Андрей достал из портфеля стихи медитации В. Сидорова. Вошел Учитель и поинтересовался, что мы читаем. Андрей прочел Ему несколько строк об Абсолюте, чакрах, медитации. Учитель напряженно вслушивался. Он даже приставил к уху руку, чтобы лучше расслышать, потом отмахнулся рукой.

— Это все техническое.

Андрей, задетый этим определением Учителя, начал рассказывать Ему о Рерихе, но Учитель перебил его. — А зачем он из России уехал? Это он неправильно сделал. Не нужно уезжать из России. — И больше Он этой темы не касался. Он повел нас в другую комнату, где стояла тумбочка с его тетрадями и сказал:

— Вот, Саша, у меня тут тетради, бери, читай.

Мы выбрали по тетради и уселись читать. Учитель уже повернулся, чтобы выйти, но мне очень хотелось спросить у Него что-

нибудь и я показал Ему свои обмороженные пальцы на ногах и спросил Его:

— Учитель, я обмораживал пальцы, когда бегал. Не получается иначе. — Он сочувственно покачал головой и сказал:

— Ты когда бежишь по снегу, поднимай пальцы вверх, тяни их на себя, не давай соприкасаться со снегом и дыши в них.

— Учитель, еще руки очень мерзнут, особенно пальцы.

— А ты их крепко сожми в кулак и не разжимай и тоже дыши. — Тут я задал вопрос совсем на другую тему:

— Учитель, а за что Природа Христа убрала?

— А за то, что Он на ослицу сел.

— А что, нельзя Ему было на ослицу садиться?

— Ну да, нельзя. — Свой вопрос я задал потому, что раньше Андрей спрашивал Учителя — почему Природа убрала так рано Ленина. На что Учитель ответил: "А за НЭП. Нельзя было людей обижать".

Удивительно было то, что на все вопросы Он отвечал сразу, не раздумывая, какой бы темы не касался вопрос. Может быть, все люди задавали примерно одинаковые вопросы, но у меня сложилось впечатление, что Он знает в некоторых случаях заранее, что я спрошу, и что Он обладает знанием обо всем, и потому Ему не нужно раздумывать, что отвечать. Андрей сказал мне, что Учитель в этот раз разговорчивее, чем в прошлый его приезд. Он действительно был очень заботлив, окружив нас своим вниманием.

Удивительное чувство было, когда Он появлялся в комнате. Сначала появлялась белая голова, которую Он склонял, чтобы не задеть притолоку, а потом уже появлялось большое тело, которое,

казалось, заполняло всю комнату. Было такое ощущение, что в комнату вливалось Солнце. От него шла незримая сила, тепло и покой. В Его присутствии меня охватывало чувство восторга и робости, не покидало ощущение необычности происходящего. Если бы в этот момент произошло какое-нибудь невероятное чудо, я бы ничему не удивился. Все происходящее вокруг было чудом. Этой встречи я ждал всю жизнь. Всю жизнь мне не хватало опоры, точки отсчета, меня мучили сомнения, страхи, порой жизнь казалась бессмысленной. Но временами я чувствовал чье-то незримое присутствие, чью-то высшую защиту и надеялся, что когда-нибудь найду своего Покровителя. Поэтому, когда я узнал про Учителя и особенно когда увидел Его фотографию, я сразу поверил Ему, почувствовал сердцем, что Он ТОТ, которого я искал всю жизнь.

И вот Он стоит передо мной, и я понимаю, что Он видит меня насквозь, видит всю мою прошлую и будущую жизнь. И потому мне боязно, что Он увидит все мое несовершенство и отринет меня. Но с другой стороны я понимаю, что Учитель безконечно добрый и всепрощающий и в Нем только отеческая любовь и забота обо мне. Я понимаю, что идти по дороге Учителя будет порой трудно и сложно, и не знаю, хватит ли у меня сил, чтобы не сорваться, но понимаю, что теперь, всю мою жизнь Учитель будет со мной. Он всегда мне поможет и защитит. И это наполняет мое сердце радостью — Я НАШЕЛ УЧИТЕЛЯ!

Вечером я хотел зайти в летнюю кухню, но в освещенное окно увидел Учителя, склонившегося над столом, за которым сидела и писала Валентина Леонтьевна. Она отвечала на письма, и я понял, что им лучше не мешать. Эта картина прочно врезалась в мою память: Учитель, освещенный настольной лампой, весь белый, смотрит через окно на меня. Взгляд Его глубокий и проникающий в душу.

Когда мы прощались, Учитель сказал нам строго:

— Распространяйте Мое учение!

Мы расцеловались. Андрей попросил Учителя мысленно помочь нам попасть на поезд. Мы шли на поезд, и я долго еще оглядывался на ЕГО ВОРОТА...

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С УЧИТЕЛЕМ

состоялась недели через 2–3, когда я приехал на хутор с двумя своими друзьями, которые тоже хотели, чтобы Учитель их принял.

Когда мы входили во двор, из летней кухни, опираясь рукой о стену, вышел Учитель. Он словно ждал нас. Мы подошли к Нему.

— Саша? — узнал Он меня.

— Да, это я, Учитель. А это мои друзья, они тоже хотят, чтобы ты их принял, — сказал я и поцеловал Его. Мы вошли в кухню, поздоровались со всеми. Я почувствовал, что все чем-то встревожены. Валентина Леонтьевна рассказала, что только что приходили власти и запретили Учителю принимать людей.

— Не разрешают мне с молодежью встречаться. Я хотел с молодежью просить Природу за мир, а мне не позволяют! — сокрушенно говорил Учитель.

Следует сказать, что тогда в 1982 году очень явственно ощущалась угроза ядерной войны между СССР и США. Гонка вооружений достигла критического момента. Все жили с постоянным страхом войны и самым добрым пожеланием тогда было "Лишь бы не было войны".

Учитель говорил, что Ему нужно собрать молодежь, взойти на бугор и просить Природу за мир. И тогда войны не будет. Я тоже расстроился и встревожился, но Учитель подошел ко мне и заботливо положил мне руку на плечо и я быстро успокоился. Очень приятно мне было чувствовать Его близость. Нас посадили за стол и накормили. Валентина Леонтьевна сказала нам, что Учитель примет ребят, и мы должны сразу уехать. Учитель принял моих друзей там же в летней

кухне. Валентина Леонтьевна повела их на двор обливать. Мне тоже захотелось облиться и я спросил:

— Учитель, а можно обливаться больше двух раз в день?

— Можно! Есть желание — иди обливайся!

Я вышел в сад, облился. Когда я вернулся, Учитель стоял на дворе и смотрел, как Валентина Леонтьевна обливает ребят. Я подошел к нему с вопросом:

— Учитель, когда чирей выскочит, его можно выдавливать?

— Нет, давить нельзя. Ты тяни воздух с высоты, дыши в это место и меня проси. Враг, он ведь снаружи нападает (показал пальцем в сторону) а ты его встречай изнутри. — Мы зашли на кухню и стали обсуждать, как нам удобнее попасть в Москву. Учитель насчет прихода властей еще сказал:

— Ну, так ведь они — это тоже Природа, значит, я должен им подчиняться.

Больше мне не удалось ничего у Него спросить, а Миша Дьяченко спросил:

— Учитель, а где лучше всего купаться?

— Лучше всего купаться в море.

И мы сразу уехали. С нами вместе ехали супруги Пичугины из Москвы, которые очень скоро стали для меня очень близкими и родными людьми.

В перерывах между встречами я писал Ему письма. Писал очень часто, потому что с тех пор, как узнал Учителя, жизнь моя сильно переменилась, изменился взгляд на мир, причем все это происходило так быстро, что порою голова шла кругом и казалось, что схожу с ума.

Появилось много необычных мыслей и ощущений, обострилась чувствительность. Я стал видеть и чувствовать то, что скрыто от обычного человеческого взгляда.

Самый удивительный случай произошел со мной на лекции об Учителе, которая проводилась в г. Химки Московской области в январе 1983 года. Ее читал врач из Москвы О.Г. Быков. Лекция проходила на подъеме, благодаря вдохновенному рассказу Олега и живому отклику слушателей, среди которых были и последователи Учителя.

Вначале лекции Олег исполнил Гимн "Слава жизни!". Пел он сильно, с чувством, вкладывая всего себя. Мне казалось порою, что он увеличивается в размерах, начинает взлетать над сценой. Но при первых же словах Гимна администратор, сидевший за столом на сцене слева от Олега, проявил признаки беспокойства. Видимо, слово БОГ в Гимне его испугало, и он решил прекратить лекцию.

Его можно было понять, ведь в те годы говорить на такие темы публично запрещалось и его могли наказать как организатора лекции. Он стал подходить к Олегу, стоящему на трибуне. После исполнения Гимна, он приступил к самой лекции. И тут я увидел, как слева от Олега, вернее, между ним и администратором в воздухе проявились контуры большой человеческой фигуры. Это был большой кокон, оболочка выше Олега, которая не имела конкретных черт лица и конечностей, а была сгустком овальной формы. Цвет ее был золотистый, очень красивый, сияющий золотистый цвет. Оболочка не имела четкой границы, потому что во все стороны от нее распространялось очень нежное свечение и все это двигалось, "дышало", переливалось.

Оболочка передвигалась по сцене и когда она отодвигалась назад к занавеси, то исчезала, и на этом месте появлялся сияющий белый крест. Потом она появилась справа от Олега. Интересно, что когда она появилась между Олегом и администратором, последний не мог приблизиться к Олегу. Я был поражен этим зрелищем, понимая, что увидел присутствие Учителя в зале, Его поддержку, помощь Олегу и

осознание этого факта наполняло меня восхищением перед могуществом и силой Учителя.

Интересно, что некоторые знакомые говорили потом, что тоже видели и чувствовали особые вибрации во время лекции, но не в таком виде, как я. Позже я узнал, что Учитель всегда просил Олега заранее сообщать Ему точное время лекции и по свидетельствам людей, присутствующих в это время на хуторе, в указанное время уединялся и просил Его не беспокоить. Однажды, кто-то пытался Ему задать вопрос в это время, но Учитель сказал: "Не мешайте! Вот сейчас Олег Гимн исполняет, ему мешают".

Обо всем этом я писал Учителю, спрашивал у Него совета, делился своей радостью. Мои письма были длинными, насыщенными эмоциями и мыслями. Иногда, написав письмо, я чувствовал, что можно и не отсылать, потому что ответы на мои вопросы были уже во мне. И с каким нетерпением я ждал ответа.

Учитель отвечал на все мои письма, но Его ответы были короткие и лаконичные: одна-две фразы. Как правило, Он благодарил, что я не забываю Его, приглашал к себе в гости. Были также конкретные ответы на вопросы, Его советы. В конце письма Он обязательно писал "Желаю счастье, здоровье хорошее. Учитель". Его письма производили сильное воздействие. Казалось бы, одна-две фразы, но не только их содержание оказывало воздействие, а то, что они были насыщены Его силой и духом. Какой-то сгусток энергии и мыслей, существующей самостоятельно.

Даже во снах я не расставался с Учителем. Сны с присутствием Учителя были такими яркими и реалистичными, что когда я просыпался, мне казалось, что я не спал, а действительно общался с Учителем. Запомнился такой сон: стоит Учитель, весь светящийся, как Солнце, и я понимаю, что Он — ЭТО САМА ИСТИНА. Я подхожу к Нему с вопросом — Учитель, так в чем же ИСТИНА? Какая она?

— А ты ищи ИСТИНУ!

— Искать?

— Ну да, искать. А если не искать, тогда зачем жить?

Когда я написал Ему об этом сне, Он ответил так: "Саша, детка, ты уже взрослый, знаешь, где хорошо, где плохо. Храни ИСТИНУ КАК ОКО. Желаю счастье здоровье хорошее. Учитель".

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Когда я с друзьями приехал на хутор 20 февраля 1983 года на Его день рождения, это была моя третья встреча с Ним. Было очень много людей со всего Союза. Нас провели в кухню и посадили за стол. Учителя здесь не было. Он был в доме, разговаривал с людьми. Когда мы ужинали, в кухню вошла Анна Петровна Тришина с какой-то бумагой и сказала: "Вот, послушайте, какое послание нам передали незнакомые люди в военной форме", — и начала читать предсказание великих Учителей Востока о новом пути, открываемой в Советской России Иваном Стотысячным, в котором говорилось о новом пути, который связан с образом Ивана Стотысячного, который уже появился в России.

Об этом послании Учитель сначала сказал: "Это мне Природа подарок ко дню рождения преподнесла". Еще Он сказал, что Иваном Стотысячным может быть каждый, лишь бы был ДУХ СВЯТОЙ. Но позже, через несколько дней я узнал, что Учитель спрашивал у Природы об этом послании и получил ответ, что Он не Иван Стотысячный.

Чуть позже в кухню вошел Учитель, мы повскакивали со своих мест и стали целовать Его. Он терпеливо переносил наши поцелуи, потом подошел к кровати и прилег на нее, подложив правую руку под затылок и стал разговаривать с нами:

— Вот вы тут собрались, вы все выполняете правила. Ну, как у вас получается?

Мы отвечали, что когда как, но мы стараемся выполнять.

— Ну, а кому-нибудь из вас было когда-нибудь плохо от этого? — Мы отвечали, что нет. Тут поднялась женщина и сказала:

— Учитель, у меня был рак груди, и Вы вылечили меня. Рака больше нет, но вот грудь иногда побаливает.

— А ты выйди прямо сейчас босиком на снег, подыши и меня попроси. — Женщина вышла и через некоторое время вернулась.

— Ну что, стало лучше?

— Да, стало.

— Ну вот, так делай всегда и все у тебя будет хорошо.

Кто-то из присутствующих сказал, что с приходом Андропова к власти в стране стали наводить жесткий порядок, даже возле хутора были милицейские заслоны, которые проверяли документы у всех приезжающих на день рождения. Учитель отвечал:

— Да, порядки наводят. Но это не надолго. — И повторил это еще раз. Какой-то мужчина спросил:

— Учитель, если нет возможности на земле постоять босиком, можно на балконе?

— Можно.

Мы поужинали и нас отправили спать во флигеле. Там было очень оживленно, люди познакомились друг с другом, общались, обменивались адресами. В гости к нам часто приходил физик-теоретик Игорь Хвоцевский, и мы подолгу слушали его рассказы об Учителе, его собственные объяснения идеи Учителя. Однажды, когда Игорь увлеченно рассказывал нам что-то, в комнату вошел Учитель.

Мы повскакивали, стали жадно ловить Его слова. Он начал нам что-то говорить, но Игорь все время перебивал Его и тогда Учитель запел Гимн. Это было очень неожиданно для нас: пел Учитель негромким, старческим голосом. Когда мы все вместе с Ним спели Гимн, Он сказал нам:

— У вас все тела чужие, а у меня — свое. Мы в Природе не живем, мы только воняем по Природе. А смерти в Природе нет. Ее человек сам на себе развил из-за того, что ешь, одеваешься и в доме живешь. Надо научиться без этого всего обходиться!

Игорь попросил Его рассказать что-нибудь из своей жизни, но Учитель ответил ему: "Ты у меня теоретик, ты и рассказывай". Тогда Игорь стал рассказывать, а Учитель иногда поправлял его. Однажды, еще в начале своего пути, Учитель шел по дороге и увидел в небе самолет. Он сказал себе: "Если моя идея правильная, то самолет сейчас опустится на землю". Так и произошло. Самолет начал снижаться и сел на поле. Учитель подошел к нему, чтобы спросить у летчика, в чем дело. Летчик ответил, что случилась маленькая неполадка с мотором.

В другой раз Учителю нужно было попасть в какую-то деревню, но Он не был уверен, правильно ли Он идет. Он остановился на развилке дороги и тут увидел человека, который шел навстречу. Человек подтвердил Ему, что Он идет правильно. Учитель пошел своей дорогой и, пройдя немного, оглянулся. Человека не было, хотя местность вокруг была ровная и укрыться было некуда...

Как-то раз Учитель был сильно обижен людьми и решил уйти из этих краев. Он пошел на запад, как вдруг разыгралась сильная гроза с ветром, и пошел крупный град. Град сильно хлестал Его, мешал продвижению, а одна градина очень сильно ударила Его прямо в лоб. И Он понял, что погорячился со своим решением и повернул назад. Гроза сразу же прекратилась, и выглянуло Солнце.

Однажды Учитель был в гостях у людей, которые боялись воров и на ночь крепко запирали ворота на ключ. Учитель ночевал у них, но Ему нужно было рано вставать, когда хозяева еще спали. Он подошел

утром к воротам, и они раскрылись. Хозяева потом долго удивлялись, как Он сумел открыть ворота без ключа...

Шел как-то Учитель вдоль реки и увидел рыбаков. Он спросил у них, где же улов. Ему ответили, что рыба не ловится. Тогда Он попросил их, чтобы при нем забросили сети в воду, что и было сделано. Когда рыбаки вытащили сеть, она была полна рыбы. В награду рыбаки подарили Учителю самую большую рыбину.

Вот о каких случаях рассказал Игорь, а Учитель стоял рядом и лишь изредка что-нибудь подсказывал ему. Я ловил взгляд Учителя, он был неподвижный и пронизывающий. Учитель своим взглядом словно вел со мною неслышный разговор, как-будто выглядывал что-то во мне, и я весь вытягивался и трепетал. Было такое ощущение, что я один на один с этим всеобъемлющим взглядом, которым захватывал меня целиком. Казалось, остановилось время, и сама вечность смотрит на меня. Ни у кого из людей никогда больше я не встречал такого взгляда.

В комнату к нам набилось много народа, разговоры не прекращались до поздней ночи. Среди гостей был один человек по имени Стас, который увлеченно занимался йогой и постоянно сидел в какой-нибудь позе. На хутор он приехал в первый раз, чтобы посмотреть на Учителя. Учитель несколько раз подходил к нему и говорил: "Стас, не занимайся йогой!". Стас недоумевал и расспрашивал многих, пытаясь понять, почему Учитель не рекомендует ему заниматься йогой.

На следующее утро, в воскресенье, Учитель вошел в нашу комнату, спросил — нужно ли кого принять, и принял двух моих друзей из Челябинска прямо во флигеле, облил их у порога. Андрей подошел к Учителю, поцеловал и сказал: "С днем рождения, Учитель!" — И все стали поздравлять Его, целуя. Он был в новых выглаженных трусах. Кто-то пошутил: "Вам на одежду нужно два метра сатина. Хотя...". Он выглядел больным и печальным, что-то тяготило Его.

Некоторые подходили к Нему с просьбой сфотографироваться на память. Он фотографировался. Где бы Он не был, вокруг Него всегда было много людей и для каждого у Него всегда находилось нужное слово. По общей договоренности все собрались в саду, а потом двинулись вниз, к колодцу. Учителя поддерживали под руки на спуске — было скользко. У колодца мы остановились, а Валентина Леонтьевна обливала всех по очереди студеной водой из колодца. Пели Гимн. Известный парапсихолог из Москвы Э. К. Наумов снимал это на пленку. Учитель стоял поодаль и смотрел на нас.

Начиная с 12-ти часов все шли на кухню, чтобы выйти из голодания. Когда я вошел на кухню, Учитель сидел на кровати (в первый раз я увидел Его сидящим), кто-то вплел Ему в волосы желтый бант. Он был грустный, говорил мало. Он словно прощался с нами, но мы тогда не понимали этого, у нас было приподнятое, праздничное настроение.

Днем мне сказали, что Учитель зовет меня к себе. Когда я вошел в Его комнату, Он и Валентина Леонтьевна разговаривали с одной девушкой из Москвы. Та жаловалась на свою преподавательницу в училище, что она очень строгая и напрасно придирается к ней, на что Учитель посоветовал подарить ей коробку конфет и цветы. Он расспросил ее о жите-бытье, потом обратился ко мне и произнес: "Саша, я тебе уже все сказал".

К вечеру мы засобирались домой. На прощанье мы тепло простились с людьми, поцеловали Учителя и уехали. Это был последний разговор с Учителем. Меньше, чем через два месяца мы похоронили Его.

Погода была очень теплой, уже цвели яблони. Учитель лежал в гробу, который стоял посреди двора. Люди подходили по очереди прощаться с Учителем, почти никто не плакал, хотя все очень переживали, были подавлены. Нам казалось, что Учитель никогда не умрет. Когда я, прощаясь, прикоснулся к Нему, то руки Его были мягкими, не заостренными, а на лбу между бровями белыми пигментными пятнами был образован неровной формы крест, которого

не было раньше. Гроб понесли по улице без музыки и плача, поднесли к свежевырытой яме на краю кладбища. Несколько людей произнесли речи. В толпе присутствовали два милиционера, которые наблюдали за происходящим и прислушивались к речам.

Вечером я видел, как Валентина Леонтьевна, вся потерянная, спрашивала у Э.К. Наумова, правильно ли она сделала, что позволила хоронить Учителя? Может быть можно было чего-нибудь сделать еще? Может быть, Он и не умер и не нужно было Его хоронить? — (даже трудно представить, что было на душе у отчаявшейся, такой в эти дни одинокой женщины!). Эдуард Наумов ничего не мог сказать утешительного. Он был весь в слезах и что-то вспоминал о том, как хоронят учителей на Востоке. Люди негромко переговаривались между собой, самые стойкие говорили о том, что не нужно так близко принимать это к сердцу:

— Учитель ушел телом, но не духом!

— Ведь Он же духом слился с природой!

— Теперь, когда Он не связан телом, Он сможет еще больше помогать людям. Он поможет предотвратить войну!

С ними соглашались, как ни велика была тяжесть потери. Тяжело было думать о том, что нельзя будет больше непосредственно поговорить с Учителем, посоветоваться с Ним, поцеловать Его.

А вскоре после этого мне приснился сон: — На берегу моря сидит Учитель. Причем Ему лет 30, у него вытянутое восточное лицо, а вокруг много людей. Я очень обрадовался встрече и говорю:

— Учитель, ты жив? Мы же тебя два дня назад похоронили!

— А я воскрес.

— У тебя что-то вроде летаргического сна было?

— Ну да, что-то вроде.

— А тебя хотели вскрывать.

— Я лежал и все чувствовал, как хотели меня резать, как Валентина Леонтьевна на могиле плакала. Вот я и воскрес. После этого Он обнял меня за плечи и отвечал на все мои вопросы.

Александр Морозов, г. Рига

Сие творится в воспоминание о Нём

Воспоминание Александра Сопроненкова

Возможно, мировая история на рубеже тысячелетий исчерпывает мифологические линии "маленького человека, сожранного идеей". Вероятно, она откажется от привычной модели "сон, как порождающееся ядро системы "жизнь"...", от "гамлетизма", от аффектированной жажды конструировать историю. Равно и ее летопись никто, пожалуй, не возьмется более штопать и латать или от чего береги Бог — "перестраивать". Сама жизнь зачеркнет вопросы "кто виноват?", "что делать?", "с чего начать?" и едва ли позовет сеять "разумное, доброе, вечное" или "жить не по лжи". История должна научиться жить в погружении в себя, в возвращении России в ее блистающие поля, дымящие стогны, белые храмы, великие реки и чистые телом золото славян. Они знали и не такие нашествия, но — перенял Бог орду, — и всякий раз возникали с грохотом из русской истории, из матушки природы.

Наши легкие потому так легки, что знают всю жизнь человека, его историю, встречи и утраты. Каждая встреча подобна дыханию. Так же можно сказать, что дыхание есть встреча с жизнью. Встреча есть вдох того, с кем (с чем) я встречаюсь. Воспринимая образ и подобие встреченного, — будь то человек или рассвет, новая мысль или символ; выраженный в звуке, цвете, аромате, форме — мужчина чаще всего узнает это как образы сути, женщина — преображает в подобие разнообразнейших воплощений в повседневной жизни, которые позже очнутся в ней нечаянно, ненароком, как идеал для мужчины, как его мечта и желанная цель.

Встреча — есть дыхание жизни. И всякое дыхание начинается со вздоха, восприятия. Моя встреча с Учителем Ивановым Порфирием Корнеевичем была подобна вдоху новорожденного. И как всякий вдох он потребовал от меня и выдоха себя, чтобы освободить место для

новой встречи. И так далее, и так далее, пока это не станет моей жизнью. Как дыхание, как биение сердца, как все живое.

Скажу сразу, что ничего сверхъестественного, необычного не было в моей жизни, в моих встречах с Учителем. Впрочем, может быть именно поэтому я все время подсознательно ждал и надеялся на чудо — увидеть нечто необычайное, волшебное. Только много позднее я убедился, что живой факт моего выздоровления и возвращения к жизни после 30 лет болезней и блужданий, само по себе было чудо. И каждый день пребывания с Учителем, его дыхание, забота и любовь, учеба и советы, каждый миг моей жизни — это самое дорогое, что только позднее я осознал как великий дар.

Но начну по порядку. Лето 1975 года я лежал в больнице — очередной, — на этот раз у меня было обострение туберкулеза глаз. Легкие, позвоночник, сердце, желудок и прочее на этот раз не очень донимали меня, и я лечил глаза. Меня навещали друзья. В большинстве своем это были бывшие больные, лежавшие прежде со мной, а теперь выписавшиеся "на волю". В один из таких посещений в больнице на улице Достоевского в Москве мой друг рассказал мне, что-де в Москву, как он слышал, приехал один "старик с белой гривой волос до плеч, с перевязанным черной ленточкой глазом, ходит чуть ли не голый до пояса, мощный такой и всех лечит". Дело было летом, а надо сказать, что я весьма скептически отношусь к разного рода "спасителям" и исцелителям. Мы поговорили и забыли. А зимой, когда я опять попал в больницу, тот же приятель вновь посетил меня и рассказал, что в Москву вновь приехал "тот самый старик", и было бы неплохо, если бы я посетил его. Он оставил телефон, по которому Порфирий Корнеевич остановился, и уехал.

Почему я так подробно останавливаюсь на всех мелочах. Дело в том, что к тому времени "стаж" больного, завсегдатая многочисленных больниц и клиник у меня собрался солидный — почти 30 лет. В два годика я ослеп, потом прозрел, потом опять, и с тех пор мученья моих родителей начались, а список моих болячек возрастал вместе со мной: туберкулез легких и глаз, частичный паралич левой стороны тела, язва желудка, шалили почки, сердце. О болях в пояснице, давлении, ОРЗ я

не говорю — это мелочи. Ко всему в молодости прибавилась склонность к спиртному, курение и несносность характера — то взбалмошного и капризного, то угрюмого и подавленного. Все-таки мало я был на воле — в году 3–4 месяца, а казенное тепло не закаляет душу и не смогло согреть сердце. Я вышел на встречу с Учителем отнюдь не испорченный вольностью и не отягощенный самостоятельностью в жизни. Поставив крест на себе, я вышел к Учителю Иванову с нуля, со дна.

Я позвонил и попросил разрешения приехать. Он только сказал "приезжай" и, вынув из-под матраца цивильное, я тайком вырвался к нему. Он остановился тогда на Болотниковской улице, на юге Москвы. Войдя в дом, я удивился огромному количеству одежды, заполнившей прихожую. Было тихо и никого не было видно. Я стоял среди горы обуви и не знал, что делать. Внезапно в конце коридора открылась дверь и появился Учитель. Я сразу понял — это был он. Огромного роста, бронзовый, мощный, со светящейся белой головой. И никакой черной повязки, только глаза, в кои смотришься как в ночное отражение реки, целиком. Показалось, он рад мне и очень долго ждет юношу, как отец ждет дитя — меня, сына, заблудшее человечество, чтоб отдать ему несметные сокровища своего наследства. Они у него есть, ему можно верить, всем сердцем. Протяни руку, сделай шаг, скажи слово! Он смотрел молча на меня и, казалось, о чем-то упрашивал.

Он не спросил ни моего имени, ни откуда я, ни чем болею. Он смотрел и ничего не говорил. Чувство, охватившее меня, трудно описать. Вою свою жизнь переживал, что я безотцовщина. Потом эта неволя больничная, нескладная личная жизнь, обломы образования, убогость общения... Всю жизнь я был как бы отравлен своей долей. Не обездолен, а именно отравлен. Это болезнь чрезмерности, и жажда к настоящему, естественному, живому.

Теперь я стоял перед ним и, боясь поверить, ждал. Он предложил мне пройти в комнату. Я быстро разделся до брюк и босой пошел вслед за ним. Я сомневался и тянулся к нему всем сердцем, я боялся жить дальше и не хотел обременять его собой, всеми своими бедами. Он

улыбнулся и ласково прервал смуту моих мыслей, серьезно и просто предложил: "Давай я тебя приму". Я затих и лег на диван головой к окну. На дворе был день, зима, 16 февраля 1976 года. Склонившись надо мной, он взял мою правую руку и начал разминать на ней пальцы, оттягивая их до легкого хруста. То же самое он проделал и с левой рукой, потом перешел к пальцам ног, все время приговаривая, как уговаривал: "Тяни ртом до отказа воздух через гортань. Делай вдох, делай другой. Делай вдох, делай выдох... Пальчиками на руках и ногах поворачивай... Хорошо". Закончив такой своеобразный массаж, он захватил своей левой рукой большие пальцы ног, правую большой щепотью положил мне на лоб. Я увидел перед собой пульсирующую жилку на его большой руке и закрыл глаза.

Я почувствовал, что встал перед бездной. Позади меня неизбежно, не под бичами строем прошествовало мое одиночество, наставлявшее ухо лишь к социальным регистрам, не расслышав про апокалипсис и назначенные к усекновению миллионы грез, вер, надежд и любви. И если моему поколению довелось дожждаться исполнения своих снов — это, как писал "литературный герой" Владимир Ульянов "не вина Герцена (моего поколения), а беда его", мост под строевым шагом марширующих в "светлое будущее" обвалился. Возможно, в те мгновения во мне дрогнули мифологические линии "маленького лишнего человека". По ту сторону пропасти на редких становищах, на развалинах казенного социума, в лунном свете остановленной моей истории замещает или подпирает колеблемую богооткровенную традицию, перекидывающую мосты через бездны ипостаси, прогрызаемые "князем мира сего", ослепительным пунктиром соединяя вновь и вновь человека с природой — со всем воздухом, со всей водой и всей землей Бога.

"Я принимаю человека. Мне не нужно все, что на нем. Мне нужны его душа и сердце. Я передаю тебе свою силу воли", — донеслось сквозь темноту. И еще: "Делай, деточка, вдох. Посмотри в голову. Делай выдох. Тяни воздух с высоты гортанью. Делай вдох, посмотри в легкие, на сердце..." Заметив мое застывшее недоумение, он пояснил "Мнением через глаза смотри на свое сердце. Делай вдох — самое главное, делай выдох. Посмотри в живот. Животом с боку на

бок поворачай... не здорово, не здорово! Хорошо. Делай вдох, делай другой... Так, теперь поднимайся на ножки. Валентина!", — позвал он.

Я не успел подняться, на пороге появилась женщина. Одета в простое синее в цветочках платье с короткими рукавами, она твердо упиралась в пол босыми фиолетовыми ногами. Помню, меня тогда поразили эти ноги. Она смотрела сквозь меня лицом самоубийцы, воем своим видом излучая преданность и честность.

Таким людям, выслушав их, хочется подражать. Они, если говорят кому-то или чему-то "нет" — отрезают себя от этого навсегда и больше не возвращаются. Если "Да!", то бросаются безоглядно, страстно служат верой и правдой, само служение поднимая на уровень личной чести и адской преданности. Подражателям следует помнить, что если не самоубить старый поток привязанностей и не жить пред лицом Бога живого, кому служишь каждым биением сердца, то начинаешь сам убирать множество соискателей на место у трона. Или перетаскивать трон во главу угла стола обеденного. Тогда преданность оборачивается одержимостью. Тогда соискатели были одержимы работой, нездоровьем, домом, деньгами, хобби — т. е. мирским. Теперь мы одержимы божественным. Мы не хотим быть сами собой в Природе, мы хотим нести слово о Боге и образы Бога, мы хотим ему подражать, мы хотим быть лучше и "впереди планеты всей". Ему подражать нельзя. Можно только научиться жить, ощущая затылком сугубо религиозное понимание зла "личного дьявола", как многоступенчатой идеи, жаждущей исполниться, сбыться. Образ и подобие Иванова, гулко нашептанный учениками Учителя, достался нам задешево. Каждому вновь предстоит превзойти это вечное "не солги", "не убий"... но сделай. Будут ли, как прежде, помещать его в ослепительные изошренные формы? Совершенство форм русские мыслители всегда считали преимуществом падающих эпох. Путь в людях русского Бога — это нелегальный цроцесс, предельно сгущенный в умах и сердцах одиночек, дающих опознать себя природе людской и ландшафтной. Это шаг за шагом сбывающийся, продавливаемый в явь сон величественный и страшный.

"Валентина, прими его", — строго и доверительно проговорил Учитель, провожая меня к двери и, как мне показалось, немного сочувствуя и жалея меня. Валентина — так она и осталась в памяти с тем именем, как позвал ее Учитель, кто принял меня с рук на руки, бережно и молча отвела меня в ванную комнату. Я не знал, что со мной будут делать, но полностью доверился этой строгой спутнице, как тень следующей за телом своего Учителя. "Раздевайся", — коротко сказала она. Я оглянулся. Дверь была без шпингалета, на полу вода, в мыльнице плавал кусок хозяйственного мыла, за стеной на кухне какие-то голоса. Неуютно, одним словом. Но делать нечего, я разделся и шагнул в ванну. Не успел я и глазом моргнуть, как эта Валентина окатила меня холодной! без всякого подогрева! самой ледящей водой из душа. Да еще и приговаривает: "Проси Учителя! Вслух, громко, проси Учителя!" Сквозь потоки на голову, в спину, в лицо убийственно холодной воды я лепетал, всхлипывал, кричал: "Учитель!.. Учитель!.. Учитель!..". Наконец все стихло, я стоял, прислонившись к кафелю, и заново пытался научиться дышать.

А надо сказать, с холодом, сквозняками и холодной водой у меня давно сложились "специфические" отношения. Вернее, у меня с ними просто не было никаких отношений. Стоило мне, к примеру, на минуту остановиться у форточки, пройти по домотканной дорожке без тапочек, как мощнейшей вспышкой кашля, насморка и прочих "прелестей" я был обеспечен минимум на две нецели. И вот после всего этого и под ледяной душ...

"Живой?" — казалось, сама забота вернула меня своим голосом, — "одевайся и ступай до Учителя". Я оглянулся. Женщина улыбнулась и вышла. Хищный профиль ее мелькнул и вдруг преобразился в лицо женщины, чья любовь выше любви матери к своему ребенку. На минуту стало тепло. Полотенца не потребовалось. Я оделся и вернулся к Учителю. Он стоял посреди комнаты и ждал меня. Я понял это: он волновался, он видел мое состояние, жалел и ждал моего возвращения. "Ну как ты?" — воскликнул он взволнованно. — "Все хорошо?" Я кивнул, и он облегченно улыбнулся. Вся моя раздавленность, замороженность и потерянности исчезли — я любовался его лицом.

Улыбка Учителя — это то, что навсегда осталось нам в наследство как завет. Наследие Учителя — чувство живого в теле человека и в теле природы. Наследие Учителя — это чувство жизни, чутье красоты и радости жизни. Красота на человеческом языке — совершенство форм, упоение светом, радость узнавания уже знакомого. Лицо его такого узнавания дать не может, — и непостижимым образом дает его. Это лицо не попирает и не преодолевает тела, как часто бывает, а наоборот, благоговейно выхаживает тело, но тело закаленное и преображенное природной закалкой-тренировкой, ставшее живым, плотным храмом Духа. И простой человек в молитвенном обращении к нему среди природы и заблуждений безошибочно прозревает, вспоминает прапамять все, ради чего живет человек, ради чего приходят такие лики. "Сие творите в воспоминание о Мне" — сказал Христос, и тело в природе поистине творит в себе сознание, помогая Духу осознать смысл своего облечения плотью — и ее бренность, и ее святость.

Он взял кисти моих рук в свои ладони и я почувствовал, что безымянные пальцы его не распрямляются до конца, и что сухожилия этих пальцев выходят как-бы из оснований ладоней, а под ними глубокая ямка. "Это дело делается не для больного человека, а для здорового, чтобы он был таким, каким хочет его видеть природа. А раз ты эти качества получишь, то ты тогда будешь в этом деле предостережен, будешь гарантирован от болезней и простуды. Ты понял меня? Значит, первое: "два раза в день будешь купаться так, как тебя искупали, холодной водой. Где бы ты не был, а вода холодная дает тепло. Не пропускай ни одного дня, это твое здоровье. Теперь, второе, это с людьми будешь встречаться, где бы они не были, какие бы они не были, ты обязательно должен с ними здороваться: "Здравствуйте". Не пропускай ни одного человека, представляй свою вежливость везде и всюду. Ты понял меня? Теперь. Как от меня выйдешь, найдешь бедного человека, дашь ему пятьдесят копеек. Когда будешь давать пятьдесят копеек, скажешь: "Я даю для того пятьдесят копеек, чтоб мне ничем, никогда не болеть", и отдашь. Дождешься субботы. В субботу не употребляй никакой пищи и воды, до воскресенья, до обеда 12 часов. А в двенадцать часов перед тем, как садиться кушать, выйди на двор,

подними лицо, потяни воздух и проси: "Учитель, дай мне здоровье!". То есть, проси меня, будешь всегда здоров. Ты понял меня? Так. Значит, не харкать, не плевать не рекомендуется, глотай как продукт своего тела. Ни пить, ни курить. Пожалуйста, выполняй и все будет х о р о ш о. Ты понял меня? Поцелуй меня".

Весь свой совет Учитель проговорил скороговоркой, без точек-запятых, откинув голову и глядя куда-то вглубь полусомкнутыми, трепещущими веками, и изредка убеждаясь во мне своим "ты понял меня?" Я кивал, и он продолжал вдыхать в меня свой совет на одном дыхании, и также просто скрепил нашу связь поцелуем отца: легким и совершенным.

"Ну вот, теперь все будет хорошо", — повторил он и вдруг решительно повернулся, и крикнув: "Валентина!", вышел в коридор. Я потянулся за ним, решив, что мое время истекло, и чтоб не быть навязчивым, решил собираться. Выйдя в прихожую, я стал отыскивать свои вещи, как вдруг наткнулся на вопрошающий, без всякого расчета на ответ, взгляд-мольбу, взгляд-ожидание Учителя и Валентины. Они стояли перед входной дверью на лестничную площадку и уже открывали двери на выход. Я задохнулся от догадки и от мгновенно принятого решения: идти с ними.

Я бросился к куче обуви, стал сдергивать с крючка пальто, и тут мою суету остановил тихий и насмешливый голос: "Да брось ты это все мертвое. Пойдем", и мы вышли. Я не помню, как отворилась дверь подъезда. Я увидел себя как-бы со стороны и сверху. Мы идем по белому пушистому снегу московского двора, нам попадают какие-то люди в одежде, они оборачиваются, дети останавливаются. Но все серьезны и торжественны. Сделав круг по двору по нетоптанному снегу, среди деревьев, ни чуя ни земли, ни стужи — а ветер был! я помню этот ветер, как звенели сосульки волос на моей голове — мы, ликующие и дрожащие, победителями поднимались по ступенькам в дом.

"Все будет хорошо!" — обнимая меня на прощанье, сказал Учитель. Через три месяца я вышел из больницы и больше туда не

возвращался... Через год я приехал к Учителю домой, и к воротам его дома меня подводил белый гусак... Как же Учитель радовался такому приходу! Еще через год, когда Учитель позвал "весь мир" на Чивилкин бугор к 25 апреля, я увидел вереницу людей в белых одеждах, поднимающихся за Учителем на бугор — наверное так Моисей выводил свой народ из плена, — и я шел с этим народом божьим... А еще через год Учитель позвал группу молодых людей остаться на бугре навсегда! И я был в этой группе... А в следующую зиму я с благословения Учителя оставил теплую одежду, шапку и обувь, и в одних брюках и рубашке восемь лет ходил по Москве. Ох, и натерпелась столичная милиция от моих горячих наставлений о пользе босячества и благе здоровья... Потом... Потом я увидел в себе зверя и — Бога в засаде земли, воздуха и воды. Так начались непереносимые на язык людей ожидания, "и мы застыли в имени своем, чтобы очнуться в теле Иванова". Ушел Учитель, ушла Валентина. "Но нами свет прокалывает тьму, чтобы не молчать, просить и возвращаться"... А тогда, в 76-м...

Я ехал в свою больничку, а ноги и душа мои горели, томились от огня пережитого. На дворе был день, зима, 16 февраля 1976 года. В этот день мне исполнилось ровно 30 лет. То был день моего рождения.

И вновь творим себя в воспоминании о нем.

Александр Сопроненков, 16 февраля 1993 года

Выступление в д.к. "Каучук". Игорь Хвощевский

Здравствуйте.

Я не готовился сегодня к выступлению, и это приглашение было для меня неожиданно. Прошу меня сердечно простить за это, потому что меня больше интересуют философско-научные аспекты учения Учителя, чем медицинские и т. д. Сам я физик, занимаюсь законами движения непрерывной среды на научном и теоретическом плане, что близко к природе. Поэтому, вопросы не только качественных, но и количественных закономерностей, присущих системе Учителя Иванова, я как бы профильтрую и с ученой точки зрения, что позволяет мне, потому что я сам по себе еще и математик по образованию — окончил МГУ, механико-математический факультет.

Это для чего нужно. Для того чтобы понять не столько с точки зрения здоровья, но и с точки зрения всего движения в пространстве-времени и материи нашей, тех физических, идеологических, моральных сдвигов, которые приносит та или иная система.

И моя встреча с Учителем позволила мне принять его сокровенное учение, которое я впитывал в течение 12 лет, находясь рядом с ним. Я был одним из самых близких его учеников, и часто мы ночи проводили в разговорах. Я вам скажу, что Учитель — чистый математик. Каждое его выражение я старался критически опровергнуть в начале своего пути, а так как у меня есть школа по этому поводу, и логическая и формальная, то поэтому мне легко это можно было сделать. И ни разу я не видел, чтобы Учитель ошибся. На словах он описал все будущее науки, и если позволят обстоятельства, то я вам с точки зрения научной и философской постараюсь в какой-то мере об этом рассказать. Я расскажу о своих впечатлениях и личных встречах с моим дорогим Учителем, которого я встретил и как я встретил.

Моя встреча с Учителем произошла, можно сказать, удивительно и может быть закономерно в моей жизни, потому что я предрасположен к самой болезни, которую я всегда чувствую на расстоянии и когда он приближается, то чувствуется дыхание смерти, о которой Кнейп сказал, что "это змея, которая вечно прячет свою голову, но коль скоро вы потеряли над собой контроль, то она высовывает эту голову и готова всегда ужалить". Это туберкулез. Я еще им в детстве болел, потом он у меня проходил и вот где-то в 1973 году он ко мне вернулся в страшно-ужасающей форме. Возникли каверны на обеих сторонах в легких и, в общем-то, я чувствовал, что я умираю. И вот это дыхание смерти — оно особо присуще тем, кто стоял на краю этого соединения с таким, можно сказать, явлением — границей жизни и не жизни — это очень страшное состояние вечного присутствия при тебе кого-то, кто сильнее тебя и вот-вот ты от него, как говорится, можешь уйти в небытие. И вот под таким состоянием ты ходишь, улыбаешься, но оно у вас всегда присутствует как некий второй план. Вы говорите, улыбаетесь, вы не замечаете этого и, наверное, все больные смертельными болезнями это ощущают, и вот я был в таком состоянии. Я не мог это как-нибудь рассказать, не было сил, мне никто особенно не верил, потому что я внешне улыбался и говорил, а внутри я чувствовал, что я умираю. И вот благодаря помощи одного из лучших своих друзей — женщины, она поняла мое состояние и в результате определенных убеждений и разговоров меня поместили в больницу. Оказалось, что у меня открытая форма туберкулеза. Я лежал в туберкулезной больнице на Стромынке. Началась борьба за выживание, и в течение года я там принимал массажи таблетки — до 40 штук в день. Ну это понятно, кто болеет туберкулезом, тот знает, что это был просто единственный способ выйти из состояния, как говорится, конца. Было задето и менингеальное состояние туберкулезом, был задет и спинной мозг. И вот в течение года я, лежа в больнице, перепробовал все лекарства, пробовал заниматься йогой, причем с моим другом мы доходили до комических обстоятельств. Он всегда верил, что деревья источают или излучают прану — это жизненную силу. И он брал большую 5-литровую банку, подходил к дереву и наполнял ее этой праной, а в это время вся больница умирала со смеху, в том числе и врачи, которые выглядывали из окошка. Ну мы, все больные, надеялись выжить —

выжить. Почему-то мы все верили в жизнь и здесь вот очень такой стимул есть — чувствуешь как жизнь нам дорога.

И вот уже прошел год, я думал уходить на инвалидность, думаю: 2 группу получу — получу пенсию, достаточную для прожития, не думал уже о работе, как однажды в декабре месяце 1974 года ко мне пришел мой друг Коля, которому я очень доверял и мы часто разговаривали, так сказать, о судьбах мира, как все любят говорить. И, в конце концов, он говорит, что вот я встретил человека, который тебе поможет. И здесь вот мое психологическое ощущение: я его слушаю, а во мне как-будто работает внутренний метроном. Я его слушаю, а как бы третий человек присутствует: я, он и еще Третий человек слушает. И через некоторое время он говорит мне что-то такое, как метроном отбивает часы: тук-тук... и вдруг я, сам этого не понимая, говорю ему: я согласен. Почему я согласен, я до сих пор не знаю, как это проанализировать, но мне кажется, что мое внутреннее я сказало согласие. И вот я собираюсь и ушел...

Когда я попал к Учителю, то меня поразила его величина. Почему-то он казался Мне громадным, а рядом стояли ребята, он что-то рассказывал, но я ничего не помню. Я в какой-то мере был поражен его громадиной, но никаких ощущений больше не было.

Потом он меня принял. Ну прием у него особенный, потом я долго анализировал этот прием и после этого меня повели обливаться. Это было 29 декабря 1974 года — именины мои, так сказать, природное крещение. И меня Валентина Леонтьевна, его жена, начала обливать этой резкой холодной водой. Она не холодная вода — она как иголки, знаете. Тяжело, как-будто вам иглоукалывание делают на каждый миллиметр вашего тела. И когда она начала обливать, то у меня такое — Освенцим! Я думаю: что же ты делаешь..., хотел выхватить эту штуку, но вдруг все прошло. Опять какой-то метроном сыграл и вдруг совершенно успокоился. Думаю: да обливай, пропади оно пропадом. И в это время она сказала: вот это хорошо, вот это состояние как раз мне и нравится. Она видела меня такого прооперированного, много мне операций делали, все вытащили. Ну она пожалела меня соответственно и пошла и Учителю рассказала. И вот вся эта группа-

компания пошла босиком на улицу. А со мной рядом стоял какой-то ученый, доктор востоковедения, он и говорит: "Облиться-то я облился, но на улицу босиком — ни за какие пряники!" И вот в этот момент, как он сказал эту фразу, а я — нарочно, наоборот, пойду. И я пошел. Это так всех удивило, когда я вышел в шапке, в шубе, из больницы убежавший, на снег — это произвело впечатление. И после этого возникло второе искушение — второй человек, с которым я все время мечтал выздороветь — это Сережа Ратников, сейчас он довольно интересный человек, художник, вот он тоже принял. А после моего приема я вернулся в больницу, во мне была такая легкость, такое ощущение добра, во мне — нагретая печка. Я разделся и босиком шагаю по больничной дорожке, подошел к его окну, а он когда увидел меня таким — в обморок упал, настолько он был слабый. Это на самом деле было. Утром он, никому не говоря ничего, поехал и тоже принял.

Ну потом я себе говорю: да не буду я больше этого делать — решил бросить и 31 декабря, как и все люди, которые искушаются, встречали мы Новый год. Напились мы от души в больнице, праздник справили, выпил я уже и не помню сколько, а утром встал — совестно ужасно. И решил все-таки позвонить Учителю, как раз я знал, где он находится. Позвонил ему, а он подходит к телефону и говорит очень молодым голосом. Я никогда не узнавал его голос и, наверное, никто не узнавал его голос, когда он говорил по телефону — голос его был неузнаваем. Он говорил примерно как молодой юноша, очень бодрым и молодым голосом. И он говорил очень коротко, он никогда не расспрашивал причины и следствия, он просто говорит: "А, это ты позвонил, ну приезжай", — и вешал трубку. Я остолбенел и думаю: как же я поеду? А теперь, значит, надо ехать. А с другой стороны, я же хотел объяснить, что не хочу ехать. Но, в конце концов, я собрался и опять поехал на Полярную улицу, где у Татьяны Федоровны мы там познакомились второй раз. Он посадил меня рядом с собой, сидел и все время клал свои ноги на мои, там же босиком уже все были и я тоже босиком. Он мне свои босые ножки клал на мои и согревал меня. Это мне очень понравилось, а потом оказалось, что, в общем-то, я — бедный, обиженный. Он отметил тот пункт "Детки", как говорится, его естественным образом — на мне его и проиллюстрировал. Так вот,

после второго раза, я стал последователем этой системы. И через некоторое время мы с Сережей очень сильно подружились. А у Сергея было вообще очень интересное явление. Я вам расскажу, оно, наверное, может быть было единственный раз и мало кто о нем знает. Во время обливания, ну как говорил Учитель, и как говорила Валентина Леонтьевна, и я Сергея опрашивал — он умер. Некоторые из врачей говорят, что это какой-то очень глубокий обморок и даже мне сказали какое-то профессиональное название. Я спрашивал Сергея, а у него, как и у всех художников, очень отточен глаз, а мне очень важно было понять, что же он видел в момент этого обморока. Он рассказал, что он видел раздвоенность, как бы вот левая сторона у него была темная, а сторона правая — красная, все было как бы в двух тонах: красном и черном и где-то вдали какие-то огоньки, огоньки и... все.

И тогда Валентина Леонтьевна оказала: "Ну, дорогой Учитель, вот наша система и кончилась". Учитель лег на него, обнял его всего, все тело и стал дышать ему в рот. Через некоторое время Сергей поднялся. Учитель его взял за руки, вывел на балкон и сказал: "Только вдохни три раза, детка". Сергей вдохнул. "Ну как?" — "Ничего...". И Сергей поехал домой. Затем несколько дней он не обливался, но потом стал обливаться и позже, когда я с ним вместе в туберкулезном санатории был, то единственно, чего я всегда опасался, я не хотел с ним вечером идти купаться на пруд, как мы вечерами ходили. Мы попали в санаторий весной в мае месяце — природа прекрасна, и когда мы ходили купаться, то над нами много жаворонков почему-то пело, и всегда они над нами кружились как вот мошкара, знаете. Это первое, что меня поразило. Утром мы заходили и погружались в пруд, а когда шли вечером и были холодные вечера и иней садился на землю, на подрастающую пшеницу и пруд весь погружался в туман. А Сергей так, знаете, легко плавал. И вот этот Сережа, милый, на центр пруда заплывет и нырнет и его минуты две нет, а я не умею плавать и думаю: "Если он утонет, как же мне быть?" В общем, я очень боялся этого дела.

Все эти времена самые лучшие и одни на лучших в моей жизни, потому что я и сам, как говорится, немножечко мог как художник

видеть красивое, да и каждый человек этим обладает. И до сих пор незабываемы эти первые впечатления после встречи с Учителем. Я как раз до весны продержался в больнице, а 25 апреля я был выписан, и в течение полутора месяцев мы с Сергеем были вместе в Переделкино в туберкулезном санатории, где окончательно в природе, так сказать, поправили свое здоровье и вышли оттуда как молодые. Вот это ощущение любви, ощущение близости к другу, сообщество с тем, кто делает с тобой общее дело, у меня осталось на всю жизнь.

Так я стал учеником Учителя и сначала, в общем-то говоря, не особенно был близким, но постепенно мной завладевала одна и та же мысль: Как же это все-таки объяснить? Зачем это все нужно? Ну что он делает, в конце концов? Ну что такое вода? Вода, облился — и нет ее. Лекарства — вот это да! Нужно было найти тот центр тяжести, ту научную и философскую опору, чтобы оправдать все это дело. В конце концов, есть много философских концепций, а в чем же является учение Учителя? И является ли оно совершенно новым, потому что Учитель часто говорил: "Я принес новое, небывалое на Земле вообще!" Вот один говорит: проволокой привязывайся к кровати, значит, вот ты будешь здоров — это Микулин. Некоторые говорят: уйди вообще, брось тело и уйди в нирвану — там ты получишь освобождение. Значит, не быть человеком, а быть духом? Так где же та середина, то истинное, которое нужно было найти, для того, чтоб понять-то, что ты делаешь, нужно не только тебе, но всему человечеству.

Эта мысль меня одолевала и мною овладевала с непреодолимой силой. Я не мог избавиться от нее ни ночью, ни днем и я решил все-таки докопаться до истины. И тогда Учитель, вот как-то почувствовав мое такое стремление, стал давать мне свои тетради. И когда я стал читать их, то я стал постепенно привыкать к его языку. Язык его простой, народный, вот как написана "Детка". Есть его хорошее выражение: "Люди летают в космос, в мешках в Арктике спят, всякие детали и всякие машины делают — дельцы высшего плана, а жить приходится тяжело". Что такое тяжело? Денег нет? Денег много. Что же такое тяжело? Начинаю думать и вдруг мне вспоминаются слова: "ибо иго мое — благо и бремя мое легко есть, возьмите мое легкое", —

сказал Христос в Евангелии. Что такое легкое и тяжелое? Значит, есть и легкое, и тяжелое? Читаю Экхарта, прекрасного средневекового мыслителя и мистика, он говорит: "Оставь самого себя и твори добро легко и приди к наилучшему". Или: "сохрани самого себя и твори добро тяжело". Какая глубина. Что такое творить добро тяжело? Помочь человеку: деньгами, устроиться на работу, помочь получить ему жилплощадь и т. д.

А что такое легкое? "Бремя мое легко и иго мое благо". А Учитель говорит: "Тот, кто будет по моей системе заниматься, получит то легкое, что ему так необходимо для жизни его и приобретет своим телом покой". Значит, есть вторая сторона приобретения легкого. Что же такое это легкое добро? Учитель говорит: "Я бегу от вас, а вы за мной побежите, мне деньги ваши не нужны, а вы все равно за мной побежите". Вот в этом надо было разобраться.

Потом удалось написать небольшую статью "Парус", где хотелось в какой-то мере вот это предназначение легкого описать через физические феномены. И тут оказалось, что легкое — это легкая система сил, та система сил, которая должна быть выработана обязательно человеком, для того, чтобы тело стало гармоничным. Мы притягиваемся к центру Земли, а легкая система будет нас отталкивать от центра Земли. И вот недавно в газете промелькнуло сообщение, что наше легкое сейчас — это примерно 25 грамм, а в нас вес тела, ну предположим — 80 кг. 25 грамм — это столько весит душа человека, т. к. ученые взвесили живого человека перед его смертью и потом сразу же взвесили его после смерти. А вот если у нас будет больше легкого, ну в условных единицах, то мы можем вылететь из притяжения Земли, то мы вылетим из Земли, но тогда жить мы не будем на Земле. Значит, нужно легкое выработать в себе, чтоб гармонизация легкого и тяжелого была в равновесии и чтоб ты мог ходить по земле и в то же время неким небольшим напряжением — летать. Это уже говорят за будущее, а сейчас я только хочу вам сказать об одном: нужно было соединить все мои знания и понять.

Каждый раз я, встречаясь с Учителем, старался из него выпытать все. Я ему задавал все вопросы, какие вы задаете здесь и еще много

вопросов тайных, о которых он мне прямо говорил, что не сможет ответить на них — ибо рано. Но на некоторые вопросы он говорил мне, в частности: "Я вам не только здоровье даю, если бы вы знали, что я вам даю, тогда бы вы все прибежали ко мне, но рано еще вам об этом говорить". Вот я все хотел допытаться, что же он такое дает кроме здоровья, но этого сделать так и не мог.

И вот постепенно появлялось знание, сначала узнать и понять это через термодинамический аспект. И если кто-нибудь из вас читал статьи: "Идея жизни, поиски воплощения нового и обычного", "Парус", "Письмо к Брежневу", то там мы старались в словесном варианте путем слова-логоса, как говорится, "вначале было слово", передать истину. Но сожалительно, что она еще начата рано и показ подтвердил это, потому что Учителю было очень и очень трудно.

Я с Учителем очень сблизился, часто бывал у него дома, мы обсуждали многие проблемы и, в частности, я был свидетелем написания им "Детки", которая была предельным выражением концентрированной гармонизации человеческих возможностей в природе.

"Детка" была написана вот по какому поводу. К Учителю пришло очень много писем, а я как раз в то время к нему приехал и, если не ошибаюсь, их было где-то около восьмисот. Полных два ящика писем и он смотрел обессилено и думал: что же делать? Потому что ответить на письма было совершенно физически невозможно. И когда сжигались эти письма, а их начали постепенно сжигать, то, глядя на Учителя, было такое впечатление, что он сам сгорает. Учитель ночью позвал меня и дал мне этот документ и сказал: "Вот тебе написанное — посмотри". Единственно, что мне оставалось, три-четыре запятых поставить, а все было сделано Учителем. Так возникла "Детка". И вот когда она возникла, со мной был удивительный случай, наверное, для моего вразумления.

Там было письмо, подлежащее сожжению, и Анна Петровна хотела уже в огонь бросать его. Я говорю, Анна Петровна, дай мне его, я взял и положил его обратно в ту кучу, где были неотправленные

письма и мне говорят, что Учитель уже ответил на это письмо, но "Детки" для ответа в письмах ведь раньше еще не было. И через 4 года я встречаю человека, приехавшего из г. Воронежа, он там на авиационном предприятии работает, и он вдруг рассказывает такую вещь. Вот, говорит, я написал письмо Учителю, а он мне ответил, что я пригласить тебя не могу, власти притесняют, потому что не понимают его дела, и это понятно, это тонкая психологическая структура, которую можно объяснить: всегда всякое новое сперва не понимается. И вот когда Учитель ему отказал, то он и перестал Учителю писать. И вдруг однажды он возвращается домой и ему захотелось не на лифте поехать, а подняться по лестнице. Он идет, а на 2 этаже лежит раскрытое письмо и в нем — "Детка"! Это оказалось то письмо, которое я вернул и во второй раз в него уже была вложена "Детка". И он тоже пришел к природному голоданию, обливанию и это меня очень и очень обрадовало.

В заключение я хочу сказать вот о чем. Из вас кто-то знакомился с трудами Федорова, кто-то с другими учеными и многие говорят, что медицина придет к человеку и объяснит тайну человека. Сейчас ведется много разговоров относительно института человека и ученые уже пришли к одному комплексному результату: ни биология, ни медицина, ни психология, ни философия, ни просто религия, ни наука не разрешат вопроса сложности всего понятия — человек. Учитель говорил: "Мне не нужны ваши знания, вы лечите болезни, а мне нужен человек", потому что самое общее нужно знать. И что такое здоровье? Понятие здоровье — это не болезнь. Если из вас кто знает теорему в математике, то есть компактное множество и есть в нем предельная точка. Так вот предельная точка этого множества не обладает свойствами этого множества, а обладает полнотой выше этого множества. Поэтому, здоровье — это выше болезни.

Меня уже удивляет, что наше здравоохранение занимается здоровьем. Какое это здоровье? Здоровье — это совсем нечто новое, обладающее большей полнотой и если его нет, то есть болезни. А вот что такой здоровье — никто не знает и определения здоровья — нету.

Если вы не верите мне, то можете прочитать в Большой Советской Энциклопедии, что такое комплекс различных психических, физических, нравственных и других факторов. И надо собрать всю историю человеческих достижений на этом пути, начиная от самых сокровенных и древних и не медицина, а философия и выше того религиозно-философское сознание и еще выше — нравственное сознание современного человека, совершенствующегося в природе по системе Учителя Иванова сможет разрешить этот вопрос.

И первым на этом пути является Учитель Иванов Порфирий Корнеевич. Почему? Да потому, что он нашел этот закон и 50 лет перепроверял его на себе. Этот закон открывает все. Учитель нашел его, переплавил, как сказано у Иова и еще раз переплавил и тогда дал его людям и сказал: "Вот премудрость божия для жизни". Вот он что сделал. Он сделал это дело.

Теперь спросим: "Сможет ли кто-нибудь повторить путь Учителя?" Предположим, что сможет 50 лет так ходить, но это уже будет по заказу, а Учитель шел наперекор всем. Этот подвиг останется раз и навсегда. Это камень краеугольный, который отвергли строители, как сказано в Библии и который стал во главу угла.

Поэтому, когда едут покорять Север в спальных мешках и при них радиостанция и они знают, что в любой момент им помогут — это совсем другое дело. Человек этот находится в присутствии других, хотя он, казалось бы, и побеждает стихию. Нет. Стихию побеждают наперекор всем, в одиночестве познавая истины и тайны природы. И поэтому, если говорить об этом, то нужно говорить в истинном плане, потому что сейчас идет перестройка, и перестройка идет внутреннего существа человека, а это связано с его энергетическими возможностями и способностями. И энергия должна быть биологической, естественной и природной, а не биологическая — атомная энергия не является жизнеспособной для человека. От нее — отравление человека и Чернобыль, и такие станции — это атомные бомбы замедленного действия.

Поэтому нужно выработать ту энергию, которую сам бы человек внутри себя создавал как солнце и отапливался ею. Вот на этот путь нас и поставил Учитель. Об этом мечтал Федоров и другие. Это и есть путь перестройки внутри себя самой внутренней сущности человека, его внутреннего плана. Если вы заметили, то я нигде не говорю о биополе, так как я сам не воспринимаю это слово, оно слишком, ну как бы засорено. Но есть вполне официальное название, введенное Организацией Объединенных Наций — это внутренний план человека. Так вот, изменение внутреннего плана человека как составная существенная часть всемирной стратегии охраны природы, если будет предложено вашему вниманию, то я расскажу об этом в следующий раз.

До свидания, желаю всем счастья и здоровья хорошего.

И.Я. Хвощевский

21.12.1986 г. Д.К. Каучук, Москва

Рассказывает Владимир Черкасов

После тяжелейшей болезни, когда я 2 месяца провалялся с высоченной температурой и врачи ничем не могли мне помочь, — что ни пропишут, оно мне не помогало, — я лежал и думал: если выживу, то возьмусь за ум — буду закаляться. У меня было сильнейшее крупозное воспаление легких тогда.

И вот я поехал сразу же к Порфирию Корнеевичу. А он жил недалеко от меня: я в Шахтах, а он в Сулине, 40 километров. Он бывал у меня, я бывал у него. Потом это стал мой избавитель, мой Учитель.

Он сказал:

— Ну, как же ты можешь кормить болезнь? Ведь самый страшный враг человека этот вирус. Ты ж его кормил, вирус.

И тут, понимаете, — человек, не прочитавший ни одной "умной" книги, был умнее всех академиков. Я удивился: как, откуда он брал знание?!

Вот, говорят, у Вернадского был взгляд какой-то странный: он смотрел как бы сквозь человека, хотя видел человека насквозь. Вот и у Порфирия Корнеевича был такой же взгляд. Он смотрел сквозь человека, а вместе с тем знал удивительные тайны. Они, правда, очень простые, и мы еще будем говорить о них: о его взглядах на природу, на человека. У него было такое сильное биополе, или как там называется, что когда приехал из Ленинграда один профессор, замерил прибором, то прибор зашкалило до упора. Он не смог даже измерить эту величину.

Замечено: если человек надевает рубашку, то биополе становится меньше; пиджак — еще меньше, шубу — еще меньше. И когда надевает все меха, то исчезает почти эта — как ее называют? — аура.

Поэтому чаще обнажайтесь!

В Японии, например, лечат рак по системе Ниши: там 12 раз в день тяжелейшего больного обязательно раздевают наголо, открывают окно, и он подвергается прямым лучам солнца и прохладе. Всего несколько секунд, но 12 раз в сутки.

И вот, Порфирий Корнеевич уходил часто перед лечением тяжелых больных (туберкулез и пр.) в степь и жил несколько дней на природе, набирался этих природных сил, чтобы потом вложить их в этого больного.

Он мог за сутки пробежать 150 км. Очень любил медленный бег, чередовал его с ходьбой. Вы понимаете, большой спорт разрушителен. Ток вот, Порфирий Корнеевич во время бега делал так: на гору идет, а с горы бежит. Встретит речку — обязательно искупается. Зима, у него же нет ни полушубка, ни полотенца — никаких одежд. Шорты у него закуржавеют, волосы схватятся льдом. А он бежит дальше — все это паром сходит, высыхает. Знаете, есть такой способ: садятся у проруби, мочат простыни: себя окутывают. Человек выделяет из себя тепло, и 30 простыней подряд вот так сушит. Какая сила! Какая благодать! Когда вибрации этого человека входят в вашу душу — действительно оставляет след на всю жизнь такая встреча. И ты волей-неволей смотришь: вот человек 50 лет проходил голый почти.

За ним врачи вели наблюдение: зарывали его в снег в мороз. Врач приходит в тулупе, в меховике, в меховых рукавицах, шапке, валенках. Топчется, ему холодно — а этот лежит в снегу; борода белая наверху, и врач спрашивает:

— Ну, как ты тут?

И сразу старается убежать в тепло, в дом. Порфирий Корнеевич отвечает:

— Ты знаешь, я не могу тебе этого объяснить. Ты раздевайся — ложись рядом! (все смеются).

Но врач записал там для галочки — и казалось врачам, что тут исследовать нечего. Ну есть такой чудак, мол, который не боится холода, — и больше ничего.

И когда сейчас появились массовые заболевания, когда массовые болезни вынудили нас искать методы, мы прошли голодания, всякие мумие, золотой корень — тысячи способов люди испробовали на себе, и оказалось: лучше вот этой системы ничего нет.

И тогда я понял, что Порфирий Корнеевич несет величайшее новое дело — это наше национальное достояние. Это дороже всякой валюты, дороже всяких изобретений — возврат к простоте при сохранении всей интеллектуальной сложности, наслаждение близостью к природе.

Для меня сейчас эта пробежка по утрам — это одновременно и прогулка, и наслаждение. Это не сравнимо ни с какими телевидениями: понимаете, снегири на ветках, я слышу птичье пение. Я наравне с этими воробьями чую себя. У него ножки тонкие как спички. 40 градусов мороз — он по балкону по железкам скачет, прыгает. У него в ножках особая кровь.

И я чувствовал, что когда я начал закаляться и ходить босиком по снегу — вдруг через 2 недели у меня внутри, в костях что-то заломило, где-то там в глубинах. Мышцы ног заболели страшно. Я стал прикладывать горячую травку. Думал: дозакалялся, добегался — теперь буду инвалидом. А на самом деле оказалось, что все, кто начинает закаляться, испытывают эти боли. Потом я в книжке Мюллера прочитал. Не бойтесь! Это рождается, прокладываются новые сосуды: образуется новый костный мозг и новая кровь, которая не будет замерзать, которая будет вас согревать и заодно будет расправляться с любыми болезнями.

Этот метод помогает организму выработать Н Е С П Е Ц И Ф И Ч Е С К И Й иммунитет сразу ко всем болезням. Это же в 1000 раз дороже! И заодно придет хорошее настроение, радость, бодрость.

Это буквально новый образ жизни! Это — счастье! И всего несколько минут в день на это требуется. Вода очень мощно стимулирует деятельность.

Я всю жизнь прожил на Украине у шахтеров. Самая страшная болезнь у горняков — это силикоз. И никто в мире не может ее вылечить. Люди обречены на инвалидность и постепенное угасание.

Я был свидетелем, что несколько человек, взявшиеся за систему Иванова П. К. (которые ходили уже и через каждые 10 минут останавливались, не могли дальше двигаться — потели, тяжело дышали), так вот эти люди начинали выздоравливать. И через 2–3 года легкие, которые раньше на просвет были черные, вдруг становились чистыми!

Врачи разводили руками и говорили:

— Что это за чудо? Не может быть.

И вот до сих пор они собираются это изучать...

П. К. Иванову слали тысячи, десятки тысяч писем. Они лежали мешками на чердаке. Каждые 3–5 лет участковые, к сожалению, сжигали эти письма: и мы не можем изучить это наследие величайшего опыта. Вот как иногда бывает.

Рекомендации, данные в 12-ти правилах, содержат, на первый взгляд, очень простые советы. Но каждый пункт, каждое слово — это маленький ключик, это потайная дверь в природу, это небольшая формула к здоровью. Существует специальная методика, которая учит обходиться без еды и без воды многие годы, 56 лет кряду. Но это держится в тайне в большой. Ибо, как сказано: люди должны есть, болеть и страдать. И только тогда они ищут истину. А иначе они

успокоятся и перестанут ее искать, искать смысл жизни, который не в еде.

Владимир Черкасов, писатель

Откровенный рассказ о самой важной встрече в моей жизни

Сегодня был день рождения Порфирия Корнеевича Иванова.

Вокруг его учения образовалось множество сект, течений, учений. К сожалению, все говорят теперь не о личности Иванова, а о горе-сектантах, которые бросив семьи и работу прозябают в забытьи в селе Ореховка Украины.

И очевидно, что это закономерно.

Приход Ииуса Христа породил тысячи сект, деформаций, психических заболеваний.

Но он остается Спасителем и Господом для миллиардов людей, чьи судьбы промелькнули за 2 тысячи лет... Его именем спасались, исцелялись и будут жить еще многие поколения вплоть до Его Прихода...

Я встретился с Учителем Ивановым тогда, когда у меня была инвалидность. Шансов выжить — практически не было.

У меня не работало правое легкое и половина левого. Они просто гнили. Готовились к операции по их удалению. Была холодовая аллергия. Плохо работало сердце, сдавали почки. Гормоны, которые спасали мне жизнь, высасывали из организма кальций и это к 14 годам лишило меня 100 % зубов. Кости стали хрупкими...

После очередного, уже привычного тяжелейшего приступа астмы меня вывели из комы и, подлатав, выписали домой.

Я был уже вполне способен понять, что выписали, может быть в последний раз...

И вот тогда я услышал о Нем. Услышал, что был человек, который пол века ходил босой... Я не понимал, зачем ему это было нужно. Тем более, холод вызывал у меня аллергический шок и легкие останавливались...

Но главное я тогда услышал, что можно просить Того, Кого в своем сердце носил этот Человек. Тогда, лишенный даже основы религии, я представил, что наверное Бог выглядит именно так... Так как этот человек.

Хорошо помню 9 декабря 1990 года. Я жил в Уфе. На улице было минус 32. Сильный ветер.

Я одел плавки и вышел с ведром на улицу. Помню черное звездное небо. Я представлял как Он смотрит на меня, как он слышит. Мне было очень стыдно в тот момент, что я столько лет не просил Его, даже не знал что Он есть. И облившись, стал просить Его дать возможность еще немного пожить... Хотя бы несколько лет, пока сестра, которой тогда было 9 лет не подрастет.

Дальше мне стало очень плохо. Я с трудом добрал до квартиры, спрятался под одеялом и сжавшись ощутил как тело начало «пылать». Когда температура тела поднялась до 41 градуса и из легких полилась... я снова пошел на улицу. И снова облившись, стоя на голых коленях в снегу я очень просил Его дать мне полноценную жизнь... Хоть немного...

Так длилось почти 3,5 дня. Я не ел и не пил и каждые два — три часа ходил на улицу... Лил воду и просил. Я не знал что делать. Но понимал, что или он меня спасет. Или пусть это будет мой, вот такой итог...

Это была схватка. Мне кстати было все равно кто победит.

Я тогда ощутил, что значит быть УСЛЫШАНЫМ.

Это ощущение, когда ты уже не переживаешь за будущее. Ты делаешь то, что должен и полагаешься на Него.

Врачи, наблюдавшие за мной, приехавшие на третий день (узнав от соседей) вызвали реанимацию.

Я лежал, подо мной была лужа жидкости вытекающей из легких и еще откуда-то... Мы ждали врачей.

Я нашел последние силы и вместе с участковым доктором пошел на улицу. Не знаю, почему она не остановила меня. Хотя ведь было время такое... странное. Все чего-то искали. Верили во все подряд.

Я облился. И вдруг у меня впервые открылись легкие. Вы не поймете о чем я...

Попробуйте всю жизни не дышать полной грудью. Только крохотными глотками. Но еще когда на вашей груди всегда лежит бетонная плита. И вы должны каждый вдох ее поднимать. И выдохнуть — также преодолевая огромное сопротивление... И дышать только через трубочки. Да после гормональных уколов.

Тогда я сделал полноценный вдох, от которого потерял сознание.

К вечеру все, что текло из легких и не только — литься перестало.

Мне стало легче. Четвертый день я не ел и не пил. Я помню, как выпил чай и уснул...

Тогда мне было 15 лет. Я проснулся ночью и испытал счастье и чувство... Потом, спустя время, когда я понял, Кто меня слышал в те дни и Кто мне вернул жизнь, я осознал, что это была моя самая главная «...первая любовь»... О которой Бог говорил Иоанну.

После этого я ни разу не был в больнице. Я отслужил в органах без малого 20 лет. У меня 4 детей. Которые также выполняют простую «Детку». У меня вернулась память и я смог не просто запоминать

стихи. Я помню этот момент, когда все переломилось и я способность помнить вернулась. Я на красный диплом окончил академию. В 21 год удалось написать два своих учебника. В 24 защитить кандидатскую... И всё это — только промысел и бесконечная череда подарков от Него.

Теперь, каждый раз, когда я вижу, как без разбора оскорбляют моего Учителя, самого близкого и родного человека, через обожение которого я остался жив, в чьей жизни я обрел образ Бога — мне становится очень стыдно...

Стыдно за молчание. За неблагодарность.

Я первый раз говорю об этом открыто. Так нельзя. Не принято.

Но я в этот день чувствую обязанность высказать слова -

Благодарности и Славы моему Богу...!

P.S. Здесь важно понять, я говорю о Боге! О Котором говорил Господь Иисус Христос, о Творце, о Начале и Конце всего сущего.

Но я говорю и о человеке — Порфирии Корнеевиче Иванове, который очень точно отражал процесс обожения словами: я тот, Кто во мне. Сам бы я уже тысячу раз умер!